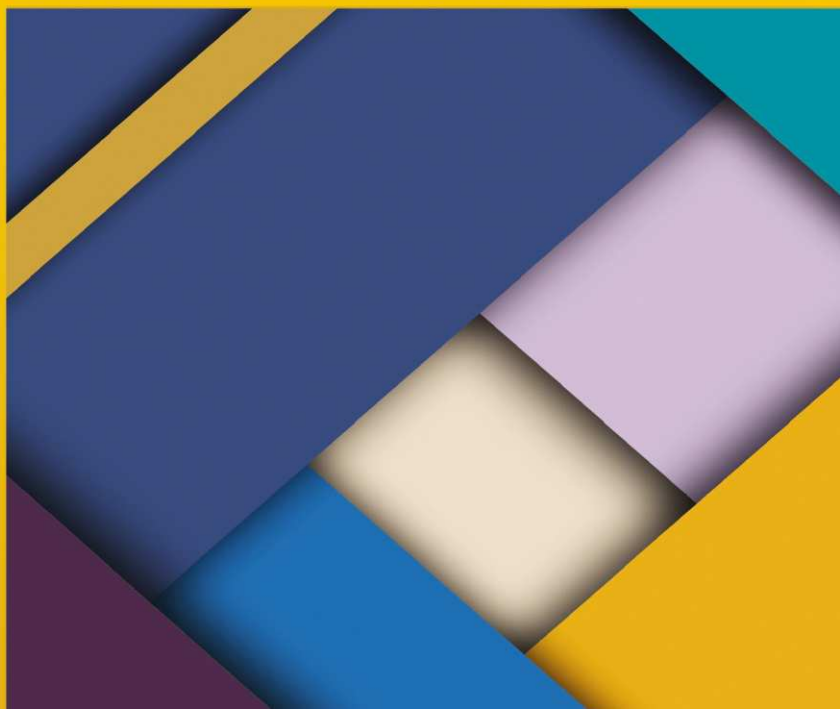

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 15, Number 2
2023

Современные исследования социальных проблем

Том 15, № 2
2023

Modern Studies of Social Issues

Volume 15, Number 2
2023

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2023

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 15, № 2, 2023 / Vol. 15, No 2, 2023

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-14-27

УДК 94 (470)

Научная статья | Отечественная история

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАДИМИРСКИХ
ГУБЕРНАТОРОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА****К.О. Кудряшов**

Обоснование. В последней четверти XIX – начале XX в. в Российской империи наблюдалась активизация революционного и стачечного движения, а также рост государственной оппозиции. Для наведения порядка и обеспечения контроля губернаторам, в том числе и Владимирской губернии, были предоставлены более широкие полномочия в сфере взаимодействия с правоохранительными органами. Создавались новые структуры для борьбы с оппозицией: фабричная полиция, агентурная сеть и прочие. В статье дается анализ эффективности взаимодействия губернаторов и правоохранительных органов, выявляется кадровая политика губернского правления.

Цель исследования – изучение эффективности взаимодействия Владимирских губернаторов и правоохранительных органов в последней четверти XIX – начале XX вв.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили делопроизводственные документы Государственного архива Владимирской области, Государственного архива Ивановской области и Государственного архива Российской Федерации. Методологической основой данного исследования являются принципы историзма и системности, реализованные благодаря проблемно-хронологическому, историко-генетическому и аналитическому методам.

Результаты исследования. В статье рассматривается взаимодействие губернаторов Владимирской губернии с правоохранительными органами в проблемных ситуациях. В период нарастания оппозиционных настроений начальники губернии всесторонне прибегали к функциям правоохранительных органов. В конце XIX – начале XX в. наблюдается поиск новых подходов по урегулированию отношений с оппозицией, без активного применения силовых структур. Губернаторы были заинтересованы в охране правопорядка в регионе. Приводится особенность работы губернского правления с кадрами правоохранительных органов.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при региональном исследовании схожих «внутренних» губерний Российской империи по данной проблематике. Также для подготовки пособий и лекций по взаимоотношениям губернаторов и правоохранительных органов.

Ключевые слова: Владимирская губерния; губернская администрация; губернатор; органы полиции; губернское правление; рабочее движение; филеры

Для цитирования. Кудряшов К.О. Взаимодействие владимирских губернаторов и правоохранительных органов в последней четверти XIX – начале XX века // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-14-27

Original article | Russian History

INTERACTION OF THE VLADIMIR GOVERNORS AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE LAST QUARTER OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

K.O. Kudryashov

Background. In the last quarter of the 19th – early 20th century, in the Russian Empire, there was an intensification of the revolutionary and

strike movement, as well as the growth of state opposition. To restore order and ensure control, the governors of the regions, including the Vladimir province, were given broader powers in the field of interaction with law enforcement agencies. New structures were created to fight the opposition: the factory police, a network of agents, and others. The article analyzes the effectiveness of interaction between governors and law enforcement agencies, reveals the personnel policy of the provincial government.

*The **purpose** of the article is to study the effectiveness of interaction between the Vladimir governors and law enforcement agencies in the last quarter of the 19th – early 20th centuries.*

***Materials and methods.** The materials for the study were official documents of the State Archives of the Vladimir Region, the State Archives of the Ivanovo Region and the State Archives of the Russian Federation. The methodological basis of this study is the principles of historicism and consistency, implemented thanks to the problem-chronological, historical-genetic and analytical methods.*

***Results.** The article discusses the interaction of the governors of the Vladimir province with law enforcement agencies in problem situations. During the period of growing opposition sentiments, the governors comprehensively resorted to the functions of law enforcement agencies. At the end of XIX – beginning of XX century it was planned to soften the course of the governors in relation to the opposition, they avoided direct intervention. The governors were interested in the protection of law and order in the region. The peculiarity of the work of the provincial government with the personnel of law enforcement agencies is given.*

***Conclusion.** The results of the study can be applied in a regional study of similar “internal” provinces of the Russian Empire on this issue, also for the preparation of manuals and lectures on the relationship of governors and law enforcement agencies.*

***Keywords:** Vladimir province; provincial administration; governor; police authorities; provincial government; labor movement; fillers*

***For citation.** Kudryashov K.O. Interaction of the Vladimir Governors and Law Enforcement Agencies in the Last Quarter of the XIX – Beginning of the XX Centuries. *Sovremennye issledovania socialnyh problem**

[Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-14-27

Введение

Цель. Исследовать взаимодействие Владимирских губернаторов и правоохранительных органов в последней четверти XIX – начале XX века.

Актуальность. Модернизация взаимодействия региональных органов исполнительной власти и полиции в современной России становится невозможной без учета исторического опыта. Этому способствует изучение делопроизводственных документов институтов губернской власти и правоохранительных структур в конце XIX – начале XX в. Расширение полномочий губернатора заставляло их принимать неоднозначные решения относительно оппозиционного движения, что в свою очередь, зачастую, приводило к противоречивым результатам.

Совместная деятельность губернаторов и правоохранительных органов была обусловлена совокупностью определенных факторов. В значительной мере данная корреляция была отражением политики, проводимой центральной властью, так к примеру, с 1883 г. более миллиона рублей выделяется Департаменту полиции на секретные расходы [15, с. 166]. Не стоит приуменьшать личностные качества начальников губернии, которые могли способствовать принятию решений в кризисных ситуациях. В данном случае губернаторам приходилось реагировать на активизацию стачечных движений в 80-е, 90-е гг. XIX в. и рост революционных настроений. В новых условиях главному чиновнику региона приходится отвечать не только за сохранение общественного порядка, но даже за политическую благонадежность и нравственность подданных губернии.

Обратимся к историографии. В первую очередь данная проблема рассматривалась юристами-современниками, среди которых выделяется И. А. Блинов. В его работах делается акцент на том, что именно в 60-е гг. XIX в. влияние губернаторов в сфере правоохранительной деятельности значительно возрастает. Это обстоятель-

ство распространяется на жандармские губернские управления. В случае возникновения каких-либо беспорядков полицмейстеры и исправники обязаны были «немедленно» сообщать губернатору о происшествиях и «хозяин губернии» достаточно часто пользовался этим правом [2, с. 275-277].

В советской историографии напрямую не изучалось взаимодействие интересующих нас институтов. Если правоохранные органы и высшее губернское чиновничество затрагивались, то лишь в рамках исследовательских работ по революционному движению. К ряду таких работ можно отнести кандидатскую диссертацию Л.М. Кресиной о рабочем движении во Владимирской губернии, где органы полиции представлены как инструмент по борьбе с революционными настроениями и нарастающим недовольством пролетариата [17, с. 18]. Диссертация была написана в рамках существующего в то время марксистского дискурса и идеологизирована, но статистические данные остаются исторически значимы.

Большая работа по деятельности правоохранительных органов была проделана В.И. Власовым и Н.Ф. Гончаровым в рамках историко-правового исследования. В монографии прослеживается особая ответственность губернаторов перед центральными органами власти, ведь их главная задача – «отвечать перед правительством за безопасность губернии» [3, с. 200].

Также стоит выделить кандидатскую диссертацию А.В. Кокшарова, в которой явно делается акцент на существенные изменения в правоохранительных структурах данного периода. Несмотря на увеличение численности сотрудников в органах полиции и жандармерии, подготовка кадров оставляла желать лучшего. Деятельность полиции была отягощена несистематичностью, порожденной губернской и центральной властью, так как отсутствовала строгая кодификация нормативно-правовых актов. В эти годы полиция становится орудием для подавления всякого инакомыслия [16, с. 167-168].

При этом были проведены исследования в рамках отдельных аспектов взаимодействия губернаторов и правоохранительных органов в нестабильных для региона ситуациях. Особенно часто

данная взаимосвязь рассматривалась в контексте Великих реформ, посредством которых была оптимизирована вертикаль губернаторской власти [14, с. 60]. Так же во многих аспектах рассматриваются локальные противоречия, возникшие между рабочими и представителями губернской власти, в частности, риторика ведется о рабочих стачках. При этом исследования проводятся специалистами в области экономики, к примеру, о Морозовской мануфактуре [1, с. 54] или в рамках исторической науки, с позиции реконструкции событий [19, с. 282]. Для нашего исследования особой важностью является изучение взаимосвязи губернаторов и правоохранительных органов, посредством использования губернаторами данного «рычага» как средства для наведения порядка в регионе.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили делопроизводственные документы, сосредоточенные в фондах канцелярии владимирского губернатора (Ф. 14) и владимирского губернского правления (Ф. 40) Государственного архива Владимирской области, а также в фонде пристава 2-го стана Шуйского уезда (Ф. 69) Государственного архива Ивановской области и в фондах Александра III (Ф. 677) и Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102) Государственного архива Российской Федерации. При анализе источников использовались проблемно-хронологический, историко-генетический и аналитический методы. Благодаря этим методам была систематизирована и отобрана информация, определена взаимосвязь губернаторов и правоохранительных структур Владимирской губернии.

Результаты и обсуждение

В пределах губернии общая полиция была подконтрольна губернскому правлению и лично губернатору. Полномочия местных органов власти после масштабных реформ 60-х гг. XIX в. значительно расширились. «Временные правила об устройстве полиции», вступившие в законную силу в 1862 г., объединяли органы полиции в уездном городе и в уезде, а в губернских городах были

созданы уездные управления во главе с полицмейстером. При этом корпус жандармерии с 1888 г. поступал в распоряжение министерства внутренних дел. Это свидетельствует о расширении полномочий в рамках одного «министерства министерств». К тому же с 1866 г. губернаторам предоставляется право производить ревизии по всем гражданским учреждениям подвластного им региона [12, л. 3].

Владимирские губернаторы на рубеже XIX–XX вв. были обеспокоены нарастанием революционного и стачечного движения в регионе. Многие губернаторы старались предотвратить противоправные действия подданных в пределах губернии. В немалой степени радикальность реакция была связана с личностными качествами чиновника. Губернатор И.М. Судиенко (1876-1892) отличался решительностью в применении силовых структур в отношении жителей губернии. Согласно делопроизводственной документации, он неоднократно ходатайствовал о размещении в летний период военных подразделений в целях «предупреждения преступлений», «тишины и спокойствия» [9, л. 2] (в данном случае речь идет о размещении II-го псковского полка на территории региона). Уместно обратить внимание на то, что в самом губернском городе И.М. Судиенко требовал от владимирского полицмейстера разместить не менее 25 человек для патрулирования города с предоставлением информации о постах [9, л. 8]. Его радикальные действия не только отвечали курсу центральной власти, но и были отражением личностных качеств, ведь он неоднократно требовал выселения налоговых должников в Сибирь. В итоге 17 крестьянских семей было переселено в Томскую губернию.

В копиях всеподданнического отчета губернатора И.М. Судиенко сохранились сведения о необходимости использования им сил правоохранительных органов. Обратимся к отчету за 1889 год, где начальник губернии неоднократно упоминает о применении силовых структур по отношению к народным волнениям. В частности, он отмечает буйство в городах: Ковров, Шуя и Иваново-Вознесенск. При этом отмечается, что с прибытием губернатора, как главного лица губернии, буйство в городах не прекращалось, из-за этого он

был вынужден обратиться к представителям силовых структур. Наиболее катастрофично оценивались, по утверждению И.М. Судьенко, буйства в Шуе и Иваново-Вознесенске. С целью умирения населения XI-й Донской казачий полк оставался в городах длительное время [5, л. 35-41].

Губернаторы неоднократно обращались к полиции с целью умирения недовольства рабочих, но это было недостаточным и требовало иного подхода. Благодаря предложению Владимирского губернатора в губернаторском отчете за 1897 г., была введена фабрично-заводская полиция на территории Российской империи [18, с. 35-36]. Известны случаи, когда при нарастании социального напряжения губернатор лично приезжал для руководства силами государственного принуждения. Риторика ведется о Морозовской стачке в Орехово-Зуево 1885 г., на место событий сразу прибыл московский генерал-прокурор Н.В. Муравьев и губернатор И.М. Судьенко.

В последующие годы губернаторы пытались избежать такого прямого вмешательства. Постепенно недовольство рабочих нарастало на территории всей губернии. В 1896 г. рабочие фабрики Дербеневых начали забастовку в Камешках. С фабрикантами пытался договориться фабричный инспектор, но диалог не увенчался успехом. После этих событий губернатору М.Н. Теренину (1893-1898) была направлена телеграмма с просьбой явиться в населенный пункт и урегулировать ситуацию, данная просьба осталась без ответа [9, л. 1-123]. Фабричное производство было остановлено, но губернатор был обеспокоен «простоем» производства и справлялся о скорейшем его возобновлении. После начала работы фабрики им было дано распоряжение о негласном наблюдении за рабочими [6, л. 1,4]. Оплату жалования фабричной полиции, как правило, частично производили сами фабриканты, и они были в праве от нее отказаться; так был сокращен штат сотрудников полиции в с. Кохма [13, л. 1-10]. В данном случае начальник губернии пытается найти иной подход к разрешению стачки рабочих, избегая своего прямого вмешательства.

На территории Владимирской губернии работали филеры по выявлению революционных подстрекателей. Сосчитать агентов и

вспомогательных сотрудников достаточно трудно, но по подсчетам Л.М. Кресиной на рубеже XIX–XX вв. во Владимирской губернии их насчитывалось около 100 [17, с. 87].

В начале XX в. стачечное движение имело место, но не носило такого массового характера. По большей части, переписка губернаторов с полицмейстерами и исправниками сводилась к фиксации бытовых преступлений. Некоторые из этих преступлений совершались на большие денежные суммы, так в 1905 г. в Иваново-Вознесенске в магазине М.М. Шифнер, на Панской улице, было произведено хищение одежды более чем на 2000 рублей [7, л. 9, 10].

Заинтересованность губернатора в действиях полиции выражается в оставленных пометках на полицейских ведомостях. Особый интерес вызывали кражи на большую сумму, выделялся определенный вид преступления и сумма совершенной кражи. Подобная операция производилась в отношении пожаров, (при этом интерес представляли постройки, застрахованные в земстве), а также смертей, произошедших по не естественным причинам [8, л. 3].

Стоит предположить, что данный интерес был вызван не столько личной заинтересованностью, сколько прагматичностью. Многие из перечисленных позиций использовались для составления всеподданнического отчета за год, хоть губернатор и отправлял отдельно соответствующий запрос.

В условиях роста числа оппозиционно настроенных подданных губернатор и его администрация становились основной инстанцией, которая могла дать достоверную информацию о «политической благонадежности» жителей губернии. Так в 1906 г. московский губернатор и инспектор народных училищ учебного округа XI участка запрашивали характеристику на учителя С.Г. Яркова, пытавшегося устроиться на работу в Московскую губернию. Структура взаимодействия выглядела следующим образом: губернатор отправил запрос исправнику Покровского уезда Владимирской губернии о предоставлении сведений о С.Г. Яркове. В предоставленных уездным исправником сведениях указывалось, что учитель распространял революционные прокламации среди учеников, а также являлся ор-

ганизатором и активным участником митингов [8, л. 3]. При этом владимирский губернатор сохранил некую профессиональную этику, исчерпывающе предоставив информацию московскому губернатору, попросив инспектора училищ за сведениями обратиться к своему губернатору.

Губернское правление и губернатор беспокоились не только о наведении порядка на подвластной территории, но и решали кадровые вопросы правоохранительных органов. К примеру, с введением в 1878 г. должности урядника губернатор отправил распоряжения и инструкции с требованиями к кандидатам, на губернию изначально предполагалось порядка 80 урядников [11, с. 197]. Требования к ним были достаточно высокими, в первую очередь затрагивались подготовка, моральные качества сотрудников и их репутация.

Количество служащих в полиции по губернии сосчитать достаточно сложно, так как архивные фонды не располагают полным комплексом источников по данным о полицейских служащих. В Государственном архиве Владимирской области сохранились формулярные списки о лицах, представленных к повышению и награждению. Благодаря им мы можем узнать о причинах представления к повышению, сословных признаках служащих, вероисповедании, образовании, заработной плате, семейном положении. В рамках данной статьи для нас является важным определить сословное положение служащих и выявить причину предполагаемого повышения. Нами были подобраны 20 формулярных списков служащих правоохранительных органов, к ним были отнесены исправники, полицейские надзиратели, городские приставы и столоначальники полицейского управления. Среди них преобладающим большинством стали выходцы из семей представителей духовенства, значительно меньше по количеству обер-офицерские дети и меньше всех выходцы из дворян [10, л. 1-110]. Особое положение имели служащие-выходцы из дворянских семей Владимирской губернии, в формулярных списках их статус требовал конкретизации. Несмотря на «наплыв» детей представителей духовенства на руководящие посты, губернаторы старались назначать людей с соответствующим

образованием и людей дворянского сословия. В остальных случаях производство в следующие чины осуществлялось согласно выслуге лет. Губернаторы следили за повышением служащих полиции, этому свидетельствует работа чиновников с газетой «Правительственный вестник», где остались отметки о служащих Владимирской губернии [10, л. 111-123].

Заключение

Губернская администрация Владимирской губернии была достаточно тесно связана с правоохранительной деятельностью. В затрагиваемые нами хронологические рамки, губернаторский корпус старался привлекать органы полиции для подавления стачечного и назревающего революционного движения. На фабриках вводилась особая фабричная полиция, инициаторами которой являлись владимирские губернаторы. При этом в губернии работала полиция по политическому сыску, о которой губернаторы были в курсе. Резолюции, оставленные на ведомостях и рапортах полицмейстеров, говорят о заинтересованности губернаторов в сохранении порядка на территории региона. При этом губернатор должен был иметь представление о политической благонадежности подданных губернии, в данном случае он мог положиться на исправников. Так же губернское правление представляло списки производства в следующий чин и подбирало кандидатов для вручения наград.

Список литературы

1. Бирюкова. А.А. Мануфактура Викула Морозова: монография. Орехово-Зуево, 2018.
2. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905.
3. Власов. В. И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX-XX веках. (Ист.-правовое исслед.). Монография. В 2 ч. РИПК работников МВД РФ. Ч 1. Домодедово, 1997.
4. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 1386.

5. ГАВО. Ф.14. Оп. 4. Д. 20.
6. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2737/
7. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1157.
8. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1177.
9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 909.
10. ГАВО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 132.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 76. Д. 15.
12. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 501.
13. Государственный архив Ивановской области. Ф. 69. Оп. 1. Д. 105.
14. Жукова Д.Д Система взаимодействия владимирских губернаторов с органами полиции во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. 2014. № 4. С. 59-61.
15. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. Москва: Мысль, 1973.
16. Кокшаров А.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация кандидата исторических наук. Ивановский государственный университет. 1999.
17. Кресина Л.М. Рабочее движение во Владимирской губернии в конце XIX - начале XX вв. Владимир. 1959.
18. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии Владимирской губернии в архивном фонде России // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (24 апреля 2009 г.) / Департамент по культуре администрации Владим. Обл. ГУК. Владимир, 2009. С. 35-38.
19. Морова О.В. Забастовка рабочих на фабрике В. Морозова 7 октября 1897 года (опыт реконструкции события) // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. С. 281-290.

References

1. Biryukova. A.A. *Manufaktura Vikula Morozova: monografija* [Manufactory Vikula Morozov: monograph]. Orekhovo-Zuevo, 2018.
2. Blinov I.A. *Gubernatory: istoriko-juridicheskij ocherk* [Governors: historical and legal essay]. SPb., 1905.

3. Vlasov, V.I., Goncharov N.F. *Organizacija rozyska prestupnikov v Rossii v IX-XX vekah* [Organization of the search for criminals in Russia in the IX-XX centuries]. (Ist.-legal research). Monograph. At 2 o'clock RIPK employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Ch 1. Domodedovo, 1997.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti* [State Archive of the Vladimir Region]. F. 14. Op. 4. D. 1386.
5. GAVO. F.14. Op. 4. D. 20.
6. GAVO. F. 14. Op. 5. D. 2737.
7. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 1157.
8. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 1177.
9. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 909.
10. GAVO. F. 40. Op. 2. D. 132.
11. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 102. Op. 76. D. 15.
12. GARF. F. 677. Op. 1. D. 501.
13. *Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti* [State archive of the Ivanovo region]. F. 69. Op. 1. D. 105.
14. Zhukova D.D. Sistema vzaimodejstvija vladimirskih gubernatorov s organami policii vo vtoroj polovine XIX veka [The system of interaction between the Vladimir governors and the police in the second half of the 19th century]. *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasova*, 2014, no. 4, pp. 59-61.
15. Zayonchkovsky P.A. *Samoderzhavie i russkaja armija na rubezhe XIX-XX stoletij. 1881-1903* [Autocracy and the Russian army at the turn of the XIX-XX centuries. 1881-1903]. Moscow: Mysl, 1973.
16. Koksharov A.V. *Policejskie organy Vladimirskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv.: dissertacija kandidata istoricheskikh nauk* [Police bodies of the Vladimir province in the second half of the 19th - early 20th centuries: dissertation of a candidate of historical sciences]. Ivanovo, 1999.
17. Kresina L.M. *Raboochee dvizhenie vo Vladimirskoj gubernii v konce XIX - nachale XX vv* [The labor movement in the Vladimir province in the late XIX - early XX centuries]. Vladimir, 1959.

18. Minakov A.S. Vsepoddannejshie otchety o sostojanii Vladimirskoj gubernii v arhivnom fonde Rossii [All-subject reports on the state of the Vladimir province in the archival fund of Russia]. *Materialy Mezhhregional'noy kraevedcheskoj konferentsii (24 aprelya 2009 g.)* [Materials of the Interregional Regional Studies Conference (April 24, 2009)] / Department of Culture of the Administration Vladim. Region GUK. Vladimir, 2009, pp. 35-38.
19. Morova O.V. Zabastovka rabochih na fabrike V. Morozova 7 oktjabrja 1897 goda (opyt rekonstrukcii sobytija) [The strike of workers at the factory of V. Morozov on October 7, 1897 (the experience of the reconstruction of the event)]. *Lecturer XXI century*, 2021, no. 1, pp. 281-290.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кудряшов Кирилл Олегович, аспирант кафедры истории России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600026, Российская Федерация
kudryawov@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kirill O. Kudryashov, post-graduate student of the Department of History of Russia
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
87, Gorky Str., Vladimir, 600026, Russian Federation
kudryawov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6873-0322>

Поступила 06.04.2023
После рецензирования 28.04.2023
Принята 01.05.2023

Received 06.04.2023
Revised 28.04.2023
Accepted 01.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-28-43

УДК 930.1

Научная статья | Отечественная история

БЮРОКРАТИЗМ И БОРЬБА С НИМ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КИРОВСКАЯ ПРАВДА»

Д.И. Лобанов

***Обоснование.** Политика гласности, проводимая в СССР во второй половине 1980-х гг., позволила ослабить цензурные запреты. На партийных конференциях, в газетах, телевизионных передачах стали подниматься ранее запретные темы. Одна из них – распространение бюрократизма в органах власти Советского Союза. Борьба с данным явлением в Советском Союзе в годы перестройки как феномен практически не рассматривался в постсоветской историографии в рамках Кировской области. В работе анализируются статьи газеты «Кировская правда», осуждавшие бюрократизм. Изучены рубрики, в которых освещалось негативное влияние волокиты на общество.*

***Цель.** Рассмотреть и проанализировать статьи газеты «Кировская правда» периода перестройки, в которых обличается бюрократизм.*

***Материалы и методы.** Основой для исследования послужили архивные материалы Центрального государственного архива Кировской области и номера газеты «Кировская правда» – органа Кировского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов в рассматриваемый период. При анализе источников был использован метод контент-анализа.*

***Результаты.** Появление в газете «Кировская правда» рубрик, посвященных обличению бюрократизма в Кировской области, было связано с политическим трендом, заданным М. С. Горбачевым в 1986 г. Большинство статей, опубликованных в периодическом изда-*

нии в рамках разделов «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты», были связаны с жалобами жильцов многоквартирных домов на работу предприятий жилищно-коммунального хозяйства. Причиной нерегулярности публикаций статей являлось изменение интереса руководства страны к данной теме. Результаты контент-анализа позволяют сделать вывод о том, что обе рубрики, обличавшие формализм, содержали схожие истории жителей Кировской области, столкнувшихся с бюрократизмом. Проблемы, связанные со сферой жилищно-коммунального хозяйства, являлись основой для статей, связанных с волокитой.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении явления «бюрократизма» в годы перестройки.

Ключевые слова: бюрократизм; Кировская правда; перестройка; контент-анализ; MAXQDA

Для цитирования. Лобанов Д.И. Бюрократизм и борьба с ним в годы перестройки на страницах газеты «Кировская правда» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 28-43. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-28-43

Original article | Russian History

BUREAUCRATISM AND THE FIGHT AGAINST IT IN THE YEARS OF PERESTROIKA ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER “KIROVSKAYA PRAVDA”

D.I. Lobanov

Background. The glasnost policy pursued in the USSR in the second half of the 1980s made it possible to weaken censorship restrictions. At party conferences, in newspapers, television programs, previously forbidden topics began to be raised. One of them is the spread of bureaucracy in the organs of power in the Soviet Union. The fight against this phenomenon in the Soviet Union during the years of perestroika was practically not considered as a phenomenon in post-Soviet historiogra-

phy within the Kirov region. The paper analyzes the articles of the newspaper “Kirovskaya Pravda”, condemning bureaucracy. The headings that highlighted the negative impact of red tape on society were studied.

Purpose. *Consider and analyze the articles of the newspaper “Kirovskaya Pravda” of the perestroika period, which denounce bureaucracy.*

Materials and methods. *The basis for the study was the archival materials of the Central State Archive of the Kirov Region and the issue of the newspaper “Kirovskaya Pravda” – the organ of the Kirov Regional Committee of the CPSU and the Regional Council of People’s Deputies in the period under review. When analyzing sources, the method of content analysis was used.*

Results. *The appearance in the newspaper “Kirovskaya Pravda” of columns devoted to exposing bureaucracy in the Kirov region was associated with the political trend set by M. S. Gorbachev in 1986. Most of the articles published in the periodical within the framework of sections “Bureaucratism - out of the way” and “Addresses of red tape”, were associated with complaints from tenants of apartment buildings about the work of housing and communal services enterprises. The reason for the irregular publication of articles was a change in the interest of the country’s leadership in this topic. The results of the content analysis allow us to conclude that both headings that denounced formalism contained similar stories of residents of the Kirov region who faced bureaucracy. The problems associated with the sphere of housing and communal services were the basis for articles related to red tape.*

Practical implications. *The results of the study can be used to study the phenomenon of “bureaucracy” during the years of perestroika.*

Keywords: *bureaucracy; Kirovskaya Pravda; perestroika; content analysis; MAXQDA*

For citation. *Lobanov D.I. Bureaucratism and the Fight Against it in the Years of Perestroika on the Pages of the Newspaper “Kirovskaya Pravda”. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 28-43. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-28-43*

Введение

Цель. Провести анализ рубрик газеты «Кировская правда» 1985-1991 г., которые затрагивали тему бюрократизма.

Актуальность. Негативное влияние бюрократии на общество является частой темой для дискуссии в России. Данная проблема поднималась В. И. Лениным в период своего правления, но затем в СССР обсуждение вопроса прекратилось.

Наряду с другими запрещенными для обсуждения темами, полемика о вреде бюрократизма вновь начала вестись в середине 1980-х г., в том числе на страницах периодических изданий. Особое внимание уделялось влиянию бюрократизма на экономику СССР [19; 20]. В контексте событий периода перестройки в Советском Союзе данная проблема являлась одной из наиболее общественно значимых. Однако тема борьбы с формализмом в периодической печати Кировской области не была должным образом отражена.

Материалы и методы

Для исследования тем, которые поднимались в рубриках «Кировской правды», обличавших бюрократизм, использовался метод контент-анализа.

Основой исследования послужили архивные источники и областное издание «Кировская правда».

Результаты и обсуждение

В 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Спустя годы он следующим образом оценит сложившуюся в СССР ситуацию на момент своего прихода к власти: «Бюрократическая машина претендовала на тотальный контроль жизни общества, но не могла обеспечить удовлетворение элементарных потребностей людей» [1].

Выступая на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС, М.С. Горбачев отметил: «В последнее время у меня было немало встреч и бесед с руководителями предприятий, рабочими, инженерами, секретарями партийных комитетов, и все они сходятся на том, что

возможности инициативной работы расширяются медленно. Дает о себе знать бюрократизм – родной брат администрирования, ярый противник широкого участия народных масс в делах управления» [2, с. 451]. Упомянутая речь была не первой репликой руководителя Советского Союза, направленной против бюрократизма в советском обществе. Исследователь Ашок Гаджанан Модак отмечал, что необходимость противостояния данному явлению в СССР было очень распространенной темой в выступлениях М.С. Горбачева [21, с. 209]. Стоит подчеркнуть, что в решении апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, на XXVII съезде КПСС высказывались требования действенного наступления на формализм, однако выступление на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС стало сигналом к началу борьбы с данным явлением.

В «Кратком политическом словаре», изданном в 1989 г., под бюрократизмом понимается «явление общественной жизни, иерархически организованная, оторванная от народа и чуждая ему система управления обществом» [17, с. 54].

Обсуждение данной проблемы в годы перестройки помогает раскрыть анализ статей двух рубрик газеты «Кировская правда», обличавших фиктивную работу сотрудников государственных учреждений: «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты».

Периодическое издание «Кировская правда» было основано 21 декабря 1917 г. и изначально имело название «Вятская правда». 8 декабря 1934 г. газета была переименована и стала издаваться под заголовком «Кировская правда».

Газета являлась органом Кировского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов. Она была крупнейшим областным изданием Кировской области. Согласно данным начальника Кировского областного агентства «Союзпечать» В.И. Безродных общее количество подписок на газету «Кировская правда» в 1986 г. составляло 179635 экземпляров [18, л. 20].

Газета состояла из 4 страниц формата А2. «Кировская правда» выходила в черно-белом цвете, за исключением номеров, посвященных праздникам – Новый год, День Победы, Международный

женский день и др. Кроме текста, издание содержало фотографии, иллюстрации, карикатуры.

Упомянутая ранее речь М. С. Горбачева на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС легла в основу статьи «Бюрократизм живуч», опубликованной в номере «Кировской правды» от 27.07.1986 г. В ней также были процитированы высказывания В. И. Ленина о борьбе с бюрократизмом, рассмотрены конкретные примеры из жизни обычных людей, столкнувшихся с данным явлением [4, с. 3].

Впоследствии в газете была организована специальная рубрика под названием «Бюрократизм – с дороги», которая обличала проявления волокиты в жизни обычных людей. Всего под рубрикой «Бюрократизм – с дороги» в газете «Кировская правда» вышло 25 статей. Реакции на критические статьи обычно публиковались в других разделах.

Одновременно с рубрикой «Бюрократизм – с дороги» выходила колонка «Адреса волокиты». Под данным заголовком было выпущено 12 статей.

Для анализа регулярности появления рубрик, обличавших бюрократизм на страницах газеты «Кировская правда», был составлен график появления данных разделов в 1986-1990 гг.

Рис. 1. Частота публикаций рубрик в газете «Кировская правда», посвященных бюрократизму

Количество статей в данных рубриках было связано с политической ситуацией в стране.

В январе 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев заявил о необходимости перемен из-за сложившегося ранее в советской системе «механизма торможения» [3, с. 304]. Одним из факторов, замедлявших развитие экономики, он называл бюрократизм: «Получилось так, что огромные преимущества социалистической системы хозяйствования, и прежде всего ее плановость, использовались неэффективно. В этих условиях разрасталась безответственность, изобретались разнообразные бюрократические правила и инструкции. Живое дело подменялось администрированием, показной деловитостью, бумаготворчеством» [3, с. 303].

Критика генеральным секретарем СССР на пленуме ЦК КПСС чиновников и их формального отношения к работе спровоцировало в феврале 1987 г. рост количества публикаций в газете «Кировская правда» под рубрикой «Бюрократизм – с дороги».

К осени 1987 г. проблема бюрократии в стране становится одной из главных повесток дня, ее обсуждение проходит на уровне руководства Советского Союза. Так, на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС Б. Н. Ельцин, который на тот момент занимал должность первого секретаря Московского горкома КПСС и являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, раскритиковал бюрократизм партии. Повышенный интерес к данной теме в тот период на всесоюзном уровне связан с появлением в газете «Кировская правда» новой рубрики под названием «Адреса волокиты».

Ажиотаж вокруг данного явления в жизни советского общества не уменьшался. С 28 июня по 1 июля 1988 г. проходила XIX Всесоюзная конференция КПСС, на которой была принята резолюция «О борьбе с бюрократизмом». Одновременно с этим отмечен рост количества появлений рубрики «Бюрократизм – с дороги».

Впоследствии интерес проблеме бюрократизма в стране стал сокращаться из-за ослабления цензуры, что способствовало росту интереса к другим, ранее запрещенным, темам, и появления в Советском Союзе иных социальных и политических проблем. К се-

редине 1990 г. статьи под рубриками «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты» в газете «Кировская правда» практически перестали выходить.

Первая публикация в рамках рубрики «Бюрократизм – с дороги» вышла в номере «Кировской правды» от 17.08.1986 г. Статья «Меры приняты оперативно» содержала информацию о выполнении работ по восстановлению дорожной связи в Свечинском районе, за что райисполком Свечинского района критиковали в статье «Бюрократизм живуч» (о ней мы говорили выше).

В статье «Неприступные» от 08.07.1988 г. сотрудница Кировского станкостроительного завода В. Роженцова жаловалась на препятствия со стороны администрации предприятия по выдаче ссуды на строительство садового домика [11, с. 3]. В номере от 16.08.1988 г., в рубрике «Экран действительности», был дан ответ директора и главного бухгалтера завода: «В настоящее время документы работников станкостроительного завода, желающих получить ссуды для строительства садовых домиков, находятся в Ленинском отделении Сбербанка. Они поставлены на очередь для получения ссуды в начале следующего, 1989 года» [13, с. 3].

Статьи из рубрики также рассматривались на партийном уровне. 20 февраля 1987 г. было опубликовано письмо жителей одного из домов в г. Мураши под названием «Мажорный тон при минорных обстоятельствах». В нем авторы заметки высказывали недовольство из-за безрезультатных посещений учреждений жилищно-коммунального хозяйства с просьбой о капитальном ремонте дома, а после начала данного ремонта – о плохой организации работ и срыве сроков [6, с. 3].

Данная статья была рассмотрена комиссией партийного контроля при Кировском обкоме КПСС. В справке для обкома КПСС председатель комиссии указывал, что факты, изложенные в статье, полностью подтвердились. Он также сообщал, что виновные лица понесли наказание; капитальный ремонт дома завершен, принят государственной комиссией и сдан в эксплуатацию 13 марта 1987 г. [19, л. 8-9].

Некоторые из читателей обращались в редакцию «Кировской правды» после того, как ответ, полученный от органа исполнительной власти, не соответствовал действительности. Выпуск от 30.07.1987 г. содержал статью «А грязь и ныне там», в которой приводилось письмо жильцов дома № 93А с улицы Комсомольской г. Кирова. Они жаловались на то, что послание заведующего коммунальным отделом Ленинского райисполкома о работах по восстановлению разрушенного благоустройства дома не соответствовало действительности: работы так и не были произведены до 15 июня 1987 г. [8, с. 2]. 12 ноября 1987 г. в рубрике «Получен ответ» было напечатано письмо председателя Ленинского райисполкома В. Куртеева, указавшего, что у упомянутого ранее дома «произведено благоустройство дворовой территории» [10, с. 3]. Также В. Куртеев отреагировал на другое сообщение, напечатанное в рамках рубрики. В номере от 02.04.1989 г. была опубликована жалоба работницы мехового комбината им. Октябрьской революции. В ней она сообщала, что не может полностью занять выданную ей квартиру по причине установки пломбы на двух из трех комнат. На данное письмо в выпуске от 15 июня 1989 г. был помещен ответ председателя Ленинского райисполкома: «На критический материал под названием «Чужое», опубликованный в газете «Кировская правда» от 2 апреля, исполком Ленинского райсовета сообщает, что в настоящее время Г.А. Корякина с семьей (4 человека) занимает всю трехкомнатную квартиру согласно ордеру, выданному Первомайским райисполкомом» [15, с. 3].

Статья «Адреса волокиты», впервые появившаяся с данным заголовком в номере газеты «Кировская правда» от 06.10.1987 г., начиналась следующим образом: «Волокита сегодня – бич номер один многих организаций, которые заняты обслуживанием населения. С этим злом борются и сотрудники общественной приемной. Борются, пытаются напомнить ответственным работникам об их служебном долге, а порой и взывая их к совести» [9, с. 3]. Далее в статье были приведены примеры проявления волокиты на предприятиях г. Кирова.

Стоит отметить, что обличение проблемы бюрократизма происходило не только в рамках рубрик «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты». Подобные статьи выходили как самостоятельно [5, с. 2], так и в рамках рубрик «Реплика» [7, с. 3], «Сатирическим пером» [12, с. 2], «Заслуживает внимания» [14, с. 3]. Однако большинство статей вышло именно в составе специальных рубрик, посвященных данному явлению.

Автором был проведен контент-анализ материалов газеты, посвященных бюрократизму.

В качестве компьютерной программы для проведения контент-анализа была выбрана MAXQDA 2020. Утилиты данной программы дают возможность проводить комплексный анализ текста, а его результаты отражать в различных форматах в зависимости от целей и задач конкретного исследования. Также MAXQDA 2020 дает возможность получать графическое представление результатов исследования.

Анализ рубрик газеты «Кировская правда» был проведен с помощью платной версии MAXQDA 2020. Работа с программой проводилась в направлении компьютеризованного анализа частот встречаемости слов, содержащихся в текстах. Предварительным этапом работы с контент-анализом являлось выполнением автором набора текста из рубрик «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты» в программе Microsoft Word. После сбора материала исследования была произведена загрузка файла формата «doc» в программу MAXQDA 2020.

Также перед началом работы было произведено создание списка «стоп-слов», не вошедшего в дальнейшие операции. «Стоп-слова» – это набор слов, который мог негативно повлиять на результаты исследования ввиду отсутствия в них необходимой смысловой нагрузки. В этот список были включены служебные части речи (междометия, местоимения, предлоги, союзы).

Подсчет частот встречаемости слов был проиллюстрирован в виде «облаков слов» – графического представления частот встречаемости наиболее важных слов в тексте, где размер шрифта ва-

рьюруется от степени их актуальности в данном текстовом массиве. «Облака слов» были созданы как в целом по рубрикам, обличавшим бюрократизм, так и отдельно по каждой из них.

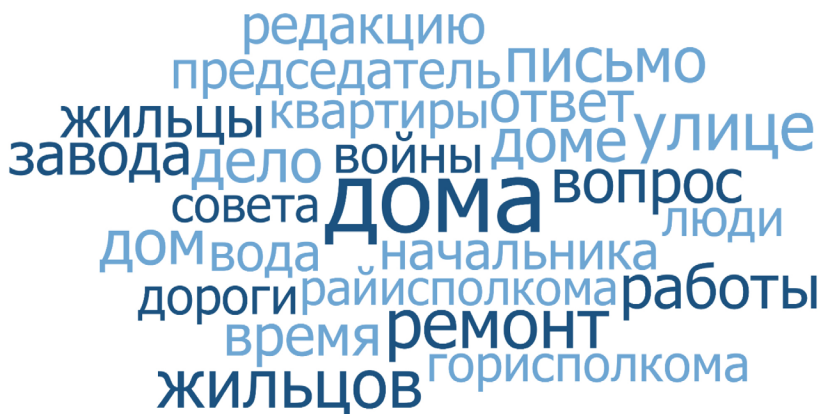

Рис. 2. Облаков слов из выборки материалов рубрик «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты»

Рис. 3. Облаков слов из выборки материалов рубрики «Бюрократизм – с дороги»

Результаты обработки анализа текст в программе MAXQDA позволяет сделать следующие выводы.

Самым популярным словом во всех рубриках являлось «дом» и его формы в других падежах. Частое упоминание данного слова связано с тем, что большинство проблем, раскрывавшихся в рубриках

«Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты», было связано с проблемами взаимодействия с организациями, занимавшимися обслуживанием многоквартирных домов. На это также указывает частое упоминание слов «ремонт», «жилыцы», «жители», «квартиры».

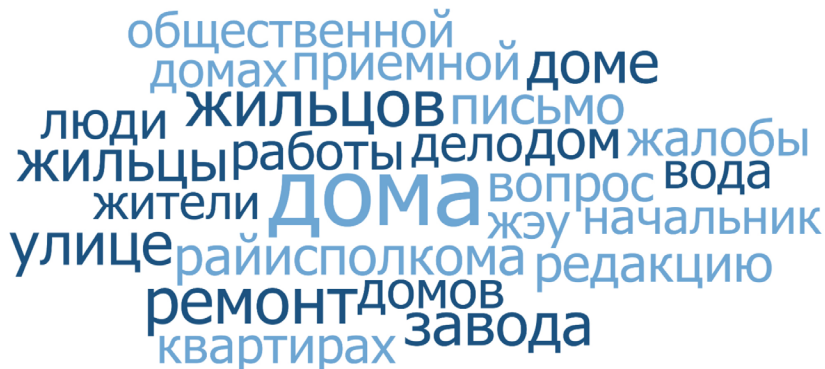

Рис. 4. Облаков слов из выборки материалов рубрики «Адреса волокиты»

Основными субъектами рассматриваемых статей являлись должностные лица, которые олицетворяли бюрократизм. Об этом свидетельствует частота употребления слов «начальник», «председатель». Частое употребление слов «горисполком», «райисполком», «Совета», «завода» свидетельствует об органах власти и предприятиях, с которыми приходилось сталкиваться людям и редакции газеты «Кировская правда» при решении проблем.

В рубрике «Бюрократизм – с дороги» часто упоминается слово «войны». В четырех статьях, вышедших в рамках данной рубрики, главным героем, который столкнулся с бюрократизмом, являлся ветеран Великой Отечественной войны, в одной – ветеран войны и труда.

Стоит отметить, что рубрика «Адреса волокиты» действительно соответствовала названию. Так, среди часто упоминаемых слов в статьях фигурирует жилищно-эксплуатационное управление (ЖЭУ) – управляющая организация по обслуживанию многоквартирных домов. Кроме этого, в список наиболее часто упомянутых слов в статьях входит «райисполком». Это связано с частым взаи-

модействием людей, столкнувшихся с проблемой, и указанным органом, являвшимся исполнительным органом власти.

Заключение

Выступления генерального секретаря СССР М. С. Горбачева, направленные против формализма в органах власти, были восприняты на местах в качестве стимула для начала борьбы с волокитой, в том числе и посредством периодической печати. Появление на страницах областной газеты «Кировская правда» статей, обличавших бюрократизм, стало возможно благодаря ослаблению цензуры. Ранее табуированная тема отныне стала предметом обсуждения в крупном периодическом издании. В рамках специальных рубрик стали публиковаться статьи, критиковавшие бюрократизм.

Разделы «Бюрократизм – с дороги» и «Адреса волокиты» имели схожее содержание. При помощи метода контент-анализа было установлено, что в рамках данных рубрик часто критиковались должные лица в исполнительных органах власти и сотрудники сферы жилищно-коммунального хозяйства. Кроме того, большинство писем читателей газеты было напрямую связано с жалобами на формализм в жилищно-эксплуатационных управлениях.

Письма читателей и статьи журналистов, опубликованные в рамках данных рубрик, имели положительное воздействие. Благодаря статусу областной газеты и большим тиражам «Кировской правды» проблема непосредственно решалась либо лицами, осложняющими своими бюрократическими действиями жизнь граждан, либо партийной комиссией.

Список литературы

1. Горбачев М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/> (дата обращения: 16.04.2023).
2. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи: В 7 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 3. 511 с.

3. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи: В 7 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 4. 511 с.
4. Кировская правда. 27 июля 1986. № 174.
5. Кировская правда. 20 января 1987. № 16.
6. Кировская правда. 20 февраля 1987. № 43.
7. Кировская правда. 09 июня 1987. № 132.
8. Кировская правда. 30 июля 1987. № 174.
9. Кировская правда. 06 октября 1987. № 230.
10. Кировская правда. 12 ноября 1987. № 260.
11. Кировская правда. 08 июля 1988. № 158.
12. Кировская правда. 14 августа 1988. № 187.
13. Кировская правда. 16 августа 1988. № 188.
14. Кировская правда. 08 сентября 1988. № 207.
15. Кировская правда. 15 июня 1989. № 139.
16. Краткий политический словарь [сост. и общ. ред. Л. А. Оникова, Н. В. Шишлина]. М.: Политиздат, 1989. 623 с.
17. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. П-1290. О. 111. Д. 52.
18. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. П-1290. О. 111. Д. 867.
19. Anderson G.M., Boettke P.J. Perestroika and Public Choice: The Economics of Autocratic Succession in a Rent-Seeking Society // *Public Choice*, 1993, vol. 75, no. 2, pp. 101-118.
20. Gregory P.R. The Impact of Perestroika on the Soviet Planned Economy: Results of a Survey of Moscow Economic Officials // *Soviet Studies*, 1991, vol. 43. no. 5, pp. 859-873.
21. Modak A.G. Gorbachev and the Fight against the Bureaucracy // *International Studies*, 1990, vol. 27, issue 3, pp. 209-225. <https://doi.org/10.1177/0020881790027003001>

References

1. Gorbachev M.S. *Ponyat' perestroiku, otstoyat' novoe myshlenie* [Perestroika and New Thinking: A Retrospective]. <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/> (accessed April 16, 2023).

2. Gorbachev M.S. *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected Speeches and Articles]. Moscow: Politizdat, 1987, vol. 3, 511 p.
3. Gorbachev M.S. *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected Speeches and Articles]. Moscow: Politizdat, 1987, vol. 4, 511 p.
4. *Kirovskaya Pravda*, July 27, 1986, no. 174.
5. *Kirovskaya Pravda*, January 20, 1987, no. 16.
6. *Kirovskaya Pravda*, February 20, 1987, no. 43.
7. *Kirovskaya Pravda*, June 09, 1987, no. 132.
8. *Kirovskaya Pravda*, July 30, 1987, no. 174.
9. *Kirovskaya Pravda*, October 06, 1987, no. 230.
10. *Kirovskaya Pravda*, November 12, 1987, no. 260.
11. *Kirovskaya Pravda*, July 08, 1988, no. 158.
12. *Kirovskaya Pravda*, August 14, 1988, no. 187.
13. *Kirovskaya Pravda*, August 16, 1988, no. 188.
14. *Kirovskaya Pravda*, September 08, 1988, no. 207.
15. *Kirovskaya Pravda*, June 15, 1989, no. 139.
16. *Kratkiy politicheskiy slovar'* [Concise Political Dictionary]. Moscow: Politizdat, 1989, 623 p.
17. Central State Archive of the Kirov Region. F. P-1290. Op. 111. D. 52.
18. Central State Archive of the Kirov Region. F. P-1290. Op. 111. D. 867.
19. Anderson G.M., Boettke P.J. Perestroika and Public Choice: The Economics of Autocratic Succession in a Rent-Seeking Society. *Public Choice*, 1993, vol. 75, no. 2, pp. 101-118.
20. Gregory P.R. The Impact of Perestroika on the Soviet Planned Economy: Results of a Survey of Moscow Economic Officials. *Soviet Studies*, 1991, vol. 43. no. 5, pp. 859-873.
21. Modak A.G. Gorbachev and the Fight against the Bureaucracy. *International Studies*, 1990, vol. 27, issue 3, pp. 209-225. <https://doi.org/10.1177/0020881790027003001>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Лобанов Денис Игоревич, аспирант кафедры истории и политических наук

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет»
ул. Московская, 36, г. Киров, Кировская область, 610000, Российская Федерация
stud147117@vyatsu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Lobanov, Postgraduate Student of the Department of History and Political Sciences
*Vyatka State University
36, Moskovskaya Str., Kirov, Kirov Region, 610000, Russian Federation
stud147117@vyatsu.ru
SPIN-code: 4073-4950
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8073-962X>*

Поступила 26.04.2023
После рецензирования 08.05.2023
Принята 10.05.2023

Received 26.04.2023
Revised 08.05.2023
Accepted 10.05.2023

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIESDOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63
UDC 122

Original article | Social and Political Philosophy

**HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL REPRESENTATION
OF THE MALE GENDER REGIME IN THE PROCESS
OF WOMAN'S SOCIAL STATUS TRANSFORMATION*****I.V. Malimonov, L.G. Korol', I.G. Sin'kovskaya,
D.V. Rakhinskiy, Yu.S. Shepeleva***

This article is devoted to the process of formation of the modern egalitarian status of women, the study of the contradictory nature of this process. As a result of the research, the factors contributing to the establishment of egalitarian status of women in the modern socio-cultural system based on the values of equality and complementarity of rights and duties of men and women in the private and public spheres are identified and described. The relevance of this research is due to the need to understand the causes and principles of the formation and existence of modern egalitarianization trends. The analysis of philosophical works of various historical epochs allows us to state the presence of masculine dominance in pre-industrial and industrial formations and the representation of the secondary social status of women in relation to the status of men. Based on the analysis of the views of ancient philosophers, philosophers of the Middle Ages, Renaissance and Modern times, a conclusion is made about the dominance of the idea of priority of men in relation to women in social relations. The formation of women's gender equality within the framework of the transformation of family functional and value bases is considered as a dynamic process that reflects the multi-dimensional changes in socio-economic social relations of the second

half of the XIX century. The purpose of the research is to consider the philosophical understanding of the gender status of women in various historical periods as a representation of the muscular gender regime.

Keywords: *egalitarian status; gender roles; social control; masculine dominance; socio-economic formations; gender regime; patriarchal blindness*

For citation. *Malimonov I.V., Korol' L.G., Sin'kovskaya I.G., Raikhinskiy D.V., Shepeleva Yu.S. Historical and Philosophical Representation of the Male Gender Regime in the Process of Woman's Social Status Transformation. Sovremennye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 44-63. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63*

Научная статья | Социальная и политическая философия

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖСКОГО ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ

*И.В. Малимонов, Л.Г. Король, И.Г. Синьковская,
Д.В. Рахинский, Ю.С. Шепелева*

Данная статья посвящена процессу формирования современного эгалитарного статуса женщины, исследованию противоречивого характера этого процесса. Цель исследования – рассмотреть философское осмысление гендерного статуса женщины в различные исторические периоды как репрезентацию маскулинного гендерного режима. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания причин и принципов формирования и существования современных эгалитаризационных тенденций. Анализ философских произведений различных исторических эпох позволяет констатировать наличие в доиндустриальных и индустриальных формациях маскулинного доминирования и репрезентацию вторич-

ности социального статуса женщины по отношению к статусу мужчины. На основании анализа взглядов античных философов, философов эпохи Средневековья, Возрождения и Нового времени сделан вывод о доминировании идеи приоритета мужчин по отношению к женщинам в социальных отношениях. Формирование гендерного равенства женщины в рамках трансформации семейных функционально-ценностных основ рассматривается как динамический процесс, отражающий многоплановые изменения в социально-экономических общественных отношениях второй половины XIX в. В результате исследования определены и описаны факторы, способствующие утверждению в современной социокультурной системе эгалитарного статуса женщин, основанного на ценностях равенства и комплементарности прав и обязанностей мужчины и женщины в приватной и публичной сферах.

Ключевые слова: эгалитарный статус; гендерные роли; социальный контроль; маскулинное доминирование; общественно-экономические формации; гендерный режим; патриархальная слепота

Для цитирования. Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В., Шепелева Ю.С. Историко-философская репрезентация мужского гендерного режима в процессе трансформации социального статуса женщины // *Современные исследования социальных проблем*. 2023. Т. 15, № 2. С. 44-63. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63

Introduction

The problem of forming the egalitarian status of a modern woman is one of the most significant in the social and humanitarian Sciences. The image of a modern woman presented in the mass consciousness contains an important contradiction. On the one hand, today women occupy a worthy place in the system of socio-economic relations and many professions that were previously considered purely male have become female in the modern world. For example, major changes have occurred in the political management system, traditionally led by men. We can observe the active and successful actions of women in various sectors (politics,

financial market, services, education and upbringing system, etc.). And we can better understand that the traditional family pattern, in which duties were divided between a man and a woman, ceased practically to exist: «The modern economic conditions characterized by prevalence of brainwork over physical one allow the woman to turn from a cook and laundress into a competitive unit in the labor market and force to reconsider usual division of labor between sexes» [18, p. 629]. And now: «It is probably difficult to find out in the modern accepted forms of relations between a man and a woman... all of us are familiar with the family, the socio-cultural transformations taking place are reflected in the family, both in the social institute as a whole, and in the relations within each individual family» [3, p. 126].

But one cannot but note the negative consequences of such changes, expressed in increase: «the number of families with serious deviations in the functioning system. Relationships in such families are characterized by global family dissatisfaction, anxiety, excessive neuropsychiatric tension, material problems» [2, p. 237].

However, modern society, quickly absorbing economic transformations, nevertheless does not exclude a time lag in the socio-cultural sphere which is very different from serious changes in both the moral and ethical and cultural substrates [16]. And the image of a modern woman still contains a number of traditional, traditionally recognized female characteristics: defenselessness, weakness, dependence, indecision, passivity, readiness to submit. But quite recently, the typical idea of the position of women in society was considered absolutely normal. It was thought that women could not participate in social life because their nature, their brain could not function like men's [8].

This problem is reflected in all spheres of human life: economy, politics, culture, science, sports, medicine, education, etc. This is confirmed by a lot of both documentary and artistic sources of information (paintings, manuscripts, books), on the basis of which we can argue that all relations between men and women developed on the basis of dialectical laws (basis-superstructure), forming a corresponding system of relations "master – servant". The established hierarchy of relations,

denoted through a gender regime (a set of rules and norms that creates strong expectations regarding gender relations and assigns certain rights and responsibilities to men and women) [23], was formed under the influence of objective socio-economic processes and acted as a necessary condition for the distribution of responsibilities in socio-economic formations. With the collapse of the primitive communal system and the emergence of the institution of private property, there was a major reformatting of the content of the distribution of gender roles. The result of this reformatting was to strengthen the importance of the social role of men in the spheres of life.

Further regulation of the existing system of relations took place by strengthening or weakening social control, which was ideologically formalized through the legitimization of masculine (male) dominance. Such legitimization was initially based on the physical strength of men, and later took shape in the practice of economic dependence and socio-cultural suppression of women, entrenched in the regulatory systems of various social institutions. So, at a certain period in a number of cultures have spread phenomenon, reflecting the domination of men over women: sati (the practice of self-immolation (voluntary or forced) of widow on the husband's funeral pyre), female infanticide (the practice of killing female infants), dauri (practice of premarital agreement about the size of the bride's dowry), kuvada (the practice ceremonial imitation of a man a female birth). In particular, the latest practice was based on the distortion, substitution of truly "natural, natural" female functions (the ability to bear children) with "social-male" ones (creating the pattern of "social" birth of a child by a man) and focused on depriving a woman of independence and affirming a gender order of male dominance, which is not a simple reflection of natural reality, but is ideologically or culturally constructed.

Statement and analysis of a problem situation

The practice of male domination has spread not only in the everyday sphere, but also formed the basis of the entire system of scientific worldview. The idea of a man's superiority over a women runs the "red thread" in the works of the greatest philosophers of different eras. Being typi-

cal representatives of the “masters” class, they promoted and broadcast this idea in the scientific world. Thus, the development of philosophy in different historical periods reflected and recorded changes in gender status under the influence of dominant socio-economic factors. At the same time, this reflection contained imprints of the subjectivity of male philosophers, depending on their personal life experience, or some specific benefit from the transmitted idea. And if in the considering other problems the philosopher could cope with his subjectivity, expressing an objective judgment, then unfortunately, we do not observe this in the problem of woman’s subordination. Accordingly, the dependent, subordinate position of women was traditionally considered absolutely natural and was supported by scientific and philosophical views.

The origins of affirming the gender dependence of women on men can be found even in ancient Greek philosophy, which became a kind of scientific basis for a number of separate directions in the course of social and humanitarian Sciences. An excellent example of this dependence is the statement of the founder of the first school of philosophy, Thales of Miletus, that he is grateful to fate for the birth of human beings, and not animal creatures, the Hellenes, and not barbarian, man, not woman. Thus, a woman was opposed to a man, being in the same row with barbarians and animals, and the scientific ideology of the patriarchal gender regime was born.

Further, the greatest philosopher of Antiquity Aristotle in his works derives the main postulate of gender perception of the socially subordinate position of women: «According to our statement, in every living creature, first of all, you can see the power of the master and political. The soul dominates the body as a master, and the mind over your aspirations – as a statesman. It is clear from this how natural and useful it is for the body to be subordinate to the soul, and for the part of the soul subject to affects to be subordinate to the mind and the rational element of the soul, and vice versa, which harm always occurs in an equal or inverse ratio. The same situation remains valid in relation to man and other living beings. Thus, domestic animals by their nature stand higher than wild ones, and for all domestic animals it is preferable to be sub-

ordinate to humans: in this way they join their good (soterias). So is the man in relation to the woman: the first by nature is higher, the second is lower, and now the first rules, the second is subordinate. The same principle must inevitably prevail in all of humanity» [5, p. 583]. Such philosophical judgments were the result of stable social patterns, based initially on the existing distribution of the responsibilities of the sexes, enshrined in the social norms of the ancient world, whose welfare was based on the exploitation of slaves. Thus, in the judgments of Aristotle, a woman appears as a «half-man», i.e. an intermediate link between a man (man) and an animal, «some natural flaw» [5, p. 84]. He places them lower than men in his hierarchical structure of social structure and does not stop blaming the female sex for the inability to reason, draw rational, well-founded conclusions: «A female is a female due to the lack of certain qualities. We should consider the character of a woman as suffering from a natural flaw» [6, p. 90].

Similar judgments in his speech «Against Neera» are expressed by the Athenian orator Demosthenes, who quite clearly defines the set of pragmatic functions of women of different social status in relation to men: «We have hetaerae for pleasure, concubines for everyday carnal satisfaction, and wives for the birth of legitimate children and for the faithful protection of household property» [10, p. 281].

The representation of the gender order in the discourse of ancient philosophers can be explained by the prescription of social processes of male (best!) or women's (worst!) qualities, which justified the inequality of men and women in social relations. And marriage was declared a union of certain opposite entities (qualities), where each had its own functions and roles: instrumental (male) and expressive (female).

The system of attitudes towards women that developed in the ancient era determines its perception in the Middle Ages, while the tradition of discrimination against women's position in society is also justified by religious dogmas. Thus, the theologian St. Augustine the Blessed wrote: «And it is impossible to doubt, according to the natural order of men, it is better to dominate women than women over men» [6, p. 16].

And now let's have a laugh with Erasmus of Rotterdam: «Men were born for the affairs of government, and therefore should have received a few extra drops of reason necessary for the maintenance of manhood; on this occasion, the man turned to me for guidance, as, indeed, he always does, and I immediately gave him worthy advice: to marry a woman, a cattle dull and stupid, but funny and sweet, so that she would season and sweeten the dreary importance of the male mind with her stupidity. It was not for nothing that Plato hesitated as to whether a woman should be classed as intelligent or unintelligent, in order to point out that stupidity was an inherent characteristic of her gender. Even if a woman wants to be considered clever, no matter how hard she tries, she will be doubly stupid, like a bull that is led to the lists in spite of reason, for every inborn vice is only made worse by trying to hide it under the guise of virtue. The Greek proverb correctly says: a monkey always remains a monkey, even if it is clothed in purple; so a woman will forever be a woman, in other words, a fool, no matter what mask she puts on herself» [11, p. 24]. The reasons for the humor of E. Rotterdam are “masking” of the shortcomings of the corresponding society – the Renaissance. However, his attitude to women is accompanied by an allegory – it is natural for him on the basis of legitimized culture of male domination.

Continuing a number of philosophical views of this era, let us turn to the opinion of Michel Montaigne: «Everyone knows that there are not so many good women, not thirteen to a dozen, and especially not many good wives. After all, marriage is fraught with so many thorns that it is difficult for a woman to keep her attachment unchanged for many years. Although men are a little higher in this respect, it is not easy for them either» [20, p. 643]. This opinion is organically intertwined with the opinion of another prominent philosopher Francis Bacon: «If a wife considers her husband wise, she is bound to him by the best ties – those of chastity and obedience» [7, p. 368]. Or: «he one who has a wife and children has given hostages to fate, for the family is an obstacle to the accomplishment of great enterprises, both virtuous and malicious. There is no doubt that the best undertakings that have brought the greatest benefit to society came from unmarried and childless people, who, as

if with their affections and their wealth, have merged with society and endowed it» [7, p. 368-369].

Founded in Antiquity and broadcast throughout the Middle Ages, philosophical ideas regarding the status of women have changed little in Modern times. Thus, while studying the works of T. Hobbes, we still see the man's dominant attitude toward women: «A family, which is not part of any state, is itself a small monarchy in relation to the rights of the supreme power, regardless of whether the family consists of a person and his children, or from a man and his servants, or from a man and his children and servants together. In all these cases, the father or master is the sovereign» [13, p. 158].

The greatest philosopher of the Enlightenment, J.J. Rousseau, who it would seem, discerned and understood the essence of the problem of discrimination against women, exclaiming: «Will a man turn your companion of his life into a servant? Would he deprive himself of the greatest pleasure of being in the society of a well-bred woman? Is it possible that in order to completely enslave a woman, he will teach her not to perceive anything and will not give her any knowledge? Would he turn her into a living automaton? Of course, no!» [22, p. 555]. However, completely – that's the key word! A kind, diligent, fair master may even feel sorry for his servants. But he can't completely get rid of his master's habits. And what do we see further: «Therefore, when raising women, it is necessary to keep in mind their relationship with men. Like men, to be useful to them, to earn their love and respect, to educate them at an early age, care for them in adulthood, give them advice, comfort, make their life easy and pleasant – these are women's responsibilities at all times, and all this should be taught to women since childhood» [22, p. 556].

These weak attempts by J.J. Rousseau to “protect” a woman and her social status were continued in the works of the outstanding representative of German philosophy, G. Hegel: «According to Kant's barbarian conception, marriage is the mutual provision of the genitals, and in addition the whole body: or the opinion that it is possible to force marriage» [14, p. 338]. Here it is a damning assessment of degrading male behavior, given by a man of the New Age! But suddenly (and suddenly whether!?), we read also with him: «Women can be educated, but for higher sciences

like philosophy, and for some works of art that require the universal, they are not created. Women may have wit, taste, and grace, but they are not perfect». Or read on: the difference between a man and a woman is the same as the difference between animal and plant: the animal is more in line with the nature of man, the plant is more on the nature of women» [15, p. 199]. And here the Hegelian “plant” has very little left to another, but already quite modern and familiar concept – “vegetable”, i.e. a person who is completely dependent on others in his life activity, due to a serious violation of cognitive and regulatory functions. In another way, this condition is now called vegetative, that is, plant.

In subsequent philosophical works of the mid-19th century, a similar view on this problem is demonstrated. So, referring to the works of A. Schopenhauer, we see the same position of male superiority: «... they stand as one closed whole against the whole male, possessing thanks to the natural superiority of bodily and spiritual forces, possesses all the earthly goods: this is their common enemy, which must be overcome and subdued in order to possess it, and achieve the possession of the earthly goods» [24, p. 77]. Stereotypically describing the personal qualities of women Schopenhauer writes: «She is instinctively sly, but at the same time, from lack of understanding and small intelligence, she is quarrelsome, capricious, vain, addicted to glitter, pomp and tinsel; in relations with each other, she shows more constraint, secrecy and hostility than men in relations with each other. Women do not have a true vocation for music, poetry, or art in general; even the most brilliant female representatives have never created anything truly great and original in the artistic field; they are even less able to surprise the world with a scientific creation with lasting virtues. This is explained by the fact that a woman is always and in everything doomed only to mediate domination through the man whom alone she owns directly... Women in all respects – the second weaker gender below men... By their very nature, women are undoubtedly bound to obey; this is evident from the fact that any one of them – once she is placed in an independent position – voluntarily surrenders herself to the care of a lover or confessor, if only some man will rule over her» [21, p. 147].

Another prominent representative of the gender theory of male dominance in society is L. Feuerbach. About the position of women in society, the philosopher speaks quite traditionally – she should be a wife and mother, because only in these roles can her abilities fully manifest themselves. «A woman represents the flesh, a man is the spirit, i.e., a man is the head, a woman is the belly of humanity» [12, p. 161]. The bodily difference between a man and a woman, the difference in feelings, is considered as the opposition of the spirit and the flesh. “What is love?” asks Feuerbach and answers: «The unity of thought and being. Being is a woman, thinking is a man» [12, p. 178].

The above examples of philosophical views are only a small fraction of the ideas that existed both in the mass consciousness and in the intellectual environment about the role and place of women in society. And here we can see that even the most educated, progressive-minded members of society, among whom we undoubtedly include philosophers, have demonstrated (and not always!) only individual attempts to understand this problem against the background of the prevailing discriminating male thinking, free or involuntary whose followers they are.

The first significant changes in relation to the subordinate status of women can be observed only from the second half of the XIX century. And the most important reason for these changes was the understanding of the relationship between dependent women’s status and the specifics of socio-economic formations. In this regard, it is only in the conditions of the formed capitalist system that the relative, but nevertheless, economic and social independence of women from men has become possible. And the clearest example of such changes is the awareness of researchers of these problems of the relationship of the process of the very origin of the basis of family and marriage relations – monogamy with the development of socio-economic relations (private property). Thus, the founder of historical determinism, F. Engels, in his works, notes the victory of private over public property: «Since private property was concentrated primarily in men, the monogamous family – “this is the domination of the husband with a definite goal the birth of children whose origin from a certain father is not subject to doubt, and this indis-

putability of origin is necessary, because children in time as direct heirs must take possession of the father's property» [19, p. 65].

The ideologist of the New Time A. Bebel, among the characteristics of the capitalist formation, highlights the independence of women: «woman of the new society is completely independent in social and economic terms... she is the mistress of her own destiny, she chooses for her activities such areas that correspond to her desires, abilities and inclinations, and under the same conditions, she acts just like a man» [9, p. 43].

The above examples of philosophical views are only a small proportion of ideas about the role and place of women in society that existed both in the mass consciousness and in the intellectual environment, which led to the launch of the process of forming the egalitarian status of women. The development (first very cautious, and then more and more rapid) of this process led, as the authors had previously noted to: «egalitarianization deeply penetrated the consciousness of modern people, which is accompanied by an increase in the freedom of partners in constructing the forms and norms of family-marriage relations while weakening social control over young families» [17, p. 64].

Conclusion

Thus, we can state the beginning of the process of forming the egalitarian status of women. But why did it take philosophers of various historical eras more than two thousand years to accept it? The reason for this, apparently, is the need of the majority of men of different social groups (peasants, workers, intellectuals, politicians, philosophers to own a woman. After all, owning a woman is the easiest, most pleasant, most natural, necessary, profitable possession in the history of mankind. And the opinions of New Age philosophers and contemporary gender researchers «have convincingly shown that, one way or another, the political attitudes of regimes that support conservative ideology, with all the differences in cultural grounds, in time and space, in the “women's question” had exactly this common denominator – the establishment of control over women» [1, p. 6].

And here we can define the origin, development and destruction of one of the most important misconceptions in the history of the development of

civilization, namely “patriarchal blindness”, which can be defined as a universal model where young people obey their elders, women obey men; as a way of distributing power in the family, where husbands determine the position of their wives based on their basic interests, permanent and strong, ignoring other, different points of view. And this manifests itself in numerous representations of the understanding of the family in different countries, different eras, schools as the dominance of the ideology of masculine power.

References

1. Aivazova S.G. Gendernyy diskurs v pole konservativnoy politiki [Gender discourse in the field of conservative politics]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2017, no. 4, pp. 3-13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1>
2. Aysner L. Yu., et al. *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie, filosofskie, ekonomicheskije i yuridicheskie problemy sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Current psychological, pedagogical, philosophical, economic and legal problems of modern Russian society]. Ul'yanovsk: Zebra Publ., 2019, vol. 4, 490 p.
3. Aysner L. Yu., et al. *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie, filosofskie, ekonomicheskije i yuridicheskie problemy sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Current psychological, pedagogical, philosophical, economic and legal problems of modern Russian society]. Ul'yanovsk: Zebra Publ., 2021, vol. 6, 293 p.
4. Aristotle. *O proiskhozhdenii zhivotnyh* [On the origin of animal]. Moscow: AN SSSR, 1940, 252 p.
5. Aristotle. *Politika* [Policy]. Moscow: Mysl Publ., 1983, 830 p.
6. Augustine A. *O supruzhestve i pokhoti* [About marriage and lust]. Moscow: RAS Publ., 1994, 187 p.
7. Bacon F. *Opyty ili nastavleniia npravstvennye i politicheskie* [Essays or Counsels, Civil and Moral]. Moscow: Mysl Publ., 1978, vol. 2, 592 p.
8. Baikalova N.S. Gender features in female political discourse: the construction of Hillary Clinton's political image. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, no. 14(4), pp. 584-591. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0030>

9. Bebel A. *Zhenshchina i sotsializm* [Woman and socialism]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1959, 592 p.
10. Demosthenes. *Rechi* [Speeches]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1994, vol. 2, 624 p.
11. Erasmus Roterdamus. *Pokhvala gluposti* [In praise of folly]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoï literatury, 1960, 168 p.
12. Feuerbach, L. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Nauka Publ., 1995, vol. 2, 425 p.
13. Gobbs T. *Leviathan* [Leviathan]. Moscow: Mysl Publ., 1991, vol. 2, 731 p.
14. Hegel G. Ienskaia real'naia filosofiiia [Jena Realphilosophie]. *Raboty raznyh let* [Works of Different Years]. Moscow: Mysl Publ., 1970, vol. 2, 668 p.
15. Hegel G. *Filosofiiia prava* [Philosophy of right]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1934, vol. 7, 384 p.
16. Oprea I.M. Family and the Challenges of the Contemporary Society. *Astra Salvensis*, 2019, no. 7 (14), pp. 195-200.
17. Malimonov I.V., Sin'kovskaya I.G., Korol' L.G., Rakhinskiy D.V. Brachnyy vozrast i ego rol' v transformatsii brachnogo povedeniya sovremennoy molodezhi [The marriageable age and its role in the transformation of the marital behavior of modern youth]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice], 2017, no. 9-10, pp. 63-66.
18. Malimonov I.V., Rakhinskiy D.V., Sinkovskaya I.G., Korol L.G. Global changes of family unit in modern Russia. *Astra Salvensis*, 2018, no. 6 (12), pp. 623-633.
19. Marx K., Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, Private Property and the State]. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961, vol. 21, pp. 28-178.
20. Montaigne M. *Opiti* [Essays]. Moscow: TERRA Publ., 1991, vol. 2, 715 p.
21. Pertsev A.V. Shopengauër: zhizn' filosofa i filosofiiia zhizni [Schopenhauer: philosopher's life and philosophy of life]. *Homo philosophans*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002, no. 12, pp. 140-159.

22. Rousseau J.J. *Izbrannye sochineniia* [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1991, vol. 1, 852 p.
23. Sainsbury D. Gender and welfare state regimes. New York: Oxford University press Publ., 1999, 255 p.
24. Schopenhauer A. *Aforizmy zhiteiskoi mudrosti* [Aphorisms of Worldly Wisdom]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 2012, 256 p.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3-13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1>
2. Айснер Л.Ю., Гончаревич Н.А., Ерахтина Е.А. и др. // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: коллективная монография. Ульяновск, Издательство «Зебра», 2019. Выпуск 4. 490 с.
3. Айснер Л.Ю., Наумов О.Д., Вяткина Г.Я. и др. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: коллективная монография / Выпуск 6. Ульяновск: Зебра, 2021. 293 с.
4. Аристотель. О возникновении животных. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 252 с.
5. Аристотель. Политика. М.: Мысль, 1983. 830 с.
6. Августин А. О супружестве и похоти // Трактаты о любви. сб. текстов. М.: РАН, 1994. 187 с.
7. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 592 с.
8. Baikalova N.S. Gender Features in Female Political Discourse: the Construction of Hillary Clinton's Political Image // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2021, no. 14(4), pp. 584-591. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0030>
9. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
10. Демосфен. Речи: в 3-х т. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», В 3т. 1994. Т. 2. 624 с.

11. Роттердамский Э. Похвала глупости. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 168 с.
12. Фейербах Л. Сочинения. М.: Наука, 1995. 425 с.
13. Гоббс Т. Левиафан. Избранные произведения. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
14. Гегель Г. Иенская реальная философия // Работы разных лет. М.: Изд-во «Мысль», 1970. В 2 томах. Т.1. 668 с.
15. Гегель Г. Философия права. полное собр. соч.: в 14 томах. М.: Соцэкгиз, Т. 7: Философия права. 1934. 384 с.
16. Oprea I.M. Family and the Challenges of the Contemporary Society // *Astra Salvensis*, 2019, no. 7 (14), pp. 195-200.
17. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Король Л.Г., Рахинский Д.В. Брачный возраст и его роль в трансформации брачного поведения современной молодежи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. 2017. № 9-10. С. 63-66.
18. Malimonov I.V., Rakhinsky D.V., Sinkovskaya I.G., et al. Global changes of family unit in modern Russia // *Astra Salvensis*, 2018, vol. 6(12), pp. 623-633.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 28-178.
20. Монтень М. Опыты. М.: ТЕРРА, В 3 кн. 1991. Кн. 2. 1991. 715 с.
21. Перцев А.В. Шопенгауэр: жизнь философа и философия жизни // Серия «Мыслители», Homo philosophans. Выпуск 12 / Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 140-159.
22. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М.: В 3т. Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 1. 852 с.
23. Sainsbury D. Gender and welfare state regimes. New York: Oxford University press, 1999, 293 p.
24. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2012. 256 с.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Igor' V. Malimonov, Senior Lecturer, Department of Modern Educational Technologies; Assistant Professor, Department of Psychology

Siberian Federal University; Siberian Institute of Business, Management and Psychology

79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; 7A, Moskovskaya Str., Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation

igonet70@mail.com

SPIN-code: 3277-2969

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7909-0816>

Scopus Author ID: 57204505313

Liudmila G. Korol', Candidate of Biological Sciences, Assistant Professor, Department of Medical and Biological Bases of Physical Culture and Health Technologies; Assistant Professor, Department of Philosophy, Social and Humanitarian Sciences

Siberian Federal University; V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

79B, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; 124, Karla Marksa, Str., Krasnoyarsk, 660021, Russian Federation

SPIN-code: 1843-9511

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7664-1814>

Irina G. Sin'kovskaia, Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor, Department of Social Work and Sociology; Assistant Professor, Department of Sociology

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; Siberian Federal University

69, Lenina Str., 660037, Krasnoyarsk, Russian Federation; 79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

SPIN-code: 7250-7223

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8591-2073>

Dmitry V. Rakhinsky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Health and Healthcare; Professor, Department of Civil Law and Procedure

*V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University;
Krasnoyarsk State Agrarian University*

*1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation; 117, Lenina Str., Krasnoyarsk, 660017, Russian Federation
SPIN-code: 1326-9486*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4971-7523>

ResearcherID: AAN-2106-2020

Scopus Author ID: 57202820440

Yuliya S. Shepeleva, Senior Lecturer, Department of Public Health and Healthcare

V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation

SPIN-code: 9928-3788

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2092-5532>

ResearcherID: ABH-9135-2020

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Малимонов Игорь Васильевич, старший преподаватель кафедры современных образовательных технологий; доцент кафедры психологии

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация; ул. Московская, 7А, г. Красноярск, 660037, Российская Федерация

igonet70@mail.com

Король Людмила Геннадьевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры медико-биологических основ физической культуры и оздоровительных технологий; доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»; *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации*
пр. Свободный, 79Б, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация; ул. Карла Маркса, 124 г. Красноярск, 660021, Российская Федерация

Синьковская Ирина Георгиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии; доцент кафедры социологии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева»; *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»*
ул. Ленина, 69, г. Красноярск, 660037, Российская Федерация; пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация

Рахинский Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения; профессор кафедры гражданского права и процесса
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Россий-

ской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» ул. Партизана Железняка, 1, Красноярск, 660022, Российская Федерация; ул. Ленина, 117, г. Красноярск, 660017, Российская Федерация

Шепелева Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Партизана Железняка, 1, Красноярск, 660022, Российская Федерация

Поступила 06.04.2023

После рецензирования 26.04.2023

Принята 03.05.2023

Received 06.04.2023

Revised 26.04.2023

Accepted 03.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-64-75

УДК 101.1:316

Научная статья | Социальная и политическая философия

ТРИ ТИПА НОСТАЛЬГИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

К.В. Игаева

Статья посвящена проблемам репрезентации ностальгии в компьютерных играх и предлагает разграничение трех ее форм: ретроисторической, эстетизирующей, ностальгии по детству и утраченному родительскому дому. Эти формы представлены, соответственно, в сериях игр «Fallout», «Second Life» и «World of Warships». Актуальность исследования связана с широкой полемикой о ностальгии в рамках современных memory studies. В статье доказывается, что коммуникативная природа медиа-памяти подчиняет культурную составляющую (в ее трактовке Я. Ассмана). Ностальгия в компьютерных играх существенно отличается от ностальгии в кино, которое тоже активно использует повторение и эмоциональную идентификацию, – она менее рефлексивна и более ориентирована на аффект. С другой стороны, темпоральное измерение ностальгии в компьютерных играх представляется более сложным, не сводимым к презентизму, но расширяющим представления об альтернативности истории или сложное переплетение прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: исследования исторической памяти; ностальгия; исследования культуры; исследования видеоигр

Для цитирования. Игаева К.В. Три типа ностальгии в компьютерных играх // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 64-75. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-64-75

Original article | Social and Political Philosophy

THREE TYPES OF NOSTALGIA IN COMPUTER GAMES

K.V. Igaeva

The article is devoted to the problems of representation of nostalgia in computer games and offers a distinction between its three interrelated forms: retrotopic, aestheticizing, nostalgia for childhood and lost parental home. These forms are featured in the series of games «Fallout», «Second Life», and «World of Warships». The relevance of the study is associated with a wide controversy about nostalgia in the framework of modern memory studies. Further, it is proved that the communicative nature of media memory subordinates the cultural component (in its interpretation by J. Assman). Nostalgia in computer games differs significantly from nostalgia in cinema, which also actively uses repetition and emotional identification – it is less reflective and more oriented to affect. On the other hand, the temporal dimension of nostalgia in computer games seems to be more complex, not leading to presentism, but expanding the contingency or complex interweaving of past, present and future.

Keywords: *memory studies; nostalgia; cultural studies; game studies*

For citation. *Igaeva K.V. Three Types of Nostalgia in Computer Games. Sovremennyye issledovaniya socialnykh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 64-75. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-64-75*

Феномен ностальгии сегодня активно обсуждается в рамках memory studies с разных сторон. Его политическое измерение выходит за рамки ностальгии по СССР, поскольку «остальгия» широко распространена практически в странах Восточной Европы и тесно смыкается с правым популизмом во всем мире [10, 11, 12]. Несомненно, кроме политического измерения самостоятельное значение имеет культурная составляющая ностальгии, находящая свое проявление в самых разных медиа и формах, от кинематогра-

фа А. Тарковского до современной электронной музыки и популярной культуры [9, 13]. По мнению целого ряда исследователей, ностальгия не просто соответствует консьюмеристскому характеру массовой культуры, но и является важным симптомом постмодерна с его презентистским отказом от историзма и ревизией прежнего восприятия времени.

Напомним, что известнейший американский неомарксист Ф. Джеймисон рассматривает ностальгию как типичное проявление логики позднего капитализма, стремящегося нивелировать социальные противоречия. С этой точки зрения, фетишизация памяти и ностальгия произрастают не из глубокого исторического интереса к прошлому, признающего его принципиальные отличия от современности, но из презентистского уравнивания прошлого и настоящего. В ностальгическом кинематографе смена эпохи, социальный бунт героев фильмов, а также их психологический рост и изменение характера отображаются только во внешних атрибутах, но не связаны со структурными изменениями общества [7]. Схожим образом британский социолог З. Бауман рассматривает «ретротопию» как идеализацию прошлого, вызванную ростом рисков в условиях позднего капитализма и неопределенностью будущего. После длительной идеализации прогресса в эпоху модерна маятник общественного сознания качнулся в обратную сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, общество снова стало уповать на прошлое, приписывая ему ценности стабильности и надежности. «После такого разворота будущее из естественной среды обитания надежд и верных ожиданий превратилось в обитель кошмаров – страхов потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может “сменить собственника”, страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи рыночной стоимости» [2, с. 19]. В этих условиях ностальгия стала орудием консервативной политической мобилизации, идеализи-

рующей стабильность прошлого по сравнению с неопределенностью будущего.

С другой стороны, известный исследователь культуры С. Бойм подчеркивает амбивалентность ностальгии и делит ее на два типа: реставрирующую и рефлексирующую: «Первый тип ностальгии подчеркивает *vóσtoς* и пытается провести трансисторическую реконструкцию потерянного дома. Вторая ностальгия коренится в *άλγoς*, тоске как таковой, и откладывает возвращение на родину – тоскливо, иронично и отчаянно» [4, с. 24] Рефлексирующая ностальгия больше связана с историческим временем, признает невозможность вернуть прошлое и необходимость думать о будущем. Рефлексия предполагает адаптивность к происходящим изменениям, а не стремление воскресить «золотой век» с его отжившими институциональными формами, не смотря на утрату их прежнего содержания. Границы между прошлым и настоящим становятся здесь объектом если не философского анализа, то культурной интерпретации.

Наконец, еще один участник этой полемики Ф.Р. Анкермит подчеркивает неразрывную связь ностальгии с «историческим чувствованием», которое стремится скорректировать избыточный рационализм эпохи модерна. Кроме того, по мнению философа, ностальгия включает этический и эстетический компоненты, что позволяет ей соединить индивидуальный и коллективный опыт. Благодаря этим качествам ностальгия у Анкерсмита становится основой исторического опыта в целом, поскольку фиксирует принципиальное различие между настоящим и прошлым: «Историзм дал западному человеку воплощенное, овеществленное прошлое. И, делая это, он поглотил феномен различия, выраженный в традиционном *toroί* ностальгии, до настоящего времени материализовавшим прошлое» [1, с. 375].

В этой теоретической полемике сложно занять какую-либо жесткую позицию, поскольку практики коммеморации и зрительского восприятия кинематографа, исторической публицистики и «новых медиа» будут существенно различаться. Более корректно, на наш

взгляд, говорить о нескольких взаимосвязанных формах ностальгии, преобладающих в тех или иных медиа. Поскольку компьютерные игры лишь начинают привлекать внимание исследователей исторической памяти [3, 6], продуктивным представляется начать анализ ностальгии именно в этой сфере. Далее, сравнивая ностальгию в сериях игр «Fallout», «Second Life» и «World of Warships», мы постараемся не только проследить различия как минимум трех типов ностальгии, но и доказать несколько теоретических тезисов:

Во-первых, о том, что коммуникативная природа медиа-памяти подчиняет ее культурную составляющую (в терминологии Я. Ассмана), нивелируя долгосрочные тренды в пользу кратковременных интересов. Во-вторых, ностальгия в компьютерных играх существенно отличается от ностальгии в кино, которое тоже активно использует повторение и эмоциональную идентификацию, – она менее рефлексивна, но не относится к реставрирующему типу (С. Бойм). В ее основе оказывается скорее аффект, связанный с эстетической составляющей и эксплуатацией этического выбора. В-третьих, темпоральное измерение ностальгии в компьютерных играх представляется более сложным, не сводимым к презентизму, но предполагающим контингентность или сложное переплетение прошлого, настоящего и будущего. Эти теоретические тезисы представляют собой скорее гипотезы для последующих исследований и требуют проверки на более широком материале, включая такие популярные игры, как «Atomic Heart» (Mundfish, 2023), «Bioshok» (2K Games, 2007), «World of Tanks» (Wargaming.net, 2010), причем речь идет об их восприятии пользователями.

Ностальгию по детству и утраченному родительскому дому М. Гибсон и К. Карден считают ключевой составляющей опыта пользователей трехмерного виртуального мира «Second Life», на которую уже наслаиваются другие факторы – ностальгия по собственным игровым воспоминаниям, интерес к виртуальному «туризму во времени» (1920s Berlin Project) и интерес к своеобразному «креативному анахронизму» или переплетению медиа (The Old Time Radio Room). В центре этого игрового мира оказывается сама

по себе коммуникация, – например, общение с родственниками и отыгрывание детских воспоминаний. «Одна из наших собеседниц, Лорелай, реконструировала дом своего детства в SL. Это был дом, в котором она выросла и к которому была очень привязана. Ее родители вынуждены были продать дом в 1980 г. Лорелай использует SL для общения с друзьями и матерью, которая живет на противоположном от нее конце страны. В свои 72 года мать приходит в этот дом их детства, они там общаются и вместе его обустраивают» [14, р. 130]. В этой игровой активности важна реалистичность – прошлое воссоздается через визуальные детали, которые вызывают аффект узнавания и провоцируют позитивные эмоции через проективную идентификацию. Реконструкция прошлого работает здесь не в политическом или культурном, но в личностном, автобиографическом и интерсубъективном плане.

Ярким примером *эстетизирующей ностальгии* можно считать серию игр «Fallout», которая включает несколько частей: «*Fallout: A Post Nuclear Role Playing Game*» (Black Isle Studios, 1997), «*Fallout 2*» (Black Isle Studios, 1998), «*Fallout 3*» (Bethesda Game Studios, 2008), «*Fallout 4*» (Bethesda Game Studios, 2015) и несколько ответвлений («*Fallout: New Vegas*», Obsidian Entertainment, 2010 и др.). Их география и время действия существенно отличаются, прямые связи сюжетов и персонажей отсутствуют. Объединяет все эти части постапокалиптическое воображение и специфический ретро-футуризм, соединяющий материальную культуру США 1950-х гг. и технологически «продвинутое» будущее, в котором мода, музыка и другие части культуры остаются прежними, а технологии продолжают развиваться. Отметим, что подобное расслоение времени или специфический сплав прошлого и будущего появились уже в 1997 г., – их вряд ли корректно рассматривать как ретроактивную реакцию на события 9/11 или новый виток противостояния между США и Китаем, как считает К. Макклэнси [15]. Атмосфера игры выстраивается за счет, с одной стороны, идеализации техно-оптимизма 1950-х гг., а с другой, – за счет иронической деконструкции политических мифов периода Холодной войны: пафоса американ-

ской исключительности и величия, либерального понимания свободы и автономии жизни на фронтире. Например, сюжетная линия «Fallout-4» радикально деконструирует характерную для эпохи Холодной войны оппозицию «свой» / «чужой»: сын главного героя / героини Шон («Отец», сохранивший генетическую чистоту от радиоактивного заражения и потому ставший исходной моделью для синтеза биоматерии), которого он / она ищет первую половину игры, оказывается главой авторитарной организации («Института»), ответственной за порабощение киборгов и биополитику выживания на поверхности земли. Сюжет подталкивает игрока к освобождению киборгов (синтов) в ущерб биополитике социальной стратификации, ставящей людей выше их и т.д. В терминологии Я. Чапмана эту стратегию репрезентации истории можно назвать деконструктивистской: она стремится разделить ностальгию по 1950-м на продуктивную для будущего рефлексии и техноактивизм (в ходе игры персонаж должен модифицировать броню, роботов, различные технические устройства и т.д.) в отличие от того, что нужно оставить в прошлом (расовую биополитику, конструирование жестких социальных оппозиций, хищнического отношения к ресурсам и невнимание к экологической проблематике).

Ретротопическая ностальгия присутствует в серии игр «World of Warships» (Wargaming.net, 2015), которые относятся к жанру тактических шутеров и предполагают командные поединки игроков, – своеобразные реконструкции морских сражений с участием кораблей разных классов СССР, США, Германии, Японии, Италии и Франции. Игра включает не только симулятор боевых действий, но и предполагает техническую модернизацию игроком своих кораблей за игровую валюту. Как и в «World of Tanks», такого рода модернизация и симуляторы боя включают серьезное когнитивное измерение, которое польский исследователь М. Клосинский предлагает рассматривать в рамках концепции памяти П. Рикера и его трактовки мимесиса [16]. Однако более существенным, на наш взгляд, в этих играх является их ретротопическая составляющая – идеализация прошлого и стирание его границ с современностью.

Корабли разных исторических периодов напрямую сталкиваются здесь между собой. Кроме того, важной особенностью этих игр оказывается высокая степень их коммодификации: они изначально ориентированы на пользователей возрастной категории 30+ (белых мужчин среднего класса), которые могут регулярно платить за свое хобби, валоризирующее их значимость. М. Клосинский справедливо подчеркивает, что эти игры производят идеологические и аффективные манипуляции с историческими объектами [16]. В них, действительно, есть когнитивный элемент и присутствует эстетизация, но саморефлексия стирается в пользу политической составляющей. Они конструируют воображаемые сообщества, связанные не просто с национальной, но прежде всего с военной историей и прославляют традиции армии и флота. Их историческая эпистемология выстраивается через соединение ориентированного на детали визуального реализма и редукции сложных причинно-следственных связей в истории исключительно к прогрессу вооружений (тогда как «Fallout», например, подчеркивает противоречия технофутуризма и опасности милитаризма периода 1950-х гг.).

Таким образом, перечисленные формы ностальгии выводят на передний план разных акторов памяти: человека, культурные сообщества и государственные институты. Еще раз подчеркнем, что эти модальности не исключают друг друга, как и другие возможные составляющие ностальгии, – по стремительно устаревающим аналоговым медиа, по собственному игровому опыту в прошлом, когнитивной составляющей виртуального туризма и т.д. Но используют их как фон для усиления центральной составляющей и, в конечном счете, для извлечения прибыли. То есть все эти формы ностальгии функционируют в рамках коммуникативной памяти, не рефлексировавшей о специфике медиа, но использующей доступные средства для развлечения аудитории и расширения своей ниши на рынке. Однако различия между ними все-таки существенны, поэтому анализ стратегий медиации культурной памяти в цифровом пространстве [5, 8] важно скорректировать с учетом отличия практик коммеморации и различия форм функционирования памяти и

ностальгии в компьютерных играх, социальных сетях, цифровой фотографии и кинематографе. Особый интерес в этом контексте представляет рефлексия об акторах памяти и готовность признать подвижность границ между прошлым, настоящим и будущим. В этом смысле игры по-прежнему сохраняют связи с утопическим потенциалом контр-культуры 1960-90-х гг. и нуждаются в тщательном междисциплинарном анализе со стороны исследований исторической памяти, game- и cultural studies. Наиболее актуальной целью такого анализа представляется деконструкция консьюмеристской составляющей ностальгии, позволяющей воспроизводить бинарные оппозиции Холодной войны и идеализировать социальные иерархии в ретро-стилистике 1950-х гг.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец. М.: Прогресс-традиция, 2003. 489 с.
2. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
3. Белов С.И. Историческая символика видеоигр как фактор коррекции социальной памяти населения (на материалах Assassin's Creed) // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 242-248.
4. Бойм С. Будущее ностальгии / Пер. с англ. А. Стругача. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
5. Буллер А., Линченко А.А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в меняющемся мире // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 61-77.
6. Галанина Е. Время в видеоиграх // Новое литературное обозрение. 2019. № 4. С. 344-350.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.

8. Зверева Г.И. Память о прошлом в цифровой среде: когнитивные ориентиры для исторического исследования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 8. <https://history.jes.su/s207987840016865-0-1/>
9. Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127-147.
10. Gaston S., Hilhorst S. At Home in One's Past: Nostalgia as a Cultural and Political Force in Britain, France and Germany. L.: Demos, 2017. 352 p.
11. Post-Communist Nostalgia / Ed. by M. Todorova, Z. Gille. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2010. – 310 p.
12. Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L.: Routledge, 2020. 254 p.
13. Music, Collective Memory, Trauma, and Nostalgia in European Cinema after the Second World War / Ed. by M. Baumgartner, E. Boczkowska. N.Y., L.: Routledge, 2020. 314 p.
14. Gibson M., Carden C. Living and Dying in a Virtual World: Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. 154 p.
15. McClancy K. The Wasteland of the Real: Nostalgia and Simulacra in Fallout // Game studies. 2018. Vol. 18. № 2. <https://gamestudies.org/1802/articles/mcclancy>
16. Kłosiński Michał. Digital Recycling: Retrotopia in representations of warships in World of Warships // Game studies. 2021. Vol. 21. № 3. <https://gamestudies.org/2103/articles/klosinski>

References

1. Ankersmit F. *Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafori* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. M.: Progress-tradicija, 2003, 489 p.
2. Bauman Z. *Retrotopija* [Retrotopia]. M.: VCIOM, 2019, 160 p.
3. Belov S.I. Istoricheskaja simbolika videoigr kak faktor korekcii social'noj pamjati naselenija (na materialah Assassin's Creed) [Historical symbols of video games as a factor in the correction of the social mem-

- ory of the population (on the materials of Assassin's Creed)]. *Dialog so vremenem*, 2022, no. 81, pp. 242-248.
4. Bojm S. *Budushhee nostalg'gii* [The future of nostalgia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 680 p.
  5. Buller A., Linchenko A.A. Media i istorija: diskurs istoricheskoj otvetstvennosti v menjajushhemsja mire [Media and History: The Discourse of Historical Responsibility in a Changing World]. *Dialog so vremenem*, 2021, no. 77, pp. 61-77.
  6. Dzhejmison F. *Postmodernizm, ili kul'turnaja logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019, 808 p.
  7. Galanina E. Vremja v videoigrah [Time in video games]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 344-350.
  8. Gaston S., Hilhorst S. *At Home in One's Past: Nostalgia as a Cultural and Political Force in Britain, France and Germany*. L.: Demos, 2017. 352 p.
  9. Gibson M., Carden C. *Living and Dying in a Virtual World: Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. 154 p.
  10. Kłosiński Michał. Digital Recycling: Retrotopia in representations of warships in World of Warships. *Game studies*, 2021, vol. 21, no. 3. <https://gamestudies.org/2103/articles/klosinski>
  11. Lipoveckij M., Mihajlova T. Bol'she, chem nostalg'gija (pozdnij socializm v serialah 2010-h godov) [More than nostalgia (late socialism in the 2010s series)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 127-147.
  12. McClancy K. The Wasteland of the Real: Nostalgia and Simulacra in Fallout. *Game studies*, 2018, vol. 18, no. 2. <https://gamestudies.org/1802/articles/mcclancy>
  13. Music, Collective Memory, Trauma, and Nostalgia in European Cinema after the Second World War / Ed. by M. Baumgartner, E. Boczkowska. N.Y., L.: Routledge, 2020, 314 p.
  14. Post-Communist Nostalgia / Ed. by M. Todorova, Z. Gille. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2010, 310 p.
  15. Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L.: Routledge, 2020, 254 p.

16. Zvereva G.I. Pamjat' o proshlom v cifrovoj srede: kognitivnye orientiry dlja istoricheskogo issledovanija [Memory about the Past in the Digital Environment: Cognitive Guidelines for Historical Research]. *Istorija*, 2021, vol. 12, no. 8. <https://history.jes.su/s207987840016865-0-1/>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Игаева Ксения Владимировна, преподаватель кафедры всеобщей истории; научный сотрудник

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация; пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

igaeva.ksenia@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ksenia V. Igaeva, Lecturer at the Department of General History; Researcher

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; 23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

igaeva.ksenia@yandex.ru

Поступила 16.04.2023

После рецензирования 28.04.2023

Принята 01.05.2023

Received 16.04.2023

Revised 28.04.2023

Accepted 01.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-76-92

УДК 101.3, 316.4

Научная статья | Социальная и политическая философия

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Лапина В.С.

В работе осуществлен анализ экзистенциальных и социально-психологических угроз телесного и эмоционального бытия человека, наблюдаемых в урбанизированной среде, показаны истоки современного урбанистического кризиса. В рамках проведённого исследования совершается попытка оценить опасность и последствия урбанизации для современного человека и общества. В работе формулируется типология урбанистического активизма в условиях социально-философского дискурса.

Целью исследования является философское осмысление человеческого бытия в урбанизированной среде. В соответствии с целью обозначены задачи работы: дать характеристику «человеку городскому»; выявить противоречивые последствия урбанизации для современного человека; определить, как урбанизация влияет на образ жизни человека; проанализировать типологию деятельности жителей города по преобразованию городской среды в условиях современного урбанизма.

Объект: урбанизм как социально-философское явление, предмет: экзистенциальное бытие человека в городской среде.

Методология. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы анализа и синтеза, аналогии, классификации, а также философские методы познания – диалектический и герменевтический. Применялся метод обобщения философской, социологической литературы с использованием междисциплинарного подхода. Самостоятельную научную ценность как источника важных социальных знаний имеют инструменты визуальной ан-

тропологии (кинематография, фотография), применяемые в настоящем исследовании для анализа серии фильмов «НотоUrbanus».

Новизна исследования: в ходе исследования изучен экзистенциальный кризис в фокусе урбанистической антропологии и предложена классификация типов урбанистического активизма.

Практическое применение. Полученные результаты работы могут быть применены в будущих междисциплинарных исследованиях, а также изучении предметной области урбанистической антропологии, в вопросе осмысления взаимовлияния города и человека, в рамках отдельных тем образовательных курсов («Урбанистика», «Философия», «Социология», «Антропология», «Эстетика архитектуры и дизайна» и др.).

Ключевые слова: социальная философия; урбанизм; антропология; город и человек; урбанистический активизм; экзистенция

Для цитирования. Лапшина В.С. Философия человеческого бытия в урбанизированной среде // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 76-92. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-76-92

Original article | Social and Political Philosophy

PHILOSOPHY OF HUMAN EXISTENCE IN THE URBANIZED ENVIRONMENT

V.S. Lapshina

The existential and socio-psychological threats to human bodily and emotional existence are observed in the urbanized environment, and the origins of the modern urban crisis are discovered. The author attempts to assess the danger and consequences of urbanization for modern human society. The paper formulates a typology of urban activism in the context of socio-philosophical discourse.

The aim of the research is philosophical comprehension of human existence in an urbanized environment. In accordance with the purpose,

the tasks are outlined: to characterize the “city man”; to identify the contradictory consequences of urbanization for a modern Human; to determine the influence of urbanization at people’s lifestyle; to analyze the typology of the activities of city residents which (the activities) transform the urban environment in the context of modern urbanism.

Object: urbanism as a socio-philosophical phenomenon, subject: the existential dimension of Human in an urban environment.

Methodology. *To achieve this goal, general scientific methods were used: analysis and synthesis, analogies, classifications, as well as philosophical methods of cognition (dialectical and hermeneutic). The method of generalization of philosophical and sociological issues was applied and in particular by using interdisciplinary approach. The means of visual anthropology (cinematography, photography) are engaged in the study to analyze the documentary series “Homo Urbanus” which is of special scientific value as a source of important social knowledge.*

The originality of the study: *the existential crisis was studied in the focus of urban anthropology, a classification of types of urban activism was proposed. Practical application. The results of the study can be applied in the future interdisciplinary research, as well as in the urban anthropology studies, in the research of the mutual influence of the city and man, as well as of separate topics of educational courses (“Urban Studies”, “Philosophy”, “Sociology”, “Anthropology”, “Aesthetics of Architecture and Design”, etc.).*

Keywords: *social philosophy; urbanism; anthropology; city and man; urban activism; existence*

For citation. *Lapshina V.S. Philosophy of Human Existence in the Urbanized Environment. Sovremennyye issledovaniya socialnykh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 76-92. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-76-92*

Феномен человеческого бытия является ключевой темой философской и урбанистической антропологии. Человек был и остается целью, заданием для мыслителей прошлого и настоящего. Постигание человека возможно только через раскрытие предельной сложности и многозначности его существования.

Бытие человека одна из тайн и загадок философии. Отечественный философ В.В. Библихин писал: «Перелетные птицы каждый год дважды подвергают себя предельному, на последней границе выносливости напряжению всего своего существа, пускаясь в путь за тысячи километров. А человек благодаря своей исключительности может теперь, в наше время – и большинство пятимиллиардного населения земного шара так и ведет себя – прожить всю жизнь от рождения до смерти, не поставив себя на грань даже биологической, не говоря уже о духовной выносливости, не зная до самого смертного часа, что такое предельное» [10]. Можно предположить, что время «предельного» незаметно подкрадывается к двери нашего бытия. Купаясь в благах цивилизации, наслаждаясь достижениями науки, контролируя экономические, демографические, социальные и иные процессы, обретая власть над временем и трансформируя окружающее себя пространство человек взлетел на уровень ренессансного творца и властителя дум, превосходя себя прежнего. Однако в этом заключается и трагический пафос для человека и его существования. Карл Ясперс пишет, что «аспект нашего мира в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности, не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим» [20, с.132]. Ситуация, описываемая немецким мыслителем, может обескуражить, поскольку пессимизм, радикальное неудовольствие, неустойчивость, рассеянность и отсутствие желания что-либо делать становятся преобладающими. Человек, оторвавшись от природы, от самого себя, от общества теряет имманентные, присущие ему экзистенциалы человеческого бытия: любовь, дружбу, заботу, творчество, счастье. На границе предельного человеком овладевают экзистенциальные модусы, такие как страх, отчаяние, боязнь, тревога. Превосходства цивилизации, сконцентрированной главным образом в городах и экзистенциальный вакуум, наблюдаемый там же, требуют философского изучения и принятия конструктивных решений по обеспечению здоровья и благополучия людей.

Истории городов хорошо задокументированы. Джейсил Шоу, одна из авторов проекта капитального и культурного преобразова-

ния в Мельбурнском университете, отмечает, что в 2022 году население планеты перешло отметку в 8 миллиардов человек, а к 2030 году более пяти миллиардов человек будут жить в городах и городских центрах. Это невероятная статистика, учитывая, что всего два столетия назад три процента населения земного шара проживало в городах. Сейчас доля городского населения около пятидесяти процентов [22]. Мы являемся свидетелями ключевого момента в истории нашего вида. Впервые в городах проживает больше людей, чем за их пределами. Сейчас и в будущем мы станем *Nomourbanus*: горожанином. При любом сценарии, который мы хотели бы засвидетельствовать, этот переход важный и кажется необратимым, его можно сравнить с «Осевым временем» Карла Ясперса. Экзистенция современного человека прямо или косвенно связана с городом, городской культурой, средой, которая влияет на специфические эмоциональные состояния, переживания человека, его благополучие. Поэт Элла Уилер Уилкокс прекрасно сформулировала это, сказав: «Города читают великое сердце человечества» [22].

Впервые в отечественных исследованиях тема о новом атрибутивном статусе (определении) «человека городского», отличительном от *Nomopoliticus* (человека политического); *Nomofaber* (человека деятельного); *Nomosymbolicus* (человека символического); *Nomoliber* (человека свободного); *Nomoviator* (человека странствующего) и т.д. прозвучала в исследованиях Горновой Г.В. - специалиста в области философии города [7]. Горнова Г.В. отмечает, что одним из факторов, определяющим появление нового статуса «человек городской», можно считать возрастание внутривидовой агрессии в городской среде. С опорой на исследования знаменитого австрийского зоолога К. Лоренца, Горнова Г.В. выделяет виды переориентирования агрессии в условиях города, а именно катарсис, спорт, искусство, наука, смех [8, с. 235].

Город как источник благ цивилизации, благодаря наличию разнообразных культурных институтов, музеев, театров, галерей и других объектов, обеспечивает доступ широкой публике к культурному наследию и современной культуре города и страны. Джейси

Шоу, Ричард Флорида, Джейн Джейкобс называют города одним из величайших изобретений человечества, поскольку они являются двигателями инноваций, магнитами для талантливых людей и обеспечивают плотность, разнообразие, взаимодействие, которое делает людей более творческими и продуктивными [11, 22]. Тыхеева Ю.Ц. в исследовании «Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанографии» отмечает, что город выступает ареной жизнедеятельности человека, своеобразной моделью и лабораторией развития общества [18, с. 3-4].

Но в городах существуют как преимущества, так и риски для здоровья, факторы, оказывающие негативное влияние на психику человека. Причем последние можно сравнить с невидимой частью айсберга, масштаб и угрозу которого сложно оценить одновременно. Это и вызывает тревогу и опасения. Согласно Горновой Г.В., «Nомourbanus – это «животное городское», естественной средой обитания которого является антропогенный ландшафт города» [6-8]. Однако в психоаналитическом аспекте – Nомourbanus – это «человек невротический» [6]. Звучит страшно, как приговор. У. Эко в книге «Маятник Фуко» остроумно пишет: «Чем хороши большие города, так это тем, что стоит отойти на несколько метров, и ты уже в одиночестве». Вспоминается Диоген, ищущий человека в толпе людей. В этом преимущество, согласно У. Эко, можно затеряться в городе, но в этом и главный недостаток городов. Неврозы, стресс, чувство одиночества, разобщенность, апатия и равнодушие, – это меланхолические состояния современного городского жителя (Баумана З. [1], Виссер Р. [4], Зиммеля Г. [12]). В настоящее время этот вопрос звучит гораздо острее. Флориан Ледербоген (профессор Центрального института психического здоровья Гейдельбергского университета в Германии) и его коллеги Питер Кириш и Лейла Хаддад отмечают, что перепады настроения и тревожные расстройства более распространены среди горожан, чем сельских жителей, а заболеваемость шизофренией значительно выше среди людей, родившихся и выросших в городах [23, 24].

С. Б. Педерсен и П. Б. Мортенсен в своём исследовании «Доказательства зависимости между урбанистичностью и риском ши-

зофрении в период воспитания» показали, что при рождении или воспитании ребенка в городе повышается риск шизофрении, также ими было выявлено, что существуют особо уязвимые возрастные периоды и обнаруживаются каузальные связи в период воспитания между урбанистичностью и риском шизофрении [25].

Кристофер Дай в работе «Здоровье и городская жизнь» отмечает медико-демографический характер будущих последствий урбанизации. С одной стороны, уже сегодня происходит падение рождаемости и смертности в городе, сокращение детской смертности, с другой стороны, на смену тяжелым острым инфекционным болезням приходят хронические заболевания. Городские жители в среднем имеют лучшее здоровье, чем их сельские коллеги, но большие выгоды обычно получают люди обеспеченные и состоятельные, чем социально незащищенные или средний класс. Это обостряет социальное неравенство и, таким образом, усиливает различия между ними. Однако основным препятствием на пути улучшения здоровья горожан Кристофер Дай видит не технический или даже финансовый вопрос, а проблему организации гражданского общества, социального государства, коммуникаций [21]. Об этом писали наши советские специалисты по проблемам городов Л. Б. Коган и Ф.М. Листенгурт (1975). Они вполне убедительно показали, что не может быть «чрезмерной» урбанизации по самому существу этого процесса, как не может быть «чрезмерной» культуры или «чрезмерного» прогресса. Речь... должна идти не о «чрезмерности», а о «недостаточной эффективности управления процессом урбанизации» [цит. по 17]. Плотников В.В. пишет: «Однако, несмотря на причину, будь то «чрезмерная урбанизация» или «недостаточная эффективность управления процессом урбанизации», возникает синдром, который Э. Тоффлер определил как «шок от столкновения с будущим», а Ганс Селье – как дистресс, т. е. чрезвычайно болезненную и изнурительную форму стресса» [17].

К отмеченной Кристофером Даем социальной несправедливости можно добавить и наблюдаемый мировоззренческий и аксиологический диссонанс, социальное равнодушие между проживающими

жителями города. В работе «Город страхов, город надежд» З. Бауман замечает, что люди «высшего слоя» не становятся действующими субъектами, они не вовлечены в деятельность по созданию и увеличению общего блага, их мало волнует городская среда, их не интересует жизнь за пределами элитных квадратных метров, на которых они проживают [1]. Они живут в некотором киберпространстве: работа, еда, общение через Интернет, а перемещение по городу – исключительно на личном автомобиле: с подземной парковки на парковку торгового центра или офиса. Такие люди не принадлежат тому месту, в котором проживают, т.е. улице, району, городу. Для них элитное жилье есть маркер социального статуса и не более. Бауман отмечает, что городское пространство, а также люди, живущие в этом городе, не является для «людей высшего слоя» объектом опеки, заботы, каким оно было ещё век назад для владельцев фабрик и торговцев. К примеру, в конце XIX века при поддержке Н.А. Бугрова в Нижнем Новгороде были построены ночлежные дома для тысяч бедняков, дома для проживания вдов и сирот, больницы и др. Нижегородские купцы Бугровы были меценатами и построили много домов для города в благотворительных целях. Этот пример иллюстрирует явную заинтересованность купечества в благоустройстве городского пространства и комфортного проживания незащищенных слоёв. Сам З. Бауман в своей работе приводит пример городских площадей и улиц прошлых столетий, на которых собирались люди (для обмена вещами, продажи товара), между делом общались, обсуждали городские вопросы, новости и, таким образом, социально взаимодействовали.

Мы видим картину отчуждения горожан друг от друга, еженедельные встречи на улицах и площадях редкий случай, а дискуссии о благоустройстве, если и происходят, то в чатах или мессенджерах. Одинокое сидящие в квартирах люди, равнодушные к происходящему в родном городе, пишут таким же одиноким и ждут ответа и поддержки. Но это уже вторая категория граждан, по З. Бауману. Мировоззрение этого слоя городских жителей полностью противоположно мировоззрению первых, они «обречены оставаться

локальными», поэтому можно и нужно ожидать, что их внимание, полное неудовлетворенности, грез и надежд, будет приковано к «локальным вопросам». Для них борьба за выживание и достойное место в мире начинается, ведётся, проигрывается или выигрывается в городе, в котором они живут [1]. Каждое дерево, каждый метр детской площадки, берег реки, участок дороги жители готовы отстаивать, порой отвоевывать. Ценности и взгляды этих людей обращены к той территории, к той земле, на которой они проживают и воспитывают своих детей. Куда приведёт отделение (глобальной) власти от (локальной) политики, какое влияние это отделение окажет на городскую жизнь и её перспективы, сказать пока сложно, но уже очевидно, что, если не принять меры, то последует разрушение социального взаимодействия и ухудшение социально-психологического климата в городе.

Кроме обзора периодических изданий и анализа научной литературы, внимания заслуживают исследования визуальной антропологии. Так, серия фильмов «HomoUrbanus» о повседневной рутинной жизни в городах раскрывает многочисленные формы и сложные взаимодействия, которые каждый день осуществляются между людьми и их городской средой. Эти фильмы исследуют наше состояние как человеческого животного и то, как город, будучи искусственной средой, которую мы создаем вокруг себя каждый день как продолжение наших современных тел — формирует и обуславливает нас. Находясь между визуальной антропологией и кинематографическим наблюдением, эти фильмы помещают городского человека под микроскоп и побуждают нас более внимательно изучить индивидуальное и коллективное поведение, межличностную динамику, социальную напряженность, а также экономические и политические силы, которые каждый день проявляются в большом мире. Инсталляция, созданная благодаря этим фильмам, показывает города как уникальный ответ на глобальную проблему совместной жизни. Кинематографическая одиссея «HomoUrbanus» о жизни современного человека в Сеуле, Боготе, Неаполе, Санкт-Петербурге, Рабате, Токио, Киото, Шанхае, Дохе и Венеции демонстрирует глу-

бину одиночества современного человека, перестраивая очертания города согласно своего рода эмоциональной географии человека. Поэтому для планирования и создания общественных пространств в городе необходимо не просто наметить территорию, а сделать так, чтобы позволить городу говорить через то, как он используется, чтобы показать изменчивую природу его человеческого ландшафта и понять, какие локальные особенности остаются в контексте тотальной глобализации нашего городского образа жизни.

Джейн Джекобс, канадско-американская активистка, теоретик городского планирования и основоположница нового урбанизма, в книге «Смерть и жизнь больших городов» впервые последовательно сформулировала принципы, выдвигающие на первый план удобную повседневную жизнь горожан, а не абстрактный урбанизм. Одним из важных принципов городского планирования является разнообразие, обеспечивающее успешность городских территорий. Так, согласно Джекобс, в городе и его отдельных районах не должно существовать коммерческой монополии на строительство зданий одного возраста. Здания должны быть разнообразны и в тоже время объединены единой идеей улицы, квартала, района. «Большие города – это естественные генераторы разнообразия и щедрые инкубаторы новых начинаний и идей» [11]. Пристального внимания заслуживают улицы и тротуары, которые выполняют уникальную, важную и незаменимую роль как органа городской безопасности, публичной жизни, коммуникации. Продуманное публичное пространство рядом с тротуарами – это залог гармонизации отношений в обществе, возможность ликвидировать социальное непонимание, сегрегацию, расовую дискриминацию и др.

Культурные, городские, экономические разногласия, которые чувствует общество, безусловно, разыгрываются на улицах наших городов, в общественном транспорте и за кухонными столами, онлайн и офлайн, публично и в частном порядке. Это беспрецедентное изменение, которое ощущается в самом сердце городов и сообществ, вызывает неотложность и ответственность за совместное проектирование лучшего будущего. Немецкий философ-экзистен-

циалист М. Хайдеггер отмечает, что, отказываясь от себя самого, от принятия ответственных решений, человек обезличивается, поглощается общей невнятистью. Человек, ценящий свою свободу «здесь и сейчас», становится ответственным как перед самим собой, так и перед обществом. Чувство свободного человека - это чувство вины за все происходящее вокруг него, за собственное несовершенство [19]. Поэтому важно общаться и объединяться для решения городских вопросов по благоустройству, планированию территорий города, возрождения «мёртвых зон» и создания экологических зон. Такой деятельностью занимаются активисты, которых часто называют блогерами-урбанистами, они рассказывают не только об интересных, комфортных местах для отдыха, проживания, но освещают и проблемы, существующие в районе или городе, конфликты, недостатки. Деятельность по преобразованию и благоустройству городской среды принято называть урбанистическим активизмом. Стоит отметить, что это новое явление для социальной философии и философских рефлексий о жизни в городе [15]. Блогеры-урбанисты, городские активисты, неформальные дворовые лидеры, равнодушные жители отстаивают своё «право на город». Причём «право на город» это не просто благоустройство городской среды, процесс, связанный с визуальными изменениями городского пространства, но и внутренний процесс символического самоопределения, формирования собственной идентичности жителя города [16]. Социолог Лебедева Е.В. вводит такое понятие, как «урбанность», то есть способность чувствовать и ощущать себя горожанином, желающим внести свой вклад в преобразование родного города, оставить свой след в истории. На примере г. Минск Лебедева Е.В. отмечает, что наблюдаемое возрождение деятельности дворовых сообществ в последние годы можно считать попыткой заложить основы для становления института местного самоуправления [16].

Итак, обратимся к типологии деятельности городских активистов.

Используя разные информационные каналы и средства связи они рассказывают жителям о проблемах городских территорий, анонсируют и освещают события по преобразованию двора, улицы, го-

рода, как общего для всех «дома». «Критическое око» урбаниста – как совесть современного города. Поэтому их деятельность можно охарактеризовать как: информационную, просветительскую.

Во-первых, это деятельность чаще носит непринудительный, характер, жители сами выступают инициаторами преобразований и изменений городских территорий. В этой творческой деятельности важен и процесс, и результат, чаще процесс оказывается ценнее.

Например, начиная с 2015 года в 47 городах (Самара, Казань, Нижний Новгород и др.) России проходит фестиваль по восстановлению исторической среды силами неравнодушных горожан, волонтеров и спонсоров («Том СойерФест»), автором которого является Андрей Кочетков. Особое внимание уделяется восстановлению деревянных домов. За эти годы было восстановлено 83 дома. Сохранение наследия – одна из ключевых идей, объединяющая жителей города вне зависимости от их рода занятий, социального положения и политических пристрастий [3, 13].

Также с целью привлечения внимания жителей и потенциальных инвесторов к деревянному зодчеству, озеленения, благоустройства были созданы тематические сады, стартовало развитие нового публичного пространства в исторической части г. Нижнего Новгорода. Созданные благодаря Ландшафтному фестивалю «Исторический парк» и стараниям волонтеров, сады продолжают заботливо поддерживаться и развиваться. Лозунг «Создаём новое – сохраняя историю», – прекрасно передаёт дух деятельности авторов и волонтеров проекта [14].

Во-вторых, эта деятельность (к примеру, реализация проекта благоустройства) по продолжительности может быть кратковременной, средней продолжительности, долгосрочной.

В-третьих, деятельность городских активистов носит локальный (частный) характер, поскольку касается конкретных объектов или территорий благоустройства. К примеру, благоустройство двора, демонтаж архитектурного объекта, устранение стихийных свалок.

Активность горожан может варьироваться от действий онлайн (участие в голосованиях, опросах, анкетировании и пр.) в социаль-

ных сетях, мессенджерах до реальных (субботники, участия в слушаниях) и крупномасштабных работ (к примеру, создание граффити).

Предложенную классификацию типов урбанистического активизма необходимо расширять, детализировать, анализируя новые повседневные практики городских жителей и сообществ. Благодаря возникшей коммуникации человек попытается преодолеть сложившийся экзистенциальный кризис, а результаты совместной деятельности людей сделают мир города интереснее, комфортнее и безопаснее. Создавая панегирик человеку, живущему в городе, проявляя заботу о его здоровье и эмоциональном благополучии, нам не хотелось бы игнорировать (противопоставлять горожанину) человека власти/человека сферы управления. Наоборот речь идёт о диалоге, коммуникации, а значит управленец, человек, на которого возложена ответственность за принятие компетентностных, конструктивных, гуманистических решений, улучшающих бытие городского жителя, необходимо быть соучастником, соавтором урбанистических инициатив и преобразований.

Наблюдаемый урбанистический поворот в философии рисует новые горизонты в социогуманитарном знании и исследованиях по урбанистической антропологии. Возникает социальный запрос на теоретическое осмысление результатов урбанизации. В стремительно урбанизованном мире, на заре 4-й промышленной революции необходима скоординированная работа общества и государства на благо человека.

Список литературы

1. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 26.
2. Бибихин В.В. Почему бытие есть? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. № 2. С. 73.
3. В Нижнем Новгороде прошел всероссийский съезд «Том Сойер Фест». 31.05.2021. <https://fedpress.ru/news/52/society/2751232> (дата обращения: 21.02.2023).
4. Виссер Р. Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая / Робин Виссер; [пер. с англ.

- Н. Проценко]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 535 с.
5. Гейл Я. Города для людей: Пер. англ. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
  6. Горнова Г. В. Nomourbanus: психоаналитический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2010. №5. URL: http://hses-online.ru/2010/05/09_00_13/11.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
  7. Горнова Г. В. Nomourbanus: социобиологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 17-19.
  8. Горнова Г. В. Антиномии города: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. 212 с.
  9. Горчакова А.В. Homo Urbanus как ситуативный тип личности // The Scientific Heritage. 2021. № 80-6(80). С. 26-30. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-80-6-26-30>
  10. Гуревич П.С. Основы философии. М.: Гардарики, 2000. 438 с.
  11. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
  12. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
  13. Зиновьева Н. «Том Соьер Фест»: как любить город не только на словах. <https://novation-nn.ru/tom-soyer-fest-kak-lubit-gorod-ne-tolkona-slovah> (дата обращения: 12.01.2023).
  14. Исторический квартал церкви трех святителей. Уникальный фрагмент деревянной застройки XIX – начала XX века в Нижнем Новгороде. <https://landfestnn.ru/territory/> (дата обращения: 18.01.2023).
  15. Лапшина В.С. Социально-философский феномен урбанистического активизма // Kant. 2022. № 1(42). С. 127-131.
  16. Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 25. С. 44-66. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>
  17. Плотников В. В. Городской человек / На перекрестках экологии. М.: Мысль, 1985. 208 с.
  18. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве: (Филос.-антропол. основания урбанографии): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук:

- 09.00.13 (религиоведение, филос. антропология, философия культуры / Ю. Ц. Тыхеева; Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2004. 35 с.
19. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: «Территория будущего», 2006.
20. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы / Карл Ясперс, Жак Бодрийар. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
21. Dye C. Health and urban living // *Science*. 2008. Т. 319. №. 5864. С. 766-769.
22. Jacyl Shaw. The Evolution of Homo Sapiens to Homo Urbanus. 18 February, 2020. <https://www.ghd.com/en-gb/insights/the-evolution-of-homo-sapiens-to-homo-urbanus>
23. Krabbendam L., Van Os J. Schizophrenia and Urbanicity: A Major Environmental Influence – Conditional on Genetic Risk // *Schizophrenia Bulletin*. 2005. Vol. 31, Issue 4. P. 795–799. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi060>
24. Lederbogen F., Kirsch P., Haddad L. et al. City living and urban upbringing affect neural social stress processing in humans // *Nature*. 2011. Vol. 474. P. 498–501. <https://doi.org/10.1038/nature10190>
25. Pedersen C. B., Mortensen P. B. Evidence of a dose-response relationship between urbanicity during upbringing and schizophrenia risk // *Archives of general psychiatry*. 2001. Vol. 58. №. 11. P. 1039-1046.

References

1. Bauman Z. *Logos*, 2008, no. 3, p. 26.
2. Bibikhin V.V. *Logos. Filososfsko-literaturnyy zhurnal*, 1991, no. 2, p. 73.
3. The All-Russian convention “Tom Sawyer Fest” was held in Nizhny Novgorod. 31.05.2021. <https://fedpress.ru/news/52/society/2751232>
4. Visser R. *Goroda okruzhayut derevnyu. Urbanisticheskaya estetika v kul'ture postsotsialisticheskogo Kitaya [Cities surround the village. Urban aesthetics in the culture of post-socialist China]*. SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022, 535 p.
5. Geyl Ya. *Goroda dlya lyudey [Cities for people]*. M.: Al'pina Publisher, 2012, 276 p.
6. Gornova G. V. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 5. http://hses-online.ru/2010/05/09_00_13/11.pdf

7. Gornova G. V. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2010, no. 3, pp. 17-19.
8. Gornova G. V. Antinomii goroda: monografiya [Antinomies of the city: monograph]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2011, 212 p.
9. Gorchakova A.V. The Scientific Heritage, 2021, no. 80-6(80), pp. 26-30. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-80-6-26-30>
10. Gurevich P.S. Osnovy filosofii [Fundamentals of philosophy]. M.: Gardariki, 2000, 438 p.
11. Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov [Death and life of large American cities]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011, 460 p.
12. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big cities and spiritual life]. M.: Strelka Press, 2018, 112 p.
13. Zinov'eva N. "Tom Sawyer Fest": how to love a city not only in words. <https://novation-nn.ru/tom-soyer-fest-kak-lubit-gorod-ne-tolko-na-slovah>
14. Historical quarter of the Church of the Three Saints. A unique fragment of wooden buildings of the 19th – early 20th centuries in Nizhny Novgorod. <https://landfestnn.ru/territory/>
15. Lapshina V.S. Kant, 2022, no. 1(42), pp. 127-131.
16. Lebedeva E. V. Vestnik Instituta sotsiologii, 2022, vol. 13, no. 25, pp. 44-66. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>
17. Plotnikov V. V. Gorodskoy chelovek / Na perekrestkakh ekologii [City man / At the crossroads of ecology]. M.: Mysl', 1985, 208 p.
18. Tykheeva Yu.Ts. Chelovek v gorodskom prostranstve: (Filos.-antropol. osnovaniya urbanologii) [Man in urban space: (Philosophical and anthropological foundations of urbanology)]. SPb., 2004, 35 p.
19. Khaydegger M. Chto zovetsya myshleniem? [What is called thinking?]. M.: Territory of the Future, 2006.
20. Yaspers K., Bodriyar Zh. Prizrak tolpy [The Phantom of the Crowd]. M.: Algoritm, 2007, 272 p.
21. Dye C. Health and urban living. Science, 2008, vol. 319, no. 5864, pp. 766-769.
22. Jacyl Shaw. The Evolution of Homo Sapiens to Homo Urbanus. 18 February, 2020. <https://www.ghd.com/en-gb/insights/the-evolution-of-homo-sapiens-to-homo-urbanus>

23. Krabbendam L., Van Os J. Schizophrenia and Urbanicity: A Major Environmental Influence – Conditional on Genetic Risk. *Schizophrenia Bulletin*, 2005, vol. 31, Issue 4, pp. 795–799. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi060>
24. Lederbogen F., Kirsch P., Haddad L. et al. City living and urban upbringing affect neural social stress processing in humans. *Nature*, 2011, vol. 474, pp. 498–501. <https://doi.org/10.1038/nature10190>
25. Pedersen C. B., Mortensen P. B. Evidence of a dose-response relationship between urbanicity during upbringing and schizophrenia risk. *Archives of general psychiatry*, 2001, vol. 58, no. 11, pp. 1039–1046.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лапшина Валентина Семёновна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии *Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет*
ул. Ильинская, 65, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
lapshina_valentina@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Valentina S. Lapshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
65, Ilyinskaya Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
lapshina_valentina@inbox.ru
SPIN-code: 8626-2055
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2695-9945>

Поступила 07.04.2023

После рецензирования 28.04.2023

Принята 02.05.2023

Received 07.04.2023

Revised 28.04.2023

Accepted 02.05.2023

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-93-105
УДК 81-2

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

О СИНОНИМАХ В ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ ОХОТСКИХ ЭВЕНОВ

Е.В. Нестерова

Обоснование. Эвенский язык относится к числу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Сложившаяся ситуация требует всестороннего исследования, фиксации и документирования языка и культуры эвенов. Изучение синонимических отношений в эвенском языке даст представление о лексико-семантическом развитии эвенского слова, стилистических особенностях языка.

Цель. Статья посвящена изучению синонимов в эвенском фольклорном тексте.

Материалы и методы. В качестве источника исследования привлечены эпические сказания охотских эвенов. Основным методом исследования служит описательный, использованы методы семантического анализа и элицитации.

Результаты. Собранный лексический материал, распределенный по частям речи, обнаруживает численное превосходство глагольных синонимов по сравнению с другими группами слов. В текстах сказителя Н.Г. Мокроусова синонимы служат выразительным средством, несут экспрессивную нагрузку, используются в описании различных явлений, свойств, действий, применяются в целях сохранения ритма пения. В работе зафиксированы частотные синонимы.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть применены в исследованиях по языку и фольклору тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: эвенский язык; синонимы; фольклор; лексика; текст; сказитель

Для цитирования. Нестерова Е.В. О синонимах в эпических сказаниях охотских эвенов // *Современные исследования социальных проблем*. 2023. Т. 15, № 2. С. 93-105. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-93-105

Original article | Russian language. Languages of the peoples of Russia

ON SYNONYMS IN THE EPIC TALES OF THE OKHOTSK EVENS

E. V. Nesterova

Background. *The Even language is among the endangered languages. The situation requires comprehensive research, recording and documentation of the Even language and culture. The research of the synonymic relations in the Even language will show the lexical-semantic development of the Even word, the stylistic features of the language.*

Purpose. *The article is devoted to the study of synonyms in the Even folk texts.*

Materials and methods. *Epic tales of the Evens of Okhotsk are used as a source of research. The main method of research is the descriptive one along with semantic analysis and elicitation methods.*

Results. *The collected lexical material, distributed according to the parts of speech, reveals a numerical superiority of verbal synonyms in comparison with other groups of words. In the texts of the narrator N.G Mokrousov, synonyms serve as expressive means, have expressive load, are used in the description of the various phenomena, properties, actions, are applied with a view of preservation of a rhythm of singing. Frequent synonyms are recorded in the work.*

Practical implications. *The results of the work can be applied in studies on the language and folklore of the Tungus-Manchur peoples.*

Keywords: *Even language; synonyms; folklore; lexicon; text; narrator*

For citation. *Nesterova E.V. On Synonyms in the Epic Tales of the Okhotsk Evens. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 93-105. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-93-105*

Введение

Цель. Выявить в эпосе охотских эвенов синонимы, исследовать особенности их функционирования.

Актуальность. Эпос – вершина устного народного творчества эвенов, ему посвящены труды В.Д. Лебедева, Ж.К. Лебедевой, В.А. Роббека, А.А. Бурькина, С.И. Шариной, С.Н. Саввиновой, А.А. Винокуровой, В.А. Петровой, М.П. Дьяконовой и др. Однако несмотря на имеющиеся работы тема эвенского эпоса до сих пор остается малоизученной. На сегодняшний день нет специальных исследований по языку эвенских эпических сказаний. Изучение эвенского фольклорного текста, его лексических и стилистических особенностей может внести определенный вклад в научный аппарат для дальнейшего изучения духовной культуры эвенов.

Материалы и методы

В качестве источника исследования привлечены тексты эпоса охотских эвенов («Делгэни», «Чибдэвэл», «Геакчавал»), записанные Н.П. Ткачиком в 30-е гг. прошлого столетия от 98-летнего певца-сказителя Н.Г. Мокроусова в п. Арка Охотского района Хабаровского края [7]. Основными мотивами представленных сказаний являются борьба богатырей с врагами, становление рода.

Основным методом исследования служит описательный, также использованы методы семантического анализа и элицитации.

Результаты и обсуждение

Язык эвенских эпических сказаний отличается оригинальностью, образностью, архаичностью. Рассматривая структуру эпоса, исследователь Ж.К. Лебедева отмечает и язык эпика: «Эвенский архаический эпос характеризуется сочетанием ритмико-поэтиче-

ской и прозаической форм <...> В прозаической части много твердо установившихся традиционных канонов, язык эпики богат архаической лексикой, устоявшимися оборотами, эпитетами, сравнениями» [3, с. 89].

О языке эвенских сказаний-нимканов писал и В.А. Роббек в своей работе «Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров»: «Не будет преувеличением сказать, что каждое произведение устного народного творчества эвенов Березовки содержит древнейший пласт лексики и обладает уникальной образностью. Вот, например, небольшой отрывок из сказки «Дэнэкэн»:

*Иликкая – асикая, гэрөкөн-гэрөрөкэн
Дуллоаянидле, дыликааянидле, гэрөкөн-гэрөрөкэн
Дэнэкэмэл акчамус ноңамулун-та дётисаңчандун
Дяткачидюканив, гэрөкөн-гэрөрөкэн* [6, с. 23].

Этот отрывок на разговорном эвенском языке, понятном для молодого поколения, можно передать следующим образом:

Илик (имя) *асе-е, гэрөкөн-гэрөрөкэн* – (припев) звуковой образ при сообщении о неприятностях

*Эникэн аваңчир хэрэдле-е, хэрэчэв хэрэдле-е, гэрөкөн-гэрөрөкэн,
Дэнэкэн акмус ноңчин эңэ төрлэн
Дят урэчин тикукэнив, гэрөкөн-гэрөрөкэн.*

Перевод на русский:

Илик, женщина, гэрөкөн-гэрөрөкэн,
Не отвлекаясь вышивай, вышивку вышивай, гэрөкөн-гэрөрөкэн
Дэнэкэна, твоего старшего брата на его же богатой земле
(так срубил), что он упал как игла осеннего хвойного дерева,
гэрөкөн-гэрөрөкэн» (Здесь и далее перевод наш – Е.Н.).

Здесь сначала приведен отрывок фольклорного произведения, который затем переведен на разговорный эвенский язык и только потом с последнего сделан перевод на русский язык. Данный пример прекрасно иллюстрирует образность и архаичность лексики эвенского фольклора.

Наша работа, в свою очередь, также затрагивает тему языка устного народного творчества эвенов, в частности вопрос функци-

онирования синонимов в эпическом тексте. Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению, слова, которые определенным образом соотношены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий [2, с. 29].

Синонимы являются средством выразительности речи. Им свойственны две основные функции: замещение и уточнение. «Функция замещения реализуется тогда, когда синонимы, взаимно заменяя друг друга, употребляются в тексте для обозначения одного и того же <...> Использование синонимов в функции их взаимного замещения позволяет избежать повторения одних и тех же слов, однообразие в изложении» [4, с. 230].

Л.А. Новиков в работе «Семантика русского языка» пишет: «Функция уточнения является важнейшей семантической функцией синонимов, которая помогает выявить и раскрыть различные стороны, свойства, характерные признаки обозначаемого предмета (явления) действительности. Эта функция реализуется чаще всего в пределах одного предложения, при близком, контактном расположении слов <...> Уточняется прежде всего степень проявления того или иного признака, качества, свойства, действия и т.п.» [Там же, с. 231].

В творчестве сказителя важно умение превратить свое произведение в интересное, яркое, живое повествование, которое достигается во многом благодаря мастерству владения словом. И в этом не последнюю роль играет использование в речи синонимичных слов. В текстах Н.Г. Мокроусова синонимы обогащают речь сказителя, создают образность в описании различных действий, состояний, явлений, признаков предметов и др., обеспечивают стройность ритму пения.

Синонимический материал, собранный по сказаниям Н.Г. Мокроусова [7], мы распределили по частям речи. Приведенные из источника примеры даны без изменений.

Существительные

В группе имен существительных зафиксированы частотные синонимы *хуннэ* ‘выюга, метель, буря, ураган, пурга, буран’ и *кур*

‘буран’. Данные лексемы нередко употребляются в одном предложении, тем самым образуя устоявшуюся пару. Сказитель использует эти синонимы для того, чтобы описать невероятной силы движение воздуха, ветра, бурана. Например: *Эрэв дьулдэдутни кур куурэллэн, хуунуэ хуунуэллэн. Эрэв букэсу куурэч хуунуэч хаайувканикан эрэгэр хуррэн.* И перед ними буран поднялся, ветер подул. Этот лед бураном, ветром ломая, идет’.

Богатыри в эвенских сказаниях обладают выдающейся силой, быстротой и ловкостью. Далекие расстояния герои преодолевают в обличье птиц, чаще всего ястребов. Ястребы наделены такой мощностью, что движения их крыльев порождают буран, огромной силы ветер. И поэтому появлению богатырей в сказаниях предшествует возникновение ветра или бури:

Эрэк илан бэй илан гиакчан оода. Дьэ, дэгэллэл. Эрэк ноуартан хуррэкээтни, дьулдэдутни эгдъэн кур курэллэн, эгдъэн хунуэ хунуэллэн. ‘Эти трое мужчин превратились в трех ястребов. Дьэ (от як. *межд.* вот), полетели. Когда они полетели, впереди них большой буран поднялся, большой ветер подул’.

Таридьур иланмиар долбани оочалан хэукуни тулин биддэкэн, хуунуэ эмнэн, хоо куурэ. Тарак амардадун умэн мээлсэ эмнэн, ойан гэрбэлкэн умэн-дэ аачча, улэн гэрбэлкэн умэн-дэ аачча, икиригдэн эмнэн. ‘Затем на тридцатую ночь, когда Хэнкуни находился снаружи, ветер пришел, очень мощный буран. За ним один мэлсэ (название охотничьего рода, который существует только охотой на дикого зверя; лесные люди) пришел, одежды на нем никакой нет, мяса на нем никакого нет, одни кости пришли’.

Арай тачин гуунэкэн, хуунуэнкэтни куурэуэтни ноуарбатни дээпки эмнэн... Тарак амардадун эр гиаатмар Дьээлгээни эмнэн, туттэн (с. 50). ‘Вдруг когда так сказал, ветер, буран навстречу им пришел <...> После этого вот второй, Делгэни пришел, бежит’.

Прилагательные

Синонимы прилагательные часто используются сказителем при описании физических качеств богатырей, например: *аиң* ‘быстрый, резвый, легкий (о беге, ходьбе), быстроногий, шустрый’ – *чикти*‘1.1)

бойкий, быстрый, проворный; 2) бодрый, деятельный, активный; 2.1) быстрота, проворность; 2) бодрость, деятельность, активность’:

Чиамдань, эрэк бэй ианкур айаган, чиктин!

Чиамдань, тарак хуптуннав оодам, эннэ бокна оодам

‘Чиамдань, этот человек какой резвый, проворный!

Чиамдань, отстану от него, не догоню’.

В следующем примере *чикти* синонимична уже другая лексема *хони* ‘человек, обладающий особой храбростью, силой и ловкостью; богатырь’:

хэлникэн хэтэкэнэкэн, эгдээн кур оодни: тачикан чикти, тачикан хооны бэй, Дьэлгээникэн бими амардадун хуррэн, хууттэн. ‘Когда Хэлникэн побежал, большой буран поднялся: такой быстрый, такой ловкий человек, а Делгэни за ним пошел, побежал’.

Глаголы

В сказаниях охотских эвенов значительную часть синонимов представляют глаголы, например: *усиудэдэй* ‘бросить, кинуть, метнуть’ – *улэдэй* ‘1) бросать, швырять, выбрасывать; 2) *перен.* отмечать; 3) *рел.* кидать в огонь, совершая жертвоприношение’:

Чибдэвэл тэтий усиуньдэрэн, аавми улэрэн, унтай-да улэрэн, ун-дэ кусидникэн (с. 18). ‘Чибдэвэл тэти (одежда, пальто) свое кинул, шапку швырнул, и унты (свои) бросил, во время битвы’.

Хөрдэй ‘уйти, уехать’ – *ундэй* ‘двигаться, перемещаться, идти, ехать, отправляться’:

хулинну тобли хиэрэн, халкамчали табдас хуррэн, унэдэи уэн-нэн (с. 32). ‘Хулинну через огонь появился, сквозь дымовое отверстие ушел, мимоходом прошел’.

Многозначный глагол *бидэй* ‘1) быть, находиться, присутствовать; 2) помещаться, находиться, стоять, лежать; 3) жить, обитать, поселяться, водиться; 4) находиться, состоять, числиться, значиться; 5) тянуться, равняться, длиться, насчитывать, насчитываться; 6) быть, являться; 7) быть, посещать, приходиться’ – *тэгэттэй* ‘1) сидеть; 2) жить оседло’.

Дьэ, бидьэллэ, тэгэчидыллэ (с. 44). ‘Дьэ, стали жить, жить оседло’.

Частотными синонимами являются *ундэй* ‘двигаться, перемещаться, идти, ехать, отправляться’ и *гуркадай* ‘1) шагать, идти

пешком, ходить, маршировать; 2) идти, ходить (о часах)'. Последовательное использование данных синонимов в одном предложении передает картину продолжительности действия, длительности похода богатырей, например:

Дьэ, таридьур эрэк бэйил нэнэдьэйнэ, гиркадьайна эрэгэр. Гору нэннэ. 'Дьэ, затем эти люди идут, шагают всегда. Долго идут'.

Гиав инээнив гиала урилэндүлэ нэннооттэ, ньаан-да тадувар гиркавачидьвоотта. 'На второй день на вторую стоянку приходят, и снова там ходят'

Туур ойлин нэннэ эрэгэр, гиркадда, эстэн-дэ туттэ, эстэн-дэ нирэ, мээнэккэн нэнэйдэ (с. 97). 'По земле идут всегда, шагают, и не бегут, просто идут'.

К устойчивым оборотам можно отнести конструкцию, состоящую из глаголов *хунүлдэй* 'забушевать (о буре, урагане), закружить, замести (о вихре, метели)' и *курэлдэй* 'забуранить', употребляющихся совместно с вышеупомянутыми существительными *хунүэ* и *кур*. Используя данное сочетание в своей речи, сказитель добивается усиления образного воздействия на слушающего, рисуя картину бушующего природного явления: *Эрэк ноуартан хуррэкэтни, эгдьэн кур курэллэн, эгдьэн хуунүэ хуунүэллэн.* 'Когда вот они ушли, большой буран поднялся, большой ветер забушевал'.

Эрэв дьүлдэдүтти кур куурэллэн, хуунүэ хуунүэллэн. 'Перед ними буран забуранил, ветер забушевал'.

Синонимы, использующиеся сказителем в песнях, кроме функции обогащения речи выполняют задачу сохранения ритма пения, например:

Укчэндэй 'разговаривать, беседовать, рассказывать' – *тэлэндэй* 'рассказывать, сообщать, излагать, пересказывать'

Гээлкэнь, дьаданья

Гээлкэнь, коокачамия

Гээлкэнь, ирэв хаарий

Гээлкэнь, укчэнэдлил,

Гээлкэнь, ирэв долдаачай

Гээлкэнь, тээлэннил.

‘Гээлкэнь, дьаданья
Гээлкэнь, коокачамиэ
Гээлкэнь, что знаешь
Гээлкэнь, рассказывай,
Гээлкэнь, что слышал
Гээлкэнь, сообщи’.

Оркаттай ‘осмеивать, высмеивать, вышучивать, насмехаться, дразнить, подтрунивать’ – *ининдэй* ‘смеяться’:

Киида, гэлэ, мину
Киида, нуутли, бокли.
Киида, мину эми нууттэ,
Киида, халдидьанни,
Киида, бэй бэкэчэн
Киида, оркатчир, ининьдьир.

‘Киида, давай, за мной
Киида, погонись, догони.
Киида, за мной если не погонишься,
Киида, застыдишься,
Киида, люди все
Киида, дразнить, смеяться будут’.

Наречия

Синонимичные наречия *өтэл* ‘раньше, прежде, в ту пору, некогда, когда-то, в старину’ и *титэл* ‘1. прежде, раньше, в былые времена, в старину, некогда; 2. прошлый’ путем сложения образуются в парное слово. «Значение парного слова в большинстве случаев возникает в результате сложения значений отдельных полнозначных, семантически близких или синонимичных слов, поэтому оно всегда бывает более емким и более обобщенным, чем значения этих отдельно взятых слов» [1, с. 44], например:

Дэной, уутэл-тиитэл биссий,
Дэной, нуу бэбдэбэрэрэм,
Дэной, хину-дэ бэбдэвкэнэкэс бэбдэмчу.
‘Дэной, в далекую старину будучи,
Дэной, болячки лечил,

Дэной, и тебя, если разрешишь вылечить, вылечил бы’.

Для описания состояния отчаяния, глубокой муки сказитель употребляет синонимы *хэчус* ‘1. утомительный, трудный, мучительный; 2. утомительно, трудно, мучительно’ и *хилус* ‘1. мучительный; 2.1) мученье, мука; 2) беда, нужда; 3) тяжело, затруднительно’:

Иак һэчүсэн оодни! Иак һилүсан оодни! ‘Как трудно стало! Как мучительно стало!’.

Некоторым словам могут быть синонимичны словосочетания, например: *эгден* ‘большой’ – *муданни эти ичурэ* ‘конца не видно’: *Арай дэбникэн иттэкэн, дьулдэлэн хоокан эгдээн төнэр оодни, муданни эти ичурэ – эгдээн төнэр*. ‘Вдруг летая увидел, впереди (него) очень большое озеро стало, конца не видно – большое озеро’.

Похожие синонимичные отношения составляют словосочетание *эдук мудандукун часки муданни эсни ичурэ* ‘с этого конца и дальше, конца не видно’ и лексема *хоя* ‘много’, например: *Эрэк туур буйунни хоо һоойа бивэттэн. Эдук мудандукун часки муданни эсни ичурэ, тачин хоойа буйун бивэттэн умэнду*. ‘Этой земли диких оленей очень много бывает. С этого конца и дальше, конца не видно, так много диких оленей бывает в одном (месте)’.

Заключение

Таким образом, в эпосе охотских эвенов зафиксированы синонимы: существительные, прилагательные, наречия, глаголы. Некоторым лексемам могут быть синонимичны словосочетания. Наблюдается образование парных слов путем сложения синонимов. Использование в произведении синонимического материала является одним из инструментов для создания живого, яркого, интересного повествования. Синонимичные слова применяются в целях обогащения речи, избегания повторов; они несут экспрессивную, эмоциональную нагрузку, используются для сохранения ритма пения.

Список литературы

1. Васильева Н.Н. Лексические синонимы в языке саха. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1996. 116 с.

2. Евгеньева А.П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка; под ред. Евгеньева А.П. М.-Л.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1966. С. 227.
3. Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 156 с.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
5. Роббек В.А. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
6. Роббек В.А. Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров. Якутск: ИПМНС СО РАН, 2005. 360 с.
7. Эпос охотских эвенов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1986. 301 с.
8. Санжеева Л.Ц. Синонимы в поэтике бурятского эпоса о Гэсэре // Вестник ИГЛУ. 2009. № 4(8). С. 94-99.
9. Саввинова С.Н., Нестерова Е.В. Эпос эвенов// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59). С. 41-43.
10. Варламова Г.И., С.Н. Саввинова Е.В. Нестерова. Имена собственные персонажей эвенского эпоса. Словарь-указатель. Новосибирск: Наука, 2019. 219 с.
11. Grenoble L.A., Vinokurova A.A., Nesterova E.V. Language vitality and sustainability: minority indigenous languages in the Sakha Republic // *The Siberian World*, 2023, 654 p.
12. Harris R. *Synonymy and linguistic analysis*. Oxford, 1973, 166 p.
13. Jackson H. *Words and their meaning*. London, 1988, 280 p.
14. Kantarovich J., Grenoble L.A., Vinokurova A., Nesterova E. Complexity and Simplification in Language Shift. // *Frontiers in Communication. Language Sciences*, 2021, vol. 6. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
15. Savvinova S.N., Sadovnikova I.I., Nesterova E.V. Questions of Synonymy and Antonymy in the Even Language // *Sibirica*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 6-24. <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210302>

References

1. Vasil'eva N.N. *Leksicheskie sinonimy v jazyke saha* [Lexical synonyms in the Sakha language]. Yakutsk: IGI AN RS(YA), 1996, 116 p.

2. Evgen'eva A.P. Osnovny'e voprosy' leksicheskoy sinonimii [Basic questions of lexical synonymy]. *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Essays on Synonymy of the Modern Russian Literary Language]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, In-t rus. yaz., 1966, pp. 227.
3. Lebedeva Zh.K. *Arhaicheskij jepos jevenov* [Archaic epos of the Evens]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981, 156 p.
4. Novikov L.A. *Semantika russkogo yazy'ka* [Semantics of the Russian language]. Moscow: Vy'sshaya shkola Publ., 1982, 272 p.
5. Robbek V.A. *E'vensko-russkij slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005, 353 p.
6. Robbek V.A. *Fol'klor e'venov Berezovki. Obrazcy'shedevrov* [Folklore of the Evens of Berezovka. Samples of masterpieces]. Yakutsk: IPMNS SO RAN, 2005, 360 p.
7. *Jepos ohotskih jevenov* [Epos of the Okhotsk Evens]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, 301 p.
8. Sanzheeva L.Cz. Sinonimy' v poe'tike buryatskogo e'posa o Ge'se're [Synonyms in the poetics of the Buryat epic about Gesar]. *Vestnik IGLU* [GLU Bulletin], 2009, no. 4(8), pp. 94-99.
9. Savvinova S.N., Nesterova E.V. Jepos jevenov [Epos of the Evens]. *Filologicheski nauki. Voprosy'teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2016, no. 5(59), pp. 41-43.
10. Varlamova G.I., Savvinova S.N., Nesterova E.V. *Imena sobstvenny'e personazhej e'venskogo e'posa. Slovar'-ukazatel'* [Proper names of the characters of the Even epic. Index dictionary]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2019, 219 p.
11. Grenoble L.A., Vinokurova A.A., Nesterova E.V. Language vitality and sustainability: minority indigenous languages in the Sakha Republic. *The Siberian World*, 2023, 654 p.
12. Harris R. Synonymy and linguistic analysis. Oxford, 1973, 166 p.
13. Jackson H. Words and their meaning. London, 1988, 280 p.
13. Kantarovich J., Grenoble L.A., Vinokurova A., Nesterova E. Complexity and Simplification in Language Shift. *Frontiers in Communication. Language Sciences*. 2021, vol. 6. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>

14. Grenoble L.A., Vinokurova A.A., Nesterova E.V. Language vitality and sustainability: minority indigenous languages in the Sakha Republic. *The Siberian World*, 2023, 654 p.
15. Savvinova S.N., Sadovnikova I.I., Nesterova E.V. Questions of Synonymy and Antonymy in the Even Language. *Sibirica*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 6-24. <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210302>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677007, Российская Федерация
elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Nesterova, Researcher of the Sector of Northern Philology
Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015,
Russian Federation
elenanesterova-2010@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5130-706X>

Поступила 06.04.2023
После рецензирования 15.04.2023
Принята 29.04.2023

Received 06.04.2023
Revised 15.04.2023
Accepted 29.04.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-106-118
УДК 811.111

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Ю.С. Гаврикова, А.Е. Голукович, А.С. Трущинская

В статье анализируются вопросительные предложения в англоязычном рекламном туристическом нарративе. Актуальность данного исследования связана с тем, что вопросительная реплика, обладая значительным речеактовым потенциалом, открывает широкие возможности для исследования.

Цель работы – классифицировать вопросительные предложения в английских рекламных текстах по теме «Путешествие», выделив для этого определенные критерии.

Употребление вопросительных предложений – это одна из отличительных синтаксических черт англоязычных рекламных текстов. Вопросительные предложения интригуют потенциальных покупателей, привлекают их внимание к рекламируемому товару или услуге. Новизна исследования состоит в том, что вопрос изучается не как вырванное из контекста высказывание, напротив, анализируется целевая направленность вопросительных реплик.

В статье выявляются коммуникативные намерения вопросов в анализируемом нарративе, а также выделяются типы вопросов с точки зрения выполняемого ими коммуникативного намерения. Также вопросы сравниваются по частотности употребления в рекламном нарративе о путешествиях.

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили 136 вопросов, отобранных методом сплошной выборки из рекламных текстов о путешествиях с англоязычных сайтов. В ходе анализа материала были использованы контекстуальный метод, метод сплошной выборки, дистрибутивный, прагматический и количественный методы.*

Результаты. Результаты исследования показали, что коммуникативные намерения вопросов в англоязычном рекламном туристическом нарративе отличаются от вопросов, используемых в диалогической речи. Анализ коммуникативных намерений позволил выделить три типа вопросов: направляющие вопросы, цель которых сконцентрировать внимание читателя на чем-то определённом, побудить к действию; вовлекающие вопросы, цель которых привлечь читателя, мотивировать его к чтению рекламного текста; предваряющие вопросы, цель которых имитировать диалогическую речь с экспертом в области туризма. Было выявлено, что направляющий вопрос – это самый частотный тип вопроса в рекламном нарративе о путешествиях. Это связано с тем, что цель рекламного текста – побуждение к определенным действиям.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения прагматических аспектов вопросительных предложений в англоязычном рекламном туристическом нарративе.

Ключевые слова: прагматика; вопросительное предложение; речевой акт; рекламный нарратив; полиинтенциональность

Для цитирования. Гаврикова Ю.С., Голукович А.Е., Трущинская А.С. Прагматические аспекты вопроса в англоязычном рекламном туристическом нарративе // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 106-118. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-106-118

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

PRAGMATIC ASPECTS OF THE QUESTION IN THE ENGLISH ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Yu.S. Gavrikova, A.E. Golukovich, A.S. Trushinskaya

The article analyzes interrogative sentences in the English advertising tourist narrative. The study is relevant due to the fact that the interrogative sentence has a significant speech potential. This is a reason

for opportunities of research. The purpose of the work is to classify interrogative sentences in English advertising texts on the topic of travel, using certain criteria. The use of interrogative sentences is one of the syntactic distinguishing features of English advertising texts. Interrogative sentences intrigue potential buyers, draw their attention to the advertised product or service. The novelty of the study lies in the fact that the question is not studied as a statement taken out of context, on the contrary, the target orientation of interrogative sentences is analyzed. The article reveals the communicative intentions of the questions in the analyzed narrative, and also identifies the types of questions in terms of the communicative intention they carry out. The questions are also compared by the frequency of use in the travel advertising narrative.

Materials and methods. *136 questions were selected by the method of continuous sampling from English-language sites devoted to advertisements for travelling. The contextual method, the method of continuous sampling, distributive, pragmatic and quantitative methods were used in the analysis.*

Results. *The results of the study showed that the communicative intentions of the questions in the English-language advertising narrative differ from the questions used in dialogic speech. The analysis of communicative intentions made it possible to distinguish three types of questions. They are guiding questions, the purpose of which is to focus the reader's attention on something special, to encourage some actions; involving questions, the purpose of which is to attract the reader, to motivate them to read the advertisement; preliminary questions, the purpose of which is to simulate a dialogic speech with an expert in the field of tourism. The guiding question is the most frequent type of question in travel advertising narrative. This is due to the fact that the purpose of the advertisement is to encourage certain actions.*

Practical implications. *The results can be used in further studies of the pragmatic aspects of interrogative sentences in the English-language advertising narrative.*

Keywords: *pragmatics; interrogative sentence; speech act; advertising narrative; polyintentionality*

For citation. Gavrikova Yu.S., Golukovich A.E., Trushinskaya A.S. *Pragmatic Aspects of the Question in the English Advertising Tourist Narrative. Sovremennye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 106-118. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-106-118

Введение

Целью данного исследования является выявление особых функций вопросительных предложений, описание их прагматического потенциала и коммуникативных смыслов, реализуемых в англоязычном рекламном туристическом нарративе.

Актуальность

Нивелируемое интеррогативное значение вопросительных предложений, их особая смысловая наполненность и прагматическая многозначность в англоязычном рекламном туристическом нарративе обуславливают **актуальность** данного исследования и необходимость выявления особых коммуникативных смыслов, присущих вопросительному предложению в данном типе текста.

Вопрос как форма, фиксирующая то, что подлежит выяснению, как содержательная категория характеризуется широким диапазоном употребления и обладает большим функциональным потенциалом. Интеррогативное значение вопроса закреплено в языке за структурными типами, характеризующимися определенными формально-грамматическими элементами, а именно вопросительными предложениями [6, с. 500]. В зависимости от конкретных параметров коммуникации вопросительное предложение может приобретать иные значения и интерпретации.

В литературе по прагмалингвистике указывается, что вопросительное предложение, основное значение которого запрос информации, свидетельствует о наличии у адресанта информационного пробела и необходимости заполнения данной информационной лакуны, предполагает побуждение адресата ответить на обращение адресанта, а также наличие у адресата необходимой инфор-

мации (потенциальной способности предоставить ответ) [8, с. 10; 9, р. 66].

В зависимости от коммуникативного контекста вопросительное предложение может приобретать косвенные коммуникативные смыслы, соотносимые с экстралингвистическими, деятельностными целями общения, например, установлением характера поведенческой реакции адресата, проверкой наличия запрашиваемой у адресата информации, выявлением отношения/оценки адресата/ адресатом к обсуждаемой проблеме [2, с. 176-177]. Или, например, особый тип английского вопроса – разделительный вопрос – может выражать сомнение, предположение, требовать подтверждения или отрицания высказанной в вопросе мысли, приглашать к согласию и одновременно допускать несогласие, признавая тем самым возможные различия во взглядах собеседников [7]. При наличии косвенных коммуникативных смыслов при реализации вопроса можно говорить об иллокутивном синкретизме или прагматической многозначности [3, с. 51-53].

Рекламный туристический нарратив отражает и создает некую реальность, убеждая потенциального реципиента в том, что создаваемый в тексте образ идеального путешествия является не только самым желанным, но и возможным, доступным для потенциального покупателя. Англоязычный туристический нарратив представляет собой определенный тип текста, включенный в процесс персуазивной коммуникации, и вербализующий попытку воздействия на реципиента с целью убеждения его действовать в интересах рекламодателя. Для достижения желаемого эффекта в англоязычных текстах такого типа используются разные языковые средства [4; 5], в частности, вопросительное предложение, чье основное назначение – «выяснение неизвестного, осуществление запроса информации нивелируется, благодаря чему вопрос приобретает иную смысловую наполненность, не применимую вне рекламного контекста» [1, с. 28].

Таким образом, вопросительное предложение в англоязычном туристическом нарративе характеризуется семантической многоплановостью и обладает высокой степенью прагматического потенциала.

Материалы и методы

Практическим материалом данного исследования послужили 136 вопросительных предложения из англоязычных рекламных нарративов о путешествиях, выбранных методом сплошной направленной выборки из интернет-версий газет The Guardian [10] и The Times [11], туристических сайтов [12; 13].

Результаты и обсуждение

В нашей работе мы исходим из предположения о том, что вопросы в рекламном нарративе о путешествиях имеют определенную специфику в плане выполняемых ими функций в тексте. Целью данной работы является выявление данной специфики в плане выполняемого вопросами коммуникативного намерения и их полиинтенциональности.

Методом сплошной направленной выборки нами были отобраны 136 вопросов различных типов из рекламных нарративов о путешествиях. Источником выборки послужили следующие ресурсы: интернет-версий газет The Guardian [10] и The Times [11], туристических сайтов [12; 13].

Среди корпуса примеров нами были выделены три основные группы вопросов согласно критерию выполняемой ими коммуникативной функции, а именно: направляющие вопросы, вовлекающие вопросы и предваряющие вопросы.

В следующей таблице можно ознакомиться с количественными данными и примерами по каждому типу вопроса.

Таблица 1.

Типы вопросов в рекламном нарративе о путешествиях

Тип вопроса	Кол-во	Примеры
Направляющий	61	If you are looking for the best place in Cardiff to hold your meeting, exhibition, student ball, wedding or conference, then where better than an iconic Welsh landmark in the heart of the capital? [10].
Вовлекающий	42	Want to know more? Head to VisitCardiff for insider tips and travel inspiration [11].
Предваряющий	33	Live in Nottingham? We encourage everyone to walk or cycle to the park rather than coming by car, where possible, as this helps the environment and reduces traffic on roads [12].

Как можно видеть из таблицы, самым частотным видом вопроса является направляющий вопрос (61 пример). На втором месте находится вовлекающий вопрос (42 примера). Наименее частотным типом вопроса нашей выборки является предваряющий вопрос (33 примера). Подобное распределение частотности, вероятно, связано с особенностями выполняемых каждым типом вопроса функциями.

Основная цель любого рекламного нарратива – побудить потенциального покупателя (в данном случае потенциального туриста) к определённым действиям. В случае с рекламным нарративом в сфере путешествий – побудить читателя отправиться в путешествие. Данная особенность исследуемого типа текста и обуславливает наибольшую частотность **направляющего** вопроса, чьей целью является не запрос информации, а манипуляция вниманием читателя в определённом направлении и в конечном итоге побуждение его к определённому действию. Данный тип вопроса является наиболее широко представленным и предполагает потенциальное деление на подгруппы. Далее представлены примеры направляющих вопросов и прокомментированы особенности реализации функции для каждого из них.

Рассмотрим в данной связи следующий пример: *We've only got one life, haven't we? "Who wants to spend that life in an office working for someone else – or, for that matter, frying chips?"* [11]. Функция данного вопроса в рекламном нарративе о путешествиях заключается в том, чтобы убедить читателя задуматься о жизни и ее ценности, а также о том, как она проводится. Вопрос приводит к тому, что человек задумывается о том, хочет ли он потратить свою жизнь на работу, которая ему не приносит удовлетворения, или наслаждаться путешествиями и новыми приключениями. Таким образом, это обращение к чувству свободы и желанию иметь больше свободного времени для важных вещей в жизни, что в конечном итоге может привести читателя к активным действиям, например, покупке билетов, планированию путешествия и т.п. Таким образом, направляющий вопрос способствует побуждению читателя к определённому виду действиям.

Немаловажным аспектом текстов рекламного характера является их привлекательность. Текст сможет достичь своей цели только в случае, если он сможет привлечь внимание читателя и вызвать в нем интерес к дальнейшему чтению. Для выполнения данной функции используются **вовлекающие** вопросы. Вовлекающие вопросы заставляют читателя обратить внимание на тот или иной рекламный нарратив и прочитать его до конца. Роль вовлекающего вопроса – привлечь читателя, побудить его к началу или продолжению самого акта чтения текста. Рассмотрим следующий пример: *Looking for a holiday with a difference? Browse Guardian Holidays to find a range of fantastic trips* [11].

Вопрос «Looking for a holiday with a difference?» направлен на привлечение внимания читателя и призван вызвать его любопытство и желание узнать, чем предлагаемое в статье путешествие отличается от других. Данный вопрос также стимулирует читателя перейти к чтению описания путешествий на Guardian Holidays, чтобы узнать больше о том, какие интересные поездки доступны. Он вызывает у читателя желание прочитать, а также дает представление о том, что предстоит интересное и необычное путешествие, что еще больше привлекает и заинтересовывает аудиторию.

Переходя к третьему виду вопроса, следует отметить, что типично вопрос является характерным атрибутом диалогической коммуникации, которая предполагает наличие как минимум двух участников общения. В рассматриваемом нами типе текстов такой режим коммуникации невозможен. Для того, чтобы компенсировать данный пробел, **предваряющие** вопросы имитируют запрос информации одним участником общения при наличии последующего ответа, который фактически дается автором вопроса. Рассмотрим следующий пример: *'Is it sensible, safe or even good taste to visit Turkey now? 'A local guide offers advice.* Данный предваряющий вопрос играет важную роль в начале статьи, поскольку он звучит как вопрос, заданный настоящим собеседником, что создает иллюзию реального диалога и участия в нем. Кроме того, он предваряет важную информацию о том, насколько безопасно и разумно посещать

Турцию в настоящее время, что может заинтересовать читателей и привлечь их внимание. И, наконец, вопрос помогает имитировать вступление в диалогическое общение с местным экспертом, который предлагает ценные советы и рекомендации. Таким образом, использование предваряющего вопроса помогает автору создать ощущение реального диалога и вызвать интерес читателя.

Подводя итог проведенному исследованию специфики использования вопросов в рекламном нарративе о путешествиях с точки зрения выполняемого ими коммуникативного намерения и их полиинтенциональности, можно сделать определенные выводы. Во-первых, в ходе исследования было выявлено, что коммуникативные намерения, выполняемые вопросами именно в данном виде текстов, отличаются от типичных коммуникативных намерений, характерных для вопросов в других видах текстов, поскольку вопрос, как правило, является атрибутом диалогической коммуникации. Во-вторых, были определены три типа вопросов в рекламном нарративе с точки зрения выполняемого ими коммуникативного намерения, а именно: направляющие, вовлекающие и предваряющие вопросы. И, наконец, был выявлен наиболее частотный тип вопроса в рекламном нарративе о путешествиях, а именно направляющий вопрос. Высокая частотность данного типа вопроса объясняется основной целью рекламного текста как такового, которая заключается в побуждении читателя к выполнению действия, связанного с покупкой товара или услуги.

Список литературы

1. Вальтер Н.В. Вопрос в рекламном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 2. С. 27-29.
2. Голукович А.Е., Антонова Л.А. Реализация условий успешности речевого акта вопроса в интеррогативном англоязычном дискурсе (на примере разновидностей институционального дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 7. С. 175-180.
3. Жуманов В.И. Типы прагматической многозначности вопросительных предложений фразеологической структуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20(274). С. 51-54.

4. Мощева С.В. Способы достижения экспрессивности в рекламном тексте: языковые и неязыковые выразительные средства. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2008. 108 с.
5. Попова Л.Г. Лингвистические средства убеждения в англоязычной социальной рекламе (на материале британской видеорекламы) // Гуманитарные и юридические исследования: электронный журнал, 2015. № 4. URL: <https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/772/772> (дата обращения: 15.04.2023)
6. Путина О.Н. Вопрос: предложение, высказывание, речевой акт // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6. С. 499-501.
7. Халитова Л.К. Семантика и прагматика русских контактоустанавливающих частиц и английского разделительного вопроса: сравнительно-сопоставительный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: электронный журнал, 2012. № 5. URL: <https://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid254/pg0/> (дата обращения: 15.04.2023)
8. Цурикова Л.В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992. 24 с.
9. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969, 203 p.
10. Lonely Planet: туристический сайт. URL: <https://www.lonelyplanet.com/> (дата обращения: 10.04.2023)
11. The Guardian: новостное издание. URL: <https://www.theguardian.com/uk/travel> (дата обращения: 13.04.2023)
12. The Times: новостное издание. URL: <https://www.thetimes.co.uk/travel/> (дата обращения: 13.04.2023)
13. Visit Britain: туристический сайт. URL: <https://www.visitbritain.com> (дата обращения: 10.04.2023)
14. Traveller: туристический сайт. URL: <https://www.entraveller.com/article/best-places-to-go-on-holiday> (дата обращения: 10.04.2023)
15. Love Exploring: туристический сайт. URL: <https://www.loveexploring.com/gallerylist/72078/top-british-tourist-attractions> (дата обращения: 10.04.2023)

References

1. Walter N.V. Vopros v reklamnom tekste [The Question in Advertising Texts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Voronezh State University], 2016, no. 2, pp. 27-29.
2. Golukovich A.E., Antonova L.A. Realizacija uslovij uspešnosti rechevogo akta voprosa v interrogativnom anglojazychnom diskurse (na primere raznovidnostej institucional'nogo diskursa) [Implementation of the Conditions of Success for the Speech Act of a Question in Interrogative English Discourse (on the Example of Types of Institutional Discourse)]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice Issues], 2019, no. 7, pp. 175-180.
3. Zhumanov V.I. Tipy pragmatičeskoj mnogoznachnosti voprositel'nyh predloženij frazeologičeskoj struktury [Types of Pragmatic Ambiguity of Phraseological Structure Interrogative Sentences]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 20(274), pp. 51-54.
4. Moscheva S.V. *Sposoby dostizhenija jekspressivnosti v reklamnom tekste: jazykovye i nejazykovye vyrazitel'nye sredstva* [Means of Achieving Expressiveness in Advertising Texts: Linguistic and Non-Linguistic Expressive Means]. Ivanovo: Ivanovo State Chemical-Technological University, 2008, 108 p.
5. Popova L.G. Lingvističeskie sredstva ubezhdenija v anglojazyčnoj social'noj reklame (na materiale britanskoj videoreklamy) [Linguistic Means of Persuasion in English Social Advertising (Based on British Video Advertising)]. *Gumanitarnye i juridičeskie issledovanija* [Humanities and Legal Studies], 2015, no. 4. URL: <https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/772/772> (accessed April 15, 2023)
6. Putina O.N. Vopros: predloženie, vyskazyvanie, rechevoj akt [Question: Sentence, Utterance, Speech Act]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Science, Culture, Education], 2018, no. 6, pp. 499-501.
7. Khalitova L.K. Semantika i pragmatika russkih kontaktoustanavlivajushih chastic i anglijskogo razdelitel'nogo voprosa: sravnitel'no-sopostavitel'nyj aspekt [Semantics and Pragmatics of Russian Contact-Initiating Particles and English Tag Questions: Comparative-Contrastive

- Aspect]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences: Electronic Journal], 2012, no. 5. URL: <https://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid254/pg0/> (accessed April 15, 2023)
8. Tsurikova L.V. *Vopros i pragmaticeskij diapazon voprositel'nogo predlozhenija* [Question and the Pragmatic Range of the Interrogative Sentence]. Abstract of PhD dissertation. Voronezh, 1992, 24 p.
  9. Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969, 203 p.
  10. *Lonely Planet*. URL: <https://www.lonelyplanet.com/> (accessed April 10, 2023)
  11. *The Guardian: News Website*. URL: <https://www.theguardian.com/uk/travel> (accessed April 13, 2023)
  12. *The Times*. URL: <https://www.thetimes.co.uk/travel/> (accessed April 13, 2023)
  13. *Visit Britain*. URL: <https://www.visitbritain.com> (accessed April 10, 2023)
  14. *Traveller*. URL: <https://www.cntraveller.com/article/best-places-to-go-on-holiday> (accessed April 10, 2023)
  15. *Love Exploring*. URL: <https://www.loveexploring.com/gallery-list/72078/top-british-tourist-attractions> (accessed April 10, 2023)

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Гаврикова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация
ykanshina@yandex.ru

Голукович Алла Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация
aallaavr@inbox.ru

Трущинская Александра Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация
intech.20@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yuliya S. Gavrikova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages
Voronezh State Pedagogical University
86, Lenin Str., Voronezh, 394043, Russian Federation
ykanshina@yandex.ru
SPIN-code: 4164-6690
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8526-1629>

Alla E. Golukovich, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages
Voronezh State Pedagogical University
86, Lenin Str., Voronezh, 394043, Russian Federation
aallaavrn@inbox.ru
SPIN-code: 4233-5970

Alexandra S. Trushchinskaya, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages
Voronezh State Pedagogical University
86, Lenin Str., Voronezh, 394043, Russian Federation
intech.20@yandex.ru
SPIN-code: 7082-7631

Поступила 28.04.2023

После рецензирования 18.05.2023

Принята 24.05.2023

Received 28.04.2023

Revised 18.05.2023

Accepted 24.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-119-134
УДК 1751

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

А.Е. Воробьева, А.Н. Доборович, Е.В. Кузнецова

Обоснование. *Электронная деловая корреспонденция является многогранным объектом исследования, поскольку функционирует в специфичной компьютерно-опосредованной среде, находящейся в постоянной динамике. В этой связи возникает целесообразность развивать изучение данного лингвистического феномена на стыке смежных научных парадигм. Человеческое общество продолжает развиваться и усложняться, что непосредственным образом влияет на язык, который общество использует как один из своих кодов. Ввиду усовершенствования информационных технологий в современной электронной деловой интеракции регистрируются изменения типового лексического наполнения, типичных фразовых штампов, характерных для официально-делового функционального стиля, а также особенностей построения синтаксических конструкций. Учитывая тот факт, что электронная деловая корреспонденция определяет социальную и культурную специфику современного мирового сообщества в области бизнеса и менеджмента, представляется актуальным изучить данную форму речи с позиций эколлингвистики.*

Цель. *В статье анализируются лингвистические и стилеобразующие характеристики современных электронных официально-деловых текстов с точки зрения лингвоэкологической нормы, а также исследуется уровень языковой дигрессии в жанре электронной деловой корреспонденции.*

Материалы и методы. Эмпирическую базу для исследования составил корпус из 70 единиц международной электронной деловой переписки на английском языке, предоставленных одной из коммерческих организаций г. Белгорода. В ходе исследования применялся функционально-динамический подход к объекту, методы сопоставительного, стилистического, прагмалингвистического анализа, а также метод свободного ассоциативного эксперимента.

Результаты исследования. Результаты исследования показали, что компьютерно-опосредованная среда оказывает непосредственное влияние на лингвистические, структурные и стилеобразующие характеристики официально-деловых электронных текстов, которые в этой среде функционируют.

Выводы. Современные официально-деловые электронные тексты маркированы специфичными функциональными характеристиками; отмечается их стилевое варьирование и языковая дигрессия.

Ключевые слова: эколлингвистика; лингвоэкология; лингвоэмиссия; лингводигрессия; лингвогомеостаз; электронная деловая корреспонденция

Для цитирования. Воробьева А.Е., Доборович А.Н., Кузнецова Е.В. Эколлингвистический подход к изучению современной электронной деловой корреспонденции // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 119-134. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-119-134

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

ECOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF MODERN ELECTRONIC BUSINESS COMMUNICATION

A.E. Vorobyova, A.N. Doborovich, E.V. Kuznetsova

Background. Electronic business communication is a complex and multifaceted subject for scientific research, since it operates in a specific computer-mediated environment that is characterized by dynamic

development. In this regard, there is a need to develop the study of this linguistic phenomenon at the nexus of various scientific paradigms. Human society is continuously evolving and becoming more complex, which directly affects the language that society uses as one of its codes. Due to the improvement of information technologies in modern electronic business interaction, we can register significant changes in the lexical content, clichés typical of the officialese, and features of syntactic constructions. Considering the fact that electronic business communication determines the social and cultural specifics of the modern world business community, it seems relevant to study this form of speech from the ecolinguistic perspective.

Purpose. *The article deals with the linguistic and style-forming characteristics of modern electronic official business texts from the point of view of the linguo-ecological norm, and also examines the level of language digression in the genre of business e-mails.*

Materials and methods. *The empiric material for the study is represented by a corpus of 70 units of international business e-mails in English, provided by one of the commercial organizations in Belgorod. In the course of the research, a functional-dynamic approach to the object, methods of comparative, stylistic, pragmalinguistic analysis, as well as the method of free associative experiment were applied.*

Results. *The results of the study proved that the computer-mediated environment has a direct impact on the linguistic, structural and style-forming characteristics of official business electronic texts that function in this environment.*

Conclusion. *Business e-mails are marked by certain functional characteristics, stylistic variation and linguistic digression.*

Keywords: *ecolinguistics; linguistic ecology; linguistic emission; linguistic digression; linguistic homeostasis; electronic business communication*

For citation. *Vorobyova A.E., Dobrovich A.N., Kuznetsova E.V. Ecolinguistic Approach to the Study of Modern Electronic Business Communication. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 119-134. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-119-134*

Введение

Лингвоэкология (эколингвистика) является междисциплинарной отраслью лингвистики и смежных отраслей знания, зарегистрированных в истории языкознания в качестве персонифицированной теории соответствующих наук [6]. Несмотря на различные научные подходы к интерпретации лингвоэкологии как науки, наиболее релевантным для нашего исследования представляется определение, сформулированное Н.Н. Кислицыной, которая определяет эколингвистику как раздел языкознания, сформировавшийся на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике [4]. Интернет-среда глубоко воздействует на жанр деловой корреспонденции и его внутренние законы, формируя при этом новые коммуникативные практики. Этим определяется актуальность исследования модификации лингвистических характеристик современных электронных деловых текстов и стилового варьирования форм в пределах жанра.

Стоит отметить, что, несмотря на существующие научные разработки в изучении лингвоэкологии как относительно нового направления в языкознании (Fill, 2001; Naugen, 2001; Фомина, 2011; Карасик, 2013; Пылаева, 2014; Брусенская, Куликова, 2018; Трошина, 2020) и отдельно жанра компьютерно-опосредованной деловой коммуникации (Капанадзе, 2001; Roddick, 2003; Trask, 2005; Вишнякова, 2007; Щипицина, 2009; Ковшикова, 2010; Воробьева, 2012; Абрамов, 2012; Кожеко, 2015; Nicolau, Alsati, Hertanu, 2017), эколингвистические аспекты электронных деловых текстов остаются малоизученными.

Цель

Выявление и анализ лексических, синтаксических и стиливых особенностей электронной деловой корреспонденции с точки зрения стилистической нормы и идеи гармоничного функционирова-

ния языка. Предметом изучения являются специфически маркированные лингвистические и экстралингвистические характеристики официально-деловых электронных текстов.

Задачи исследования:

- описать лексические, синтаксические и стилистические особенности современных англоязычных электронных деловых текстов;
- исследовать влияние компьютерно-опосредованной среды на лингвистические, структурные и стилеобразующие характеристики современной электронной деловой корреспонденции;
- определить уровень состояния языка и культуры общения в электронной деловой практике с учетом изменяющихся экстралингвистических факторов.

Материалы и методы

Исследование предполагает функционально-динамический подход к объекту – текстам современной электронной коммерческой корреспонденции, применение сопоставительного, стилистического, прагмалингвистического анализа, а также метода свободного ассоциативного эксперимента. Материал исследования представлен корпусом международной переписки одной из коммерческих организаций г. Белгорода.

Результаты исследования и их обсуждение

Мы полагаем, что современные электронные деловые тексты маркированы дифференциальными функциональными признаками; в жанре электронной деловой корреспонденции формируется своеобразный метаязык: регистрируется смещение от традиционной письменной формы в плане выбора языковых средств в сторону разговорной речи.

На лексическом уровне в примерах из корпуса фактического материала отмечаются такие типологические особенности, как:

1) использование аббревиации и акронимии (*pls (please) kindly inform our manager; let me know asap (as soon as possible); yr*

(your) collaborators; within our **dept** (department); **B2B** (business to business); **inc** (including) the terms of our contract; **NB** (Please note); **ATB** (All the best); **NRN** (no response necessary); we'll arrange **bkgs** (bookings); **art 3** (Article) of the contract For the **att** (attention) of the Managing Director; **that's ok!**; **acpt** (accept) our apology; we have **immy** (immediately) replied by fax; company **reps** (representatives)).

Активизация сокращенных лексических единиц в современной электронной деловой интеракции обусловлена экстралингвистическими факторами: быстрым темпом развития телекоммуникационных возможностей, стремлением к экономии времени и места при написании слов и передаче более четкой информации без лексической избыточности, психофизиологическими особенностями человека (чем проще речь, тем она понятнее). Инициализмы (интегральный термин для обозначения аббревиатур и акронимов) способны заменять целые фразы, формируя тем самым своеобразный метаязык электронной деловой коммуникации. Однако подобная языковая экономия в электронном деловом дискурсе оценивается лингвистами весьма неоднозначно. Эксперты допускают использование акронимов с целью упростить написание деловых текстов, но при этом рекомендуют при первом упоминании написать их полностью, а затем прописать аббревиатуру в скобках: «Acronyms are intended to make business writing easier... The idea is to make the subject easier to refer to and easier to remember. When you use abbreviations and acronyms, write them in full at the first mention, then follow with the abbreviation in brackets ...» [14, p. 102]. Стоит отметить, что чрезмерное употребление инициализмов может, наоборот, создать трудности для адресата в процессе декодирования сообщения, т.к., во-первых, далеко не все сокращения являются общепринятыми, а во-вторых, одна и та же аббревиатура может иметь несколько значений. Кроме того, активное использование аббревиации может быть расценено реципиентом как непрофессиональное речевое поведение: «... note that overly casual abbreviations in writing ... can annoy readers. They can find this sloppy, unprofessional and discourteous» [Там же, p. 103].

2) модификация клише и стандартных оборотов (*Dear Alexander* вместо *Dear Sir / Mr. X*; *Regards* вместо *Yours faithfully / sincerely*; *If you have any questions give me a call* вместо *Should you have any questions, please contact me*; *Do you remember we talked about ...* вместо *Following our conversation ...*; *I wanted to ask you ...* вместо *I am writing to you regarding ...*; *Could you help me with ...* вместо *I was wondering if you could possibly assist me with ...*; *Sorry to keep you waiting* вместо *We sincerely apologize for the delay*). В современных электронных деловых текстах четко прослеживается тенденция к снижению официальности, использованию нейтральных речевых клише и элементов разговорного стиля. Полагаем, что такая речевая стратегия может объясняться прагматическими намерениями сделать текст максимально понятным для восприятия реципиентом и приблизить тон общения к более дружескому, неформальному. Однако в исследованиях нет единого мнения на этот счет. Так, некоторые авторы настаивают на необходимости соответствия электронных деловых писем общепринятым стандартам: «... a sender should word business emails like business letters. Just because you're writing a message over email, this doesn't mean you should skip formalities» [15]. Другие исследователи предостерегают от использования высокопарных фраз в деловых письмах «... remember that for communication to be completed successfully, a sender must convey his or her message so that the receiver not only receives, but also understands, the message. If language is not used clearly and accurately, the communication process cannot be successfully completed» [12, p. 9] и отмечают явную бенефактивность их замены на более простые эквиваленты «Writing naturally, therefore, can be perceived as one of the good traits of successful writers. An ornately or artificially expanded statement can give false impressions and weaken the effect of the statement on the reader» [13, p. 15]. Тем не менее, общее мнение ученых таково, что современные электронные деловые письма стали менее формальными, чем их физические аналоги.

На синтаксическом уровне интегральным признаком современной электронной деловой корреспонденции становится ми-

нимизация сложных форм предложений. *Sorry to tell you, but our Europe schedule will be shorter. Many thanks for your visit to our company. Hope to have good news from you soon. The solution please find attached. Just back to work, now let's talk about the technical issue.* Сложные причастные и деепричастные обороты практически не регистрируются, т.к. они искусственно затрудняют процесс декодирования информации реципиентом. Кроме того, согласно деловому этикету (от англ. netiquette), архитектоника электронного письма должна предполагать для адресата возможность охватить взглядом все сообщение на экране своего устройства.

В контексте стилевых особенностей современной электронной деловой корреспонденции стоит отметить, что в текстах из корпуса фактического материала регистрируется активное использование выразительных средств, что призвано оказать дополнительное воздействие на эмоциональное состояние адресата для достижения успешной коммуникации. По нашим наблюдениям, рекуррентными стилистически маркированными элементами в анализируемых электронных деловых письмах являются:

- эпитеты (*I received your email with great pleasure; with harmonic collaboration; great solution; fantastic opportunity to work together; Your team has a genuine interest in ...; a wise choice; excellent quality; a pleasant visit; strong cooperation between our companies; a positive win-win partnership; We are already enjoying good support ...; to become a better organization; the first leader producer in Europe; increasing capacity; high priority; big success; unique techniques; best spirit of collaboration*);

- интенсификаторы (*It will never ever be possible; I'm still very surprised by the defect; We are very happy to have the opportunity ...; I feel very sorry about this delay; I want to thank you indeed; during all these years; We assure you, as always happened ...; We fully understand; We deeply apologize for that; I am deeply convinced that ...; we were very impressed with ...; We especially appreciated ...; Thank you for the opportunity, once again, to work together; we did note some opportunities for potential improvement; I do hope you'll find this*

offer interesting; to further strengthen the cooperation between our companies; I have enjoyed very much indeed ...; I thank you again for the trust and openness; would cost a lot more; it offers really higher performances than the traditional types; We do hope to have good news from you very soon; We all agree that ...; That makes the situation even worse);

- метафоры (*Our tools are designed to solve all problems; You can take benefit from this new logistical solution; our healthy growth is linked to yours; we seem to move one step backwards rather than forwards; businesses tend to perform poorly; to explore new career opportunities; good support covering safety aspects; Our machine is able to take care ...; The remedy please find attached; a bonus policy to reward Belgorod for ...; the trust placed in our company; we will check where the problem may come from; the inconvenience you met; In case the board shows no life sign; lost time injuries*).

Анализ примеров из корпуса эмпирического материала показал, что современные тексты электронной деловой корреспонденции отличаются от квазиаутентичных текстов, приводимых в качестве образцов авторами учебных пособий по электронной деловой переписке. Отмечается трансформация регламента стандартного языкового делового поведения. Меняется тональность деловой электронной переписки: официальность сводится к минимуму, превалирует лингвистическая демократизация с элементами разговорного стиля, общение приобретает форму кооперативного диалога (*Hello, I hope you are fine; How are you?; You say that ...; that's gonna increase their price considerably; Regards; Thanks for your cooperation; Sorry for inconvenience; that's ok! Let's talk about...*). Очевидно, эта тенденция обусловлена объективными требованиями времени, ритмом жизни, усовершенствованием технологий и способов коммуникации. Именно эти факторы детерминирует компьютерно-обусловленные явления в языке электронного делового взаимодействия.

С точки зрения языковой нормы, употребление нестандартной лексики, устно-разговорных элементов, инициализмов выходит за рамки официально-делового функционального стиля, в кото-

ром оперирует деловая корреспонденция. В лингвоэкологическом аспекте это можно рассматривать как языковую эмиссию, т.е. минус фактор, который способствует загрязнению речевой среды в пределах той или иной общественно-речевой практики. В этой связи закономерным является обращение к эколингвистике с целью исследования проблематики языковой среды и факторов, которые оказывают влияние на развитие языка электронной деловой корреспонденции и его речевую реализацию. В рамках данного исследования представляется важным определить, является ли смена парадигмы в электронном деловом взаимодействии языковой дигрессией и снижением уровня культуры делового общения или следует признать, что компьютерно-опосредованная деловая коммуникативная практика функционирует в особом лингвистическом пространстве, языковая специфика которого обусловлена экстралингвистическими факторами. Любой жанр – это онтологическая система, которая функционально отвечает развитию общества и языка. Интернет-среда трансформирует лингвистические характеристики деловой письменной коммуникации, подчиняя её своим внутренним законам. Виртуальный тип общения предполагает интерактивность, скорость, экономию средств и пространства. В этой связи одни исследователи заявляют о снижении электронной деловой культуры (Ковшикова, 1997; Костомаров, 1999; Peterson, Hohensee, and Xia, 2011, Warner, 2011; Pfeiffer, 2013), другие признают это объективным требованием времени (Mackie, 2010; Вишнякова, 2007; Воробьева, 2012).

Для оценки уровня современной электронной деловой корреспонденции с точки зрения лингвоэкологической нормы нами был проведен социологический опрос с применением метода свободного ассоциативного эксперимента. Респондентами выступили сотрудники различных структурных подразделений компании, предоставившей тексты электронной переписки для данного исследования. В опросе приняло участие 40 человек. В качестве стимульного материала использовались тексты приведенных в данном исследовании аутентичных электронных деловых писем

и квазиаутентичных деловых писем из учебного пособия (для чистоты эксперимента было взято только «тело» писем). Испытуемым предлагалось оценить письма с точки зрения нормы делового общения и эффективности восприятия информации. Результаты опроса показали, что 80% респондентов в аутентичных текстах отметили отклонение от стандарта делового письма, 10 % опрошенных заявили о несоответствии регламенту деловой переписки, 10% – не заметили особых отклонений. В контексте эффективности восприятия информации 90% респондентов отдали предпочтение аутентичной корреспонденции, отметив более простую и понятную форму представления информации («коротко и по существу», «без витиеватости и кривотолков»), 10% опрошенных выбрали квазиаутентичные тексты как наиболее эффективные в аспекте делового взаимодействия.

Заключение

Результатами исследования представляются выводы о том, что:

- 1) электронные деловые тексты маркированы специфичными лингвистическими, синтаксическими и стилеобразующими характеристиками;
- 2) формируются новые коммуникативные практики делового электронного взаимодействия;
- 3) с точки зрения воздействующего потенциала современная электронная корреспонденция признается более эффективной, т.к. процесс декодирования информации проходит быстрее за счет упрощения лексики и синтаксиса; стилистически маркированные элементы оказывают экспрессивное воздействие на адресата и способствуют тем самым реализации успешной коммуникации;
- 4) в современной электронной корреспонденции отмечается снижение уровня речевой деловой культуры ввиду активного использования разговорно-бытовых форм и сетевого сленга;
- 5) на наш взгляд, регистрируемые в жанре электронной деловой корреспонденции трансформации не стоит расценивать как признак некомпетентности адресанта в ведении деловой переписки

или проявление небрежности, неуважения к адресату, это, скорее, естественная динамика речевой среды, в которой реализуется электронное деловое взаимодействие под влиянием внутренних законов общения посредством сети Интернет;

б) перспективой дальнейших исследований в сфере электронной деловой корреспонденции может выступать лингвогомеостаз, т.е. выработка средств для построения профессионально и этически корректного высказывания, которое не нарушает нормы жанра и способствует поддержанию равновесия языка делового общения в меняющихся экстралингвистических условиях.

Список литературы

1. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика: монография. М.: Флинта; наука, 2018. 184 с.
2. Вишнякова Е.А. Электронное письмо в составе сетевого текста на английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 180 с.
3. Воробьева А.Е. Структурно-функциональные характеристики текстов электронной деловой корреспонденции (на материале английского и немецкого языков): Дис. ... канд. фил. наук. Белгород, 2012. 180 с.
4. Кислицына Н.Н. Эколингвистика – новое направление в языкознании // Культура народов Причерноморья. 2003. С. 42-45.
5. Ковшикова Е.В. Тенденции развития делового письма в условиях автоматизации информационно-коммуникационных процессов современных организаций // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы междунар. науч. конф., Волгоград, 12-14 апр. 2010 г. URL: <http://lingva.volsu.ru/doc/conf/sbornik-12-14-april-2010.pdf> (дата обращения: 20.04.2021)
6. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-atributy-lingvoekologii-kak-avtonomnoy-mezhdistsiplinarnoy-otrasli-yazykoznaneya> (дата обращения: 17.11. 2022)
7. Dwyer J., Hopwood N. The Business Communication Handbook, 11th ed. AU, 2019, 816 p.

8. Mackie S. Why email won't die. 2010. URL: <http://gigaom.com/2010/11/12/why-email-wont-die/> (дата обращения: 01.11.2021).
9. Nicolau C., Alsati K., Herțanu A. Using Business Etiquette Nowadays. Qualitative Research on Business Phoning, Emailing and Meetings. "Ovidius" University Annals, Economic Sciences Series, 2017, vol. XVII, no 2, pp. 444-448. URL: <https://stec.univ-ovidius.ro/html/anale/RO/2017-2/Section%20IV/18.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
10. Peterson K., Matt H., Fei Xia. Email formality in the workplace: A case study on the Enron corpus. *Proceedings of the Workshop on Languages in Social Media*. Portland, OR: Association for Computational Linguistics, 2011, pp 86-95.
11. Pfeffer K. The case for correspondence, 2013. URL: <https://madedclose.com/articles/the-case-for-correspondence> (дата обращения: 12.05.2021).
12. Seglin J.L., Coleman E. The AMA handbook of business letters, 4th ed. USA, 2012, 480 p.
13. Shiyab S.M., Halimi S. Writing business letters across languages: a guide to writing clear and concise business letters for translation purposes. Cambridge, 2015, 160 p.
14. Talbot F. How to write effective business English: the essential toolkit for composing powerful letters, emails and more, for today's business needs, 1st ed. London, 2009, 153 p.
15. Warner M. From business letters to business emails. URL: <https://voices.yahoo.com/from-businessletters-business-emails10426301.html> (дата обращения: 15.05.2021).

References

1. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. *Ekologicheskaya lingvistika* [Ecological linguistics]. Monograph. Moscow: Flinta Publ.; Nauka, 2018, 184 p.
2. Vishnyakova E. A. *Elektronnoe pis'mo v sostave setevogo teksta na angliyskom yazyke*: [E-mail as part of a network text in English]. PhD dissertation. Moscow, 2007, 180 p.
3. Vorob'eva A.E. *Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki tekstov elektronnoy delovoy korrespondentsii (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Structural and functional characteristics of texts of elec-

- tronic business correspondence (on the material of English and German languages)]. PhD dissertation. Belgorod, 2012, 180 p.
4. Kislitsyna N.N. Ekolingvistika – novoe napravlenie v yazykoznanii [Ecology as a new direction in linguistics]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea], 2003, pp. 42-45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32590888> (accessed November 17, 2022)
  5. Kovshikova E.V. Tendentsii razvitiya delovogo pis'ma v usloviyakh avtomatizatsii informatsionno-kommunikatsionnykh protsessov sovremennykh organizatsiy [Trends in the development of business writing in the context of automation of information and communication processes of modern organizations]. *Integratsionnye protsessy v kommunikativnom prostranstve regionov* [Integration Processes in the Regional Communicative Space]. Volgograd, 2010. URL: <http://lingva.volsu.ru/doc/conf/sbornik-12-14-april-2010.pdf> (accessed April 20, 2021)
  6. Korovushkin V.P. Osnovnye atributy lingvoekologii kak avtonomnoj mezhdisciplinarnoy otrasli yazykoznanija [The main attributes of linguistic ecology as an autonomous interdisciplinary branch of linguistics]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2011, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-atributy-lingvoekologii-kak-avtonomnoy-mezhdistsiplinarnoy-otrasli-yazykoznanija> (accessed November 17, 2022).
  7. Dwyer J., Hopwood N. *The Business Communication Handbook*. 11th ed. Cengage AU, 2019, 816 p.
  8. Mackie S. *Why email won't die*. URL: <http://gigaom.com/2010/11/12/why-email-wont-die/> (accessed 01 November, 2021).
  9. Nicolau C., Alsati K., Herțanu A. Using Business Etiquette Nowadays. Qualitative Research on Business Phoning, Emailing and Meetings. "Ovidius" University Annals, Economic Sciences Series, 2017, Volume XVII, no 2, pp. 444-448. URL: <https://stec.univ-ovidius.ro/html/anale/RO/2017-2/Section%20IV/18.pdf> (accessed February 21, 2023).
  10. Peterson K., Matt H., Fei Xia. Email formality in the workplace: A case study on the Enron corpus. *Proceedings of the Workshop on Languages in Social Media*. Portland, OR: Association for Computational Linguistics, 2011, pp 86-95.

11. Pfeffer K. *The case for correspondence*, 2013. URL: <https://madedclose.com/articles/the-case-for-correspondence> (accessed May 12, 2021).
12. Seglin J.L., Coleman E. *The AMA handbook of business letters*. 4th ed. USA, 2012, 480 p.
13. Shiyab S. M., Halimi S. *Writing business letters across languages: a guide to writing clear and concise business letters for translation purposes*. Cambridge, 2015, 160 p.
14. Talbot F. *How to write effective business English: the essential toolkit for composing powerful letters, emails and more, for today's business needs*. 1st ed. London, 2009, 153 p.
15. Warner M. *From business letters to business emails*. 2011. URL: <https://voices.yahoo.com/from-businessletters-business-emails0426301.html> (accessed May 15, 2021).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Воробьева Анна Евгеньевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
*Белгородский национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vorobyova@bsu.edu.ru*

Доборович Анна Николаевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
*Белгородский национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
doborovich@bsu.edu.ru*

Кузнецова Елена Витальевна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский национальный исследовательский университет

*ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
kuznetsova_elena@bsu.edu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna E. Vorobyova, Assistant Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor

Belgorod State University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation

vorobyova@bsu.edu.ru

SPIN-code: 3951-1224

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0578>

Researcher ID: 0000-0002-0348-0578

Scopus Author ID: 56921937100

Anna N. Doborovich, Assistant Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor

Belgorod State University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation

doborovich@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7546-8447>

ResearcherID: ABG-6892-2020

Scopus Author ID: 56872879500

Elena V. Kuznetsova, Teaching Assistant

Belgorod State University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation

kuznetsova_elena@bsu.edu.ru

Поступила 28.04.2023

После рецензирования 05.05.2023

Принята 10.05.2023

Received 28.04.2023

Revised 05.05.2023

Accepted 10.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-135-150
УДК 811.112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д.М. Костина, Е.Н. Сидорова, Е.Н. Ширлина

Статья посвящена рассмотрению основных подходов к изучению австрийского варианта немецкого языка как средства устной и письменной коммуникации в академическом дискурсе. В центре внимания авторов работы находятся лексические и прагматические особенности австрийского варианта немецкого языка, которые отличают его от языка академического общения в Германии.

Обоснование. *Несмотря на большое внимание, которое на сегодняшний день уделяется вариантам немецкого языка, особенности их функционирования в институциональных дискурсах по-прежнему недостаточно изучены, что может приводить к ошибкам в межъязыковой коммуникации и при переводе.*

Цель. *Проанализировать основные подходы и методы, используемые при изучении австрийского варианта немецкого языка в академическом дискурсе, а также выявить его основные особенности на лексическом и прагматическом уровнях, опираясь на результаты собственного исследования и работы австрийских лингвистов.*

Материалы и методы. *Для описания лексических и прагматических особенностей письменного академического дискурса были использованы методы сплошной выборки и лексикографического анализа.*

Результаты. *В результате работы описаны основные методы изучения австрийского варианта немецкого языка в академическом дискурсе (лексикографический, корпусный и социолингвистический), а также выявлены такие особенности австрийского варианта, как*

терминологические австрицизмы, латинизмы, гендерно-нейтральный язык, особенности обращения и использования учёных званий и внутреннее многоязычие.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего более глубокого изучения академического дискурса и других институциональных дискурсов, для дальнейшего анализа особенностей австрийского варианта немецкого языка, а также будут полезны переводчикам и участникам международных научных мероприятий и академических обменов.*

Ключевые слова: *плюрицентрический язык; австрийский вариант немецкого языка; академический дискурс; социолингвистика; внутреннее многоязычие*

Для цитирования. *Костина Д.М., Сидорова Е.Н., Ширлина Е.Н. Особенности австрийского варианта немецкого языка в академическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 135-150. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-135-150*

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

FEATURES OF THE AUSTRIAN VARIETY OF GERMAN IN ACADEMIC DISCOURSE

D.M. Kostina, E.N. Sidorova, E.N. Shirlina

The article deals with the main approaches to the study of the Austrian variant of the German language as a means of oral and written communication in the academic discourse. The authors focus on the lexical and pragmatic features of the Austrian variant of the German language that distinguish it from the language of the academic communication in Germany.

Background. *Though today much attention is given to the German variants, their functioning in institutional discourse haven't been explored enough yet, which can lead to errors in cross-lingual communication and translation.*

Purpose. *The aims of this paper are to analyze the main approaches and methods used in the study of the Austrian version of the German language in the academic discourse and to identify its main features on the lexical and pragmatic levels based on the results of the author's research and the works of Austrian linguists.*

Materials and methods. *The methods of continuous sampling and lexicographic analysis were used to describe the lexical and pragmatic features of the written academic discourse.*

Results. *The paper describes the main methods for studying the Austrian variant of the German language in the academic discourse (lexicographic method, corpus analysis and sociolinguistic method) and identifies such features of the Austrian variant as terminological austriacisms, Latin words, gender-fair language, peculiarities of address and use of academic titles as well as internal multilingualism.*

Practical implications. *The results of the study can be used for further, deeper study of academic discourse and other institutional discourses, for further analysis of the specific features of the Austrian variant of the German language, and will also be useful for translators and participants in international academic events and academic exchange.*

Keywords: *pluricentric language; Austrian variant of German; academic discourse; sociolinguistics; internal multilingualism*

For citation. *Kostina D.M., Sidorova E.N., Shirlina E.N. Features of the Austrian Variety of German in Academic Discourse. Sovremennye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 135-150. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-135-150*

Введение

Немецкий язык в Австрии представлен территориальными вариантами, которые используются в обиходно-разговорной речи, и литературным вариантом. Различия между австрийским вариантом немецкого языка и немецким языком в Германии проявляются не только в обиходном общении, но также в институциональных дискурсах, к которым относится и академический дискурс, представленный устной и письменной коммуникацией в рамках науч-

но-учебной деятельности в высшем учебном заведении. Изучение особенностей функционирования австрийского национального варианта немецкого языка именно в академическом дискурсе даёт возможность оставить за рамками исследования стратификационную вариативность (диалектизмы и просторечия) и сосредоточить своё внимание на речи образованных слоёв австрийского общества, для которых использование австрийского варианта немецкого языка является не показателем их социальной принадлежности, а важным элементом национальной и культурной самоидентификации.

Цель

Целью данной работы является анализ современных подходов к изучению академического дискурса, применяющихся в рамках исследований плюрицентрических языков, а также описание лексических и прагматических особенностей австрийского варианта немецкого языка, встречающихся в письменных научных текстах.

Актуальность

В условиях глобализации науки и образования углублённое изучение академического дискурса приобретает всё большее значение. Изучение зарубежного академического дискурса позволяет решить ряд важных теоретических и практических задач: описание принципов эффективной научной и педагогической коммуникации, помощь переводчикам, сталкивающимся в своей работе с терминологией, связанной с высшим образованием, а также обеспечение эффективной межкультурной коммуникации в сфере высшего образования и вузовской науки.

Методы исследования

Анализ современной литературы позволяет выделить несколько основных концепций и подходов, на основе которых можно исследовать австрийский академический дискурс:

1. Концепция полицентризма немецкого языка.
2. Концепция внутреннего многоязычия, согласно которой каждый национальный язык неоднороден и включает в себя различные

диалекты, социолекты и идиолекты. Таким образом, носители языка обладают широким спектром внутриязыковых возможностей и способны использовать его коммуникативный потенциал.

3. Гендерный подход. Несмотря на отсутствие исследований гендерных различий в академическом дискурсе, результаты социолингвистических исследований о связи между диалектом и гендером могут быть использованы при анализе внутреннего многоязычия в академическом дискурсе. В частности, результаты исследования, проведенного Ф. Маллига, показали, что женщины в возрасте от 20 до 40 лет используют меньше диалекта, чем мужчины, особенно в ситуациях профессионального общения, что может быть связано с особенностями гендерного воспитания, с особой ролью женщин в языковой социализации детей, а также с тем, что диалект традиционно считается в обществе мужским атрибутом [4].

Картина австрийского академического дискурса основана на данных, полученных с помощью различных методов, в частности:

1. Лексикографический метод, который позволяет провести количественный и качественный анализ специальной лексики, полноту её описания в различных лексикографических источниках (Р. Мур, Т. Виссик, Х. Маркхардт).

2. Сравнительный анализ с целью сопоставления фонетических, лексических, семантических, грамматических и прагматических особенностей языка академического общения в различных национальных языковых центрах (прежде всего в Германии и Австрии) (Р. Мур, Э. Маршун).

3. Методы анализа корпусной лингвистики, которые сегодня широко используются при изучении как национальных, так и региональных вариантов, стандарта и диалекта, для сбора, количественного, качественного и сравнительного анализа эмпирического материала: специальной лексики, а также различных фонетических и грамматических явлений (Ю. Рансмайр, Т. Виссик). Так, Т. Виссик провела свое исследование кодифицированной и некодифицированной лексики в трёх основных национальных центрах распространения немецкого языка на основе корпуса UNI-Korpus [10].

4. Социолингвистические методы (наблюдение, опрос, анкетирование, эксперимент) (“VAMUS”, Л. Краммер). В последние годы восприятие языка и отношение к нему, к его разновидностям или определенным языковым явлениям со стороны неспециалистов стало популярным объектом исследования в социолингвистике. Так, с 2014 по 2017 г. в Зальцбургском университете под руководством М. Даннерер и П. Маузера проводился проект “VAMUS” [9]. Проект был посвящен анализу внутреннего многоязычия в институциональном дискурсе «университетское образование». С помощью онлайн-опросников, интервью, а также аудио- и видеозаписей учёные проанализировали отношение к языку, оценку собственного коммуникативного поведения среди различных участников академического дискурса: студентов, преподавателей и сотрудников администрации. Кроме того, исследователи сравнили языковую политику университетов Зальцбурга, Инсбрука, Вены и Больцано на основе университетской документации.

Результаты

Различия между стандартным немецким языком Германии и стандартным немецким языком Австрии проявляются на всех языковых уровнях. Наиболее заметны они на уровне фонетики и лексики и наиболее многочисленны на лексическом и прагматическом уровнях. В данной работе мы подробнее останавливаемся на лексическом и прагматическом уровнях.

Лексические особенности

Специфика австрийского варианта на уровне лексики, прежде всего, обусловлена особенностями в организации системы образования. В русской лексикографии внимание уделяется в основном специфическим австрийским названиям блюд и кушаний. Между тем, только в «Глоссарии» на сайте Университета культуры в Граце мы можем найти 35 специфических австрицизмов. Некоторые термины из области австрийского высшего

образования содержатся в словаре юридической, экономической и административной терминологии Х. Мархардт [5], а также в “Eurydice”, справочнике, содержащем термины высшего образования разных европейских стран, однако в нём отсутствует сравнительный анализ, а также информация об эквивалентах или вариантах [2].

Т. Виссик в своем исследовании изучает лингвистическую вариативность терминологии в высшем образовании. Эмпирическая часть работы представляет собой базу данных, которая была составлена автором на основе университетских документов из Германии, Австрии и Швейцарии. Анализ проводился в три этапа: контрастивный, качественный и количественный анализ [10]. Некодифицированные варианты из корпуса были проанализированы экспертами, которые дали им оценку с точки зрения их известности и частоты употребления.

Автор делит термины на следующие группы: *Begriffsvarianten* (имеют одинаковое значение, но отличаются по форме), *Benennungsvarianten* (имеют одинаковую форму, но отличаются по значению), *funktionale Varianten* (отличаются по форме, но обозначают учреждения или подразделения, выполняющие аналогичные функции, также названия должностей и т.д.), *Sachspezifika* (имена собственные, названия законов, специфические понятия, не имеющие аналогов в других национальных центрах), аббревиатуры и словосочетания.

Исследование показало, что более 1,4% лексем в UNI-Korpus являются австрийскими национальными вариантами. Так, в текстах официального стиля, связанных с высшим образованием, встречается почти такое же количество австрицизмов, как и в повседневном дискурсе (2%).

Особый интерес представляет словарь различий в юридической терминологии под редакцией Р. Мура, включающий 2000 австрийских терминов [8]. Особенностью этого словаря является то, что в нем содержатся австрийские термины, не имеющие эквивалента в немецком языке Германии (например, *Hochschullehrgänge*, *neue Mittelschule*). Кроме того, в нём указа-

ны отношения между австрийскими и немецкими эквивалентами, например, полная и частичная синонимия, функциональная эквивалентность и омонимия.

Проведённый авторами анализ 100 письменных работ студентов Венского университета по лингвистике и германистике позволил выявить следующие особенности австрийского варианта на лексическом уровне:

1. Ограниченное количество универсальных австрицизмов и терминологических австрицизмов: *weiterrs* (далее), *nützen*, *benützen* (использование), *die Ausnützung* (использование), *der Bub* (мальчик), *der Jänner* (январь), *die Enquete* (рабочая встреча с экспертами), *der Bursch* (мальчик, молодой человек), *das Eck* (угол), *der Asylwerber / die Asylwerberin* (проситель убежища), *der Maturant* (выпускник средней школы), *der Kollektivvertrag* (коллективный трудовой договор), *jedweder* (любой, любого типа), *daheim* (дома), *das Ansuchen* (прошение), *die Kundmachung* (объявление), *obgenannte* (вышеупомянутый), *das Versatzstück* (залог) и т.д. В целом, отличительные черты австрийского немецкого языка в научных текстах нечасты и спорадичны. Никто из авторов не использует большое количество австрицизмов, если они не являются предметом научного исследования.

2. Параллельное использование австрийского и немецкого вариантов: *benützen* – *benutzen*.

3. Относительно высокая частота латинских книжных выражений в работах австрийских ученых, включая магистерские и докторские диссертации (*per se*, *ad absurdum*, *de facto*, *prima facie*, *grosso modo*, *conditio sine qua non*, *apropos*, *conclusio*, *summa summarum*, *ceterum censeo*), что является общей характеристикой языка немецкого научного дискурса.

4. Количество глаголов латинского происхождения с суффиксом *-ieren* (*retournieren*, *inserieren*, *perpetuieren*, *applizieren*, *präferieren* и т.д.) заметно больше, чем в немецком языке Германии, что характерно не только для академического дискурса, но и для стандартного австрийского немецкого языка в целом.

Прагматические особенности

Анализ письменных научных работ позволил обнаружить следующие прагматические особенности:

1. Последовательное использование гендерно-нейтрального языка:

Авторы научных текстов стараются использовать нейтральные термины – субстантивированные причастия, например, *die Sprechenden*, *die Sprachinteressierten*. В тех случаях, когда это невозможно, используются формы множественного числа мужского и женского рода: *die Sprecher und Sprecherinnen*. Интересно, что формы женского рода не всегда ставятся перед формами мужского рода, в отличие от немецкого языка Германии: „Oft haben **Sprecher und Sprecherinnen** der dominanten Standardvarietät wenig Verständnis für die Legitimität der anderen Standardvarietäten, das identitätsstiftende Moment wird meist als irrelevant abgetan, die spezifischen Normen werden als fehlerhaft abgelehnt“.

2. Переключения кода, которые более характерны для устной речи (Heurigenstress, Krügerl, Seidel, Frauen-Männer-Gschichterln и т.д.). Они встречаются в посвящениях и благодарностях в магистерских и докторских диссертациях: „Ich danke <...> meinen Leidensgenossen / -innen Clara, Christian und Manfred für die gemeinsamen **Suderstunden**“ (Я благодарю <...> моих товарищей Клару, Кристиана и Манфреда за совместные часы, полные напряжения и страданий) (*sudern* – жаловаться, ворчать); имена профессоров в краткой форме (Manzi Glauning, Alex Lenz).

Исследователи также отмечают такие особенности австрийского варианта немецкого языка в академическом дискурсе, как специфическое использование должностей и учёных званий и внутреннее многоязычие.

Уже в 1984 г. М. Клайн писал об особенностях употребления должностных и академических званий и должностей в австрийском немецком языке. Например, он обратил внимание на то, что звание мужа часто используется при обращении к жене (*Frau Hofrat*, *Frau Professor*). Кроме того, отличительной особенностью

австрийского немецкого языка является использование особых форм вежливости: Hochachtungsvoll, mit vorzüglicher Hochachtung (в письмах) [6]. В Германии такие формы являются архаичными и используются для создания социальной дистанции. М. Клайн связывает это явление с влиянием традиций других народов, входивших в состав Австро-Венгерской монархии. У. Аммон также пишет о “Titelhuberei” как об обычном клише австрийской бюрократии, широко распространенном в других немецкоязычных странах [1]. Между тем, необходимо проводить различие между существованием академических титулов в языке и их реальным использованием. Например, такие лексемы, как Univ.-Doz. tit. O. P. = Universitätsdozent mit dem Berufstitel ordentlicher и Professor, Univ.-Doz. tit. Ao. Prof. = Universitätsdozent mit dem Berufstitel außerordentlicher Professor не используются как формы личного обращения [6]. По мнению Р. Мура, частое использование учёных званий и должностей в Австрии является показателем иерархических социальных отношений, которые отличаются от немецкой системы [7]. В Австрии действительно больше званий, чем в Германии, и их неупотребление при обращении к человеку может быть расценено как знак неуважения. Характерной чертой австрийского институционального дискурса является сочетание неформального “вы” с использованием должностных и учёного звания: “Sehr geehrter Herr Professor! Lieber Hans!” ((Уважаемый) профессор! Дорогой Ганс!) [6].

Анализ электронных писем австрийских и немецких студентов сотрудникам Института лингвистики, проведенный Э. Маршун, показал, что австрийские студенты часто выбирают “Sehr geehrteR (Уважаемый) + Herr / Frau (Mr/Mrs) + титул + фамилия” в качестве формы личного обращения, в то время как наиболее часто используемые немецкими студентами формы личного обращения не включают титул. Кроме того, австрийские студенты используют большее количество вариантов, чем немецкие. Наиболее часто в электронных письмах используются такие звания, как Doktor, Professor. Половина австрийских студентов использу-

ют хотя бы один титул в электронном общении с преподавателями, в то время как три четверти немецких студентов вообще не используют никаких званий. В целом, в электронных письмах австрийских студентов можно наблюдать более широкий репертуар форм личного обращения, чем в электронных письмах их немецких сокурсников [6].

В последнее время растёт интерес к устному академическому дискурсу, в процессе изучения которого особое внимание уделяется внутреннему многоязычию. Для немецкого языка в Австрии в целом характерны постоянные переключения между тремя вариантами: стандартным австрийским вариантом немецкого языка, разговорным вариантом австрийского немецкого и диалектом. Исследователи, занимающиеся изучением академического дискурса, пытаются ответить на вопрос, в каких ситуациях и при каких условиях студенты и преподаватели используют диалект, разговорную речь и стандартный австрийский немецкий. Согласно теории Р. Мура о внешней и внутренней норме, выбор того или иного варианта языка зависит от собеседника, роли говорящего (эксперт или не эксперт, представляет свою точку зрения или чужую), степени эмоциональности, степени формальности ситуации общения, профессии и знания языкового стандарта [7]. К этим факторам можно добавить дополнительные, предложенные П. Кохом и В. Эстеррайхером в их теории близости и дистанции, такие как монологическая или диалогическая речь, эмоциональность или объективность, свободное или несвободное развитие темы, личное или опосредованное общение, наличие или отсутствие аудитории, степень спонтанности в общении.

Исследование Л. Краммер показало, что использование стандартного и разговорного вариантов и диалекта зависит от специальности студентов (минимальное использование разговорного языка и диалекта у студентов-германистов, среднее у студентов-медиков, максимальное у студентов технических курсов) и от формы занятия. Использование стандартного немецкого языка уменьшается в следующем порядке: выступление на пленуме, устный экзамен,

групповая дискуссия [3]. Причинами использования стандартного австрийского варианта немецкого языка являются вежливость и стремление сделать общение простым и понятным для всех собеседников. Этими же причинами объясняется использование разговорного языка, который является привычным способом общения, средством создания непринуждённой атмосферы, отличается понятностью и простотой в использовании [3]. Что касается диалекта, для многих студентов это привычный способ общения, часть их идентичности, поэтому они не готовы полностью отказаться от него. Однако, поскольку диалекты жителей Форарльберга, Верхней Австрии и Тироля наиболее сложны для понимания, в ситуациях академического общения им приходится ограничивать их использование.

Выводы

Австрийский академический дискурс характеризуется рядом особенностей, которые проявляются как в письменном, так и в устном жанрах:

- особая терминология, которая появилась в результате влияния исторических и социально-политических факторов и по-прежнему требует систематического лексикографического описания;
- более частое использование должностей и учёных званий по сравнению с Германией;
- сочетание формальных и неформальных форм личного обращения (включая письменный дискурс);
- использование нестандартных вариантов языка (разговорный язык и диалект) для сокращения социальной дистанции и создания неформальной атмосферы;
- осознанное и в целом положительное отношение студентов (особенно языковых специальностей) к внутренней вариативности немецкого языка в Австрии;
- последовательное использование гендерно-нейтрального языка.

Заключение

В условиях современного языкового и культурного многообразия изучение плюрицентрических языков, процессов сближения и расхождения их вариантов позволяет лучше понять тенденции развития живых языков, влияние экстралингвистических факторов на развитие языка, механизмы формирования национальной идентичности средствами языка.

Подводя итог, можно сказать, что в австрийском варианте немецкого языка существует примерно равное количество кодифицированных и некодифицированных терминов, связанных с высшим образованием. Большинство некодифицированных терминов хорошо известны специалистам. Следовательно, необходимо подробное лексикографическое описание, особенно в помощь переводчикам. Они должны знать, что терминология крайне неоднородна (существуют различия между языковыми центрами, региональные различия и даже различия внутри одного учебного заведения). Необходимо включить в лексикографические источники больше терминов из сферы высшего образования (наименее специфических). Кроме того, желательно расширить эмпирическую базу для лексикографического анализа, включая, например, учебные планы и положения, касающиеся экзаменов.

В продолжение данного исследования было бы интересно рассмотреть коммуникативное поведение студентов и преподавателей в рамках различных коммуникативных актов, в которых культурная специфика проявляется наиболее ярко. Однако важно учитывать, что изучение прагматического уровня языка создает опасность чрезмерного обобщения и этнокультурной стереотипизации.

Список литературы / References

1. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin/New York: de Gruyter, 1995, 590 S.
2. Eurydice. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/home_en (дата обращения: 24.03.2023).

3. Krammer L. Standard- und Nonstandard-Deutsch im universitären Kontext aus der Sicht von ausgewählten Studienrichtungen, Wien, 2016, 227 S.
4. Malliga F. Tendenzen in der geschlechtsabhängigen Sprachverwendung und Spracheinschätzung: am Beispiel der Stadt Villach in Kärnten. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997, 242 S.
5. Markhardt H. Wörterbuch der österreichischen Rechts-, Wirtschafts- und Verwaltungsterminologie. Frankfurt a. M., 2006, 136 S.
6. Marschoun E. Anredeverhalten und Titelverwendung im universitären Bereich -Eine empirische Fallstudie zur Pragmatik des Österreichischen Deutsch. Diplomarbeit. Brunn am Gebirge, 2013, 175 S.
7. Muhr R. Pragmatische Unterschiede in der deutschsprachigen Kommunikation – Österreich: Deutschland // Internationale Arbeiten zum österreichischen Deutsch und seinen nachbarsprachlichen Bezügen/ Rufolf Muhr (Hrsg.). Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1993, S. 26-39.
8. Muhr R., Peinhopf M. Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich – Deutschland. Frankfurt-am-Main: Peter Lang GmbH, 2015, 748 S.
9. VAMUS. Verknüpfte Analyse von Mehrsprachigkeiten am Beispiel der Universität Salzburg. URL: <https://uni-salzburg.elsevierpure.com/de/projects/verknuepfte-analyse-von-mehrsprachigkeiten-am-beispiel-der-univers> (дата обращения: 29.03.2023).
10. Wissik T. Terminologische Variation der Rechts- und Verwaltungssprache. Eine korpusbasierte Analyse der Hochschulterminologie in den Standardvarietäten des Deutschen in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Wien, 2012, 392 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Костина Дарья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Белгородская область,
Российская Федерация
kostina_d@bsu.edu.ru

Сидорова Елизавета Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация
elizavetasidorova5@gmail.com

Ширлина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация
shirl2005@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Daria M. Kostina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor
Belgorod State University
85, Pobedy Str., 308015, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation
kostina_d@bsu.edu.ru

Elizaveta N. Sidorova, Lecturer, Department of Foreign Languages and Russian
Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy
2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation
elizavetasidorova5@gmail.com
SPIN-code: 6716-1566

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1550-1145>

Elena N. Shirlina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian
Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy
2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation
shirl2005@yandex.ru
SPIN-code: 8337-6955
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7397-6985>
ResearcherID: Q-3764-2017
Scopus Author ID: 56872822700

Поступила 13.04.2023

После рецензирования 02.05.2023

Принята 05.05.2023

Received 13.04.2023

Revised 02.05.2023

Accepted 05.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-151-167
УДК 811.111

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АНОМАЛИИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ю.В. Массальская, А.В. Николаева

Данная статья посвящена аномалиям – нестандартным способам использования лексики в рекламных текстах, посредством которых осуществляется речевое воздействие. Интерес к изучению механизмов речевого воздействия обусловил актуальность данного исследования. Недостаточная изученность аномалий именно в языке рекламы составили новизну данного исследования. Гипотезу данного исследования составило предположение, что в рекламных текстах могут быть использованы речевые аномалии, поскольку ранее они уже изучались на примере художественной литературы и публицистике.

Цель статьи. *Продемонстрировать примеры ненормированного, окказионального использования языковых средств английского языка в текстах коммерческой рекламы. Для ее достижения были поставлены задачи: описать принципы, по которым слово, словосочетание или иное образование можно считать аномальным; найти примеры и систематизировать виды аномалий, используемых копирайтерами в англоязычных рекламных текстах.*

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужили тексты, отобранные методом сплошной выборки из печатных периодических изданий и онлайн магазинов. Для доказательства логичности или алогичности словоупотреблений был применен анализ семантического значения, то есть разложения значения на компоненты, а также морфологический анализ словоформ. Данные методы предполагают использование англо-английских тезаурусов. На уровне предложений использовался синтаксический анализ.*

Результаты. Анализ показал, что примеры аномального использования лексики можно свести к трем группам: лексико-семантической, морфологической и синтаксической. В результате удалось показать, что самой многочисленной группой является первая – в нее вошли примеры нелогичных сочетаний по принципу одушевленное-неодушевленное, некорректное обозначение качества, конкретное-абстрактное, нарушения стилистической сочетаемости слов, а также деформация фразеологических единиц. Вторая группа представлена морфологическими нарушениями словообразовательных моделей, простым соединением основ, изменением орфографии. Третья группа – синтаксических аномалий – представлена примерами нарушения когезии и расщепленным инфинитивом.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы копирайтерами, маркетологами, составляющими рекламные тексты не только на английском, но и на русском языках.

Ключевые слова: языковая норма; аномалии в языке и речи; рекламный текст; язык рекламы; рекламная коммуникация

Для цитирования. Массальская Ю.В., Николаева А.В. Аномалии в рекламном тексте (на примере английского языка) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 151-167. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-151-167

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

ANOMALIES IN AN ADVERTISING TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Yu. V. Massalskaya, A. V. Nikolaeva

This article is devoted to anomalies, i.e. non-standard ways of using vocabulary in advertising texts, by means of which the communication is carried out. The interest in the study of the mechanisms of speech impact made this study relevant. The novelty of this study lies in insufficient research on anomalies in the language of advertising. The hypothesis of this study

was the assumption that speech anomalies could be used in advertising texts, since they had been previously studied in fiction and article writing.

The aim of the article is to demonstrate examples of non-standard, occasional use of the English language means in the texts of commercial advertising. In order to achieve it the following tasks were set: to describe the principles according to which a word, phrase or other formation can be considered anomalous; to find examples and systematize the types of anomalies used by copywriters in English-language advertising texts.

Materials and methods. The material for the study involved the texts selected by random sampling from printed periodicals and online stores. To prove the logical or illogical use of words, we applied the analysis of semantic meaning, i.e. decomposition of meaning into components, as well as morphological analysis of word forms. These methods involve the use of English-English thesauri. At the sentence level, syntactic analysis was used.

Results. The analysis showed that the examples of anomalous use of the vocabulary can be reduced to three groups: lexical-semantic, morphological and syntactic. As a result, we managed to show that the most numerous group is the first one, which includes examples of illogical combinations on the principle of animate-inanimate, incorrect designation of quality, concrete-abstract, violations of stylistic combination of words, as well as deformation of phraseological units. The second group is represented by morphological violations of word-formation patterns, simple conjunction of bases, changes in spelling. The third group – syntactic anomalies – is represented by examples of violations in cohesion and split infinitive.

Practical implications. The results can be used by copywriters, marketers, who compose advertising texts not only in English, but also in Russian.

Keywords: language norm; language and speech anomalies; advertising text; advertising language; advertising communication

For citation. Massalskaya Yu.V., Nikolaeva A.V. Anomalies in an Advertising Text (on the Example of the English Language). *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 151-167. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-151-167

В последнее время растет интерес к исследованию отклонений от норм в языке. Аномалии в языке и речи многократно становились объектом исследования ученых в тесной связи с исследованием норм языка (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, Б.Т. Ганеев, И.М. Кобозева, Т.П. Ломтев, А.И. Полторацкий, Т.Б. Радбиля, Б.А. Серебренников, А.Д. Шмелев др.). По мнению многих лингвистов, речевое противоречие – это источник и естественный результат развития языка.

Аномалия не существует сама по себе: для определения её сущности необходимо существование такого понятия как «норма». По мнению Т.Б. Радбиля, норма, как единство устойчивых языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является особым признаком литературного языка. Аномалии информативны (поскольку позволяют нам понять природу данного объекта и уровень нашего знания о нем), конструктивны (поскольку обладают креативным и адаптивным потенциалом), эвристичны (имеют стилистическую нагрузку) и функционально значимы (обладают экспрессивным потенциалом) [10].

Н.Д. Арутюнова придерживается точки зрения, что противоречивость – неоднозначное понятие, которое охватывает такие явления как логическая противоположность (контрадикторность), несовместимость семантических языковых единиц, несоответствие коммуникативной цели отправителя сообщения и смыслом самого высказывания, и т.д. При этом автор выделяет ситуации, когда противоречивость можно избежать за счет семантической редукции, т.е. сведением аномального смысла к нормальному [1, с. 305].

Принимая во внимание основную – коммуникативную – функцию языка Б.А. Серебренников утверждает, что противоречия могут возникать на всех уровнях языка. И если языковая структура и имеющиеся средства общения не соответствуют друг другу, возникают коммуникативные неудачи, или те самые противоречия. «Единство противоречивых сторон состоит в том, что они сосуществуют и в то же время происходит борьба, целью которой является приведение в соответствие наличных ресурсов языка с потребностями общения.

Потребности общения здесь представляют ведущую противоположность» [11, с. 67].

Б.Т. Ганеев рассматривая структуру противоречий языка и мира приходит к выводу, что языковой мир состоит из четырех слоев: физический мир (внешний мир), ментальный мир (внутренний мир, сочетающий в себе логическую и эмоциональную составляющую), языковой мир и речевой мир. Мир физический, по его мнению, характеризуется отсутствием объективных противоречий, которые возникают именно вследствие логического мышления человека – ментального мира. Для обозначения языковых единиц с элементом нарушения логической связи он ввел термин *аллофрония* [2, с. 53].

О.В. Мурдускина под языковой аномалией понимает намеренное нарушение на различных уровнях языка, прежде всего на лексико-семантическом и/или грамматическом уровне. Они всегда рационально мотивированы, коммуникативно подобраны и семантически осмыслены. Основным языковым проявлением аномалий считается нарушение сочетаемости слов [6, с. 6]. Примерами языковых аномалий могут быть речевые ошибки, оговорки, описки, семантические и прагматические парадоксы, контрверзы, оксюмороны, небылицы, адискурсивные и бессвязные высказывания, в которых в разной степени наблюдаются отступления от языковой нормы [3, с. 142].

Обычно аномалии изучаются на примере художественных и публицистических текстов [3; 6], афористических высказываний [4]. Но уже долгое время исследуя язык рекламы [например, 7], мы предварительно предположили, что и здесь возможны примеры речевых аномалий, поскольку язык рекламы – специфичен ввиду особых требований к объему и содержанию текстов. Исследователи называют язык рекламы “loaded language” поскольку он изобилует нестандартными приемами, способствующими не только созданию притягательного образа товара/услуги (emotive words, catchphrases, metaphors, informal expressions, and comparisons), но и ощущению персонализированного обращения к клиенту (by giving the impression of treating each of them as an individual rather than en masse) [14, p. 601].

Аномалии, отобранные нами для анализа, могут быть разделены по следующим трем видам: 1) лексико-семантические, 2) нарушения словообразовательных связей и 3) синтаксические аномалии.

Примеры первой группы лексико-семантических аномалий характеризуются нарушениями семантической сочетаемости единиц. Как в нижеследующих текстах косметических средств: <...> (1) *Enriched with aloe and vitamin E, each silky soft cloth is a healthy treat for thirsty skin. Take comfort with Comfort Bath.*

(2) <...> *Conditioner Spray Gel for hair that looks and feels naturally fuller, softer and energized.*

(3) *CALM & CORRECT: Stressed skin? This Color Correcting Serum Moisturizer Primer in one calms & corrects tone-related sensitivity issues instantly and over time, while strengthening skin's natural moisture barrier.*

В данных примерах наблюдаем семантически-противоречивые сочетания по модели *одушевленное-неодушевленное*. Определение, например, *If you are stressed, you feel tense and anxious because of difficulties in your life* [13] сигнализирует принадлежность данного атрибута только одушевленному лицу. Соответственно, принадлежность подобного прилагательного неодушевленному объекту видится аномальным в словосочетаниях типа *stressed / thirsty skin, hair that looks energized*. Преодоление таких противоречий обусловлено особенностями рекламного текста: при общей лаконичности и стремлении создать образ, вызвать эмоции, новые ощущения, он изобилует простой, но оригинальной, удерживающей внимание лексикой. Здесь и далее сохраняем графический маркер авторов в виде выделения заглавными буквами.

Также к группе лексико-семантических нарушений отнесём модель *некорректное обозначение качества* (цвет, материал, размер и т.п.). В результате рассогласования между словами по видовому признаку возникает впечатление абсурдности, неосмысленности данного сочетания, как например:

(4) *Pro-tip: Use with Covergirl Clean Fresh Cream Blush to finish off your easy, breezy look*, где *breezy* – *with wind that is quite strong*

but pleasant [11] используется для обозначения *вепра*, но не *взгляда* (*look*). Или (5) *HERO INGREDIENTS: TRUCLEAN™ Avocado & Ceramide Complex + 1.8% Niacinamide for stressed, sensitive skin*, возможно отсылает к ингредиентам сэндвича *hero sandwich* – a long, narrow sandwich filled with such things as meat, cheese, and vegetables [11], наличие в составе *avocado* подводит к мысли, что наше новое средство с комплексом из «героических ингредиентов» (букв.) с керамидом и ниацинамидом такое же полезное, как авокадо. А.И. Полторацкий называет сочетания подобные a lazy bath, a polite elbow «эпитетами перенесенными» (*transferred epithet*) и последовательно доказывает канонизированность данного стилистического приема для английской художественной речи. «Несмотря на очевидную понятийную несовместимость их компонентов, эти словосочетания не будут восприняты (в своем контексте) как нарочитые словесные ухищрения». И если сначала такие примеры перенесения эпитета, по его словам, характеризовали лишь высокохудожественную литературу, то позже проникли в менее искусные произведения современных авторов, например детективы [9, с. 139]. Поэтому, на наш взгляд, появление подобных трудно осмысляемых эпитетов в рекламном тексте, скорее всего, не вызовет недоумения у англоязычного читателя.

По этой же модели – *одушевленное-неодушевленное* – нарушены и видятся семантически нелогичными следующие сочетания сказуемого с дополнением:

(6) Xerox color turns people on. It makes everything easier to read, understand and remember.

(7) Give your skin an instant shot of brightening hydration with our ultra-fine priming mist! Spritz it on anytime to awaken dehydrated skin and improve skin texture.

(8) Conventional wisdom would tell you: small farms can't operate as efficiently as large ones. <...>

Фразовый глагол *turn something on* имеет значение *to start to show a particular quality* [12], но управляемое им существительное *people* не соответствует норме сочетаемости с данным глаголом –

можно включить что-то, но не кого-то. В тексте (7) *to awaken – to stop sleeping, or to cause someone to stop sleeping* [12] предполагает дополнение, выраженное одушевленным существительным, а сочетание *to awaken dehydrated skin* – нарушает эту связь. В последнем примере интерес представляет неодушевленное *wisdom*, сочетающееся с глаголом говорения.

Следующий вид лексико-семантических аномалий, встречающихся в рекламных текстах, построен по модели *конкретное-абстрактное*:

E.g.: (9) GelPro Mats are made with pride in the USA. <...>

(10) <...> Vitasana, the multivitamin with ginseng. Full of vitamins, minerals and life.

(11) A new Metamusil. Taken, not stirred. How do you stay regular with irregular lifestyle? Try Metamusil in new capsule form. Get the same power. The only thing we added was convenience.

(12) <...> Passion, courage, modesty and loyalty aren't the things you might expect from a car rental company. But at Avis, they are at heart of everything we do. And they are what set us apart. <...>

(13) <...> Made from whole soy, real fruit and sheer optimism, all-natural SOYJOY is available in six flavors at a store near you! SOYJOY – fortified with optimism.

В вышеприведенных рекламных текстах у вполне конкретных товаров и услуг (матрац, БАД, аренда автомобиля, соевый соус) обнаруживаются абстрактные характеристики (гордость, энергия, удобство, страсть, оптимизм и пр.). Таким образом создается интригующий рекламный образ товаров.

Третьим видом аномалий, присущих рекламным текстам, являются нарушения стилистической сочетаемости слов. На наш взгляд, эту группу составляют научные термины. Принадлежащие к специальной области знаний, они в целом однозначны и употребляются специалистами именно в этом значении [8, с. 6]. Научные термины – стилистически маркированные слова, которые попадая в рекламные тексты, начинают выполнять иную функцию – воздействие на реципиента с конечной целью придать продукту нау-

кообразные свойства и таким образом, убедить, заставить поверить в эффективность, вследствие ее научного обоснования. Это дает нам основание рассматривать такие несоответствия стилей как аномалии. Е.В. Медведева отмечает, что специализированная лексика достаточно употребительна в рекламном дискурсе [5, с. 152-153]. В словарях научные термины имеют стилистические пометы типа *science, scientific, chemistry, biology*, и т.д. Например, лексема – *ceramide (medical) any of a group of amido sphingolipids formed by linking a fatty acid to sphingosine and found widely in small amounts in plant and animal tissue* [15]. Поскольку значение научного слова затруднено для восприятия среднестатистическим потребителем, то для того, чтобы снять противоречие несоответствия стилей – научного стиля одного слова и нейтрального стиля всего текста, авторы помещают его в окружение известных слов, чаще всего, с семей положительной оценки:

(14) Use patented ceramide to dramatically repair and reinforce hair natural protective layer. Cera-repair^{TM}, home maintenance treatments prolong hair's salon-renewed health and manageability.

В сочетании с *patented (covered by a patent [13])* у лексемы *ceramide* появляется новый положительный оттенок значения. Такое употребление в тексте *patented ceramide* способно манипулировать мнением реципиента и снимать более критичное отношение к товару: вы будете пользоваться *запатентованным изобретением*, а не просто средством с керамидом для восстановления волос.

Другим примером является прилагательное *transformed*. Его первые два значения вполне научны и применимы в физике и математике: 1) *change the voltage of (an electric current)* 2) *[mathematics] change (a mathematical entity) by transformation* [16]; а позже слово приобрело сему положительной оценки – 2) *To transform something or someone means to change them completely and suddenly so that they are much better or more attractive* [13]). По нашему мнению, появляясь в рекламном тексте, слово *transformed* не раскрывает сигнификативный компонент, кроме семы положительной оценки – последняя становится единственно актуализованной семей значения,

а слово *transformed* полностью становится синонимичным *much better, more attractive*. Данное слово при использовании в рекламе для описания состояния волос – *transformed hair* – формирует образ просто *привлекательных волос* без какого-либо отношения к науке. Также как и термины в нижеследующих текстах:

(15) *Wash the day's makeup & impurities away with this gentle, hydrating face cleanser. Formulated for all skin types, our non-drying cream cleanser melts away makeup, dirt, and oil without stripping your skin. Formulated with electrolyte rich TruClean™ Cactus Water and Meadowfoam Seed Oil to condition and nourish skin for a balanced, deep clean. Skin looks & feels softer, revitalized and refreshed, где electrolyte – стилистически маркированный элемент текста (chemistry, specialized) is a liquid that an electric current can pass through, especially in an electric cell or battery* [16]. Такой же компонент значения у глагола *to hydrate* – *to chemically combine a substance or substances with water*. Примеры использования терминов в рекламных текстах достаточно многочисленны: *breakthrough applicator, breakthrough brushes; innovative and technical breakthrough in haircolor care, 3 customized formulas enriched with hibiscus, algae or ginseng, tailored to treat hair-type specific needs; Boost hair's body with protein; probiotic-rich fermented tea; fighting free radicals; detoxify (about the 4-in-1 cleanser)*. и т.д. Снятие противоречий почти всегда достигается за счет контекста с использованием слов с положительной оценкой: реципиент понимает что *free radicals* – это плохо, поскольку словосочетание используется дополнением к *fighting*, вопреки тому, что сам термин имеет нейтральную оценку: *(chemistry, specialized) a molecule that has an extra electron and therefore reacts very easily with other molecules* [16].

Также к ряду лексико-семантических аномалий, используемых в рекламных текстах, отнесем *деформацию фразеологических единиц*:

(16) *Take your everyday business document, spice it up with Xerox color... It makes business sense. <...>, где makes business sense представляет собой видоизмененное make sense (idiom) – to be clear and easy to understand* [12].

(17) *Lean. Mean. Business machine. Introducing the Dell Latitude D420 notebook. 3 lbs. Widescreen. Mobile broadband embedded. It's the notebook that means business. Dell. Purely You*, где идиома *lean and mean* (idiom – efficient and successful [15]) подверглась также пунктуационному изменению.

(18) <...> *Whether it be a barefoot beach wedding, a more formal ceremony overlooking the cloud forest, or an adventure honeymoon, Costa Rica Expeditions will take extra care to make it special.* <...>, где видоизменено идиоматическое *take care of* – *idiomatic phrase: to attend to or provide for the needs, operation, or treatment of (someone or something)* [15]

Во всех случаях исходный фразеологизм легко актуализируется благодаря своей устойчивости и воспроизводимости, поскольку, если рекламный текст будет слишком сложным для понимания, это приведет сначала к коммуникативной неудаче, а позже – к финансовой, поскольку рекламный текст должен «продавать».

Вторая многочисленная группа аномалий включает *морфологические аномалии*, заключающихся в типе соединения единиц, возможности их сочетаемости.

(19) *Our new breakthrough brushes give you a no-mess, no-clump lash look!* Хотя префикс *no-* используется в английском для образования существительных, выделенные лексемы в такой словоформе не зафиксированы в словарях и представляют пример нестандартной словообразовательной связи образования существительного с отрицательным значением в английском языке, в данном случае выполняющих функцию определения.

Другими примерами могут быть: *Bodifying shampoo* (суффикс *-fy* стандартно присоединяясь к прилагательным для образования глагола, в данном примере нарушает словообразовательную модель, поскольку присоединяется к корневой основе *body*, выраженной существительным). Образованное прилагательное малопонятно, как и функция такого шампуня, но в русском рекламном дискурсе удалось найти «шампунь с уплотняющим действием». *Hydratherapie, fortetherapie, colorcaretherapie* представляют собой простую контаминацию основ со сдвигом в орфографии: *therapy* меняется на

therapie, на наш взгляд, просто с целью привлечения внимания. В основном этот способ используется для создания названия торговой марки: *TruClean* (*true + clean*), *Provitalin* (*skin conditioners with Provitamins*), *Beneful* (*корм для собак*), *the patented ingredient Reducol*, *The Griddler* (*grill and griddle, кухонное устройство*). *The ARtec Colorist Collection*, *Colorflector*; *haircolor care*.

Синтаксические аномалии весьма немногочисленны, что обусловлено фиксированным порядком слов в английском языке. Однако встречаются примеры нарушения когезии – аномалии, заключающейся в виде ненормативного использования действительного средства – местоимения – в пределах одного или нескольких предложений.

(20) *Plump them! Don't clump 'em! New Volume Exact Mascara! Plumps each little lash without dumping – for volume a whole new way! The Clump stops here! Take your lashes to the next level! <...>*

(21) *Want the dish on us? Rated top premium U.S. airline for comfort, service and overall performance by Zagat Survey. ... Continental Airlines. Work hard. Fly right.*

(22) *Running your own show says – we try harder. <...> But at Avis, they are at heart of everything we do.*

Сначала в тексте использовано местоимение – дейктик, а позже – сам референт, что нарушает принцип когезии. Данный вид аномалии, используемой в начале текста, можно объяснить правилом построения рекламного текста. А именно тем, что местоимение расположено в *цепляющей* фразе (*catchphrase*) – *зачине* – элементе рекламного текста, привлекающим внимание и заставляющим читателя дочитать текст до конца.

Еще один пример нарушения синтаксиса английского языка заключается в нарушении сочетаемости предиката и качественного наречия. В английском языке с его строго фиксированным порядком слов наречие следует за предикатом, а в вышеприведенном примере (14) ... *Use patented ceramide to dramatically repair* <...> отмечаем, что наречие как бы «расщепляет» инфинитив *to repair*. В английской грамматике такое явление получило название *split infinitive*. И хотя с одной стороны, его использование фиксируют

с XIV в., с другой – советуют избегать в речи, поскольку это считается отклонением от нормы. Цель использования инфинитива в таком виде – донести до читателя свои идеи с четкостью, в своеобразном стиле (to communicate your ideas to your reader with clarity and style) [17].

В целом, рекламные тексты изобилуют различными стилистическими приемами, подчиняющимися созданию привлекательно-го образа товара с описанием его преимуществ. Таким образом, в случае с рекламными текстами можно констатировать, что использование аномалий в них, также как и в художественных текстах, мотивировано. Их функционал заключается в способности привлекать внимание к товару, создавать его привлекательный наукообразный образ, ослаблять критическую оценку товара, что подчиняется правилам создания коммерческих текстов. Языковые аномалии рекламных текстов можно поделить на три группы: лексико-семантические аномалии, морфологические и синтаксические аномалии. Противоречивость, возникающая при использовании аномалий, легко снимается и не приводит к коммуникативным неудачам.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи. Уфа: Изд-во Баш. гос. пед. ун-та, 2004. 470 с.
3. Кравченко О.В. Синтаксические механизмы порождения лингвистического абсурда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 106. С. 141-146.
4. Массальская Ю.В. Аномалии в языке и речи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 68-69.
5. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. Изд. 3-е. М.: Ленанд, 2016. 304 с.
6. Мурдускина О.В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса (на материале художественных и

- публицистических текстов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 24 с.
7. Николаева А.В., Шайхутдинова Т.Н. Рекламный текст как источник лингвокультурной информации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8(197). С. 9-13. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-8-9-13>
  8. Носкова М.В. Моделирование и лексикографическое представление терминосистемы предметной области финансово-предметных отношений в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
  9. Полторацкий А.И. Риторические алогизмы: перенесение эпитета в англоязычной художественной речи. // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: сб. науч. трудов Института языкознания АН СССР / Отв. редактор Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 139-147.
  10. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. URL: https://thelib.ru/books/t_b_radbil/yazykovye_anomalii_v_hudozhestvennom_tekste_andrey_platonov_i_drugie-read.html (дата обращения: 23.03.22)
  11. Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
  12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.11.22)
  13. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.07.2022)
  14. Khedri M., Hasan E., Kritsis K. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements // Russian Journal of Linguistics, 2022, vol. 26(3), pp. 596-624. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24591>
  15. Meriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 15.02.2023)
  16. Oxford Learners' Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 15.12.2022)
  17. Pro Writing Aid. URL: <https://prowritingaid.com/split-infinitive> (дата обращения: 01.03.2023)

References

1. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problem* [Sentence and its meaning: logical and semantic issues], Moscow: Nauka Publ., 1976, 383 p.
2. Ganeev B.T. *Protivorechiya v yazyke i rechi* [Contradictions in language and speech]. Ufa: BSPU, 2004, 470p.
3. Kravchenko O.V. Sintaksicheskie mekhanizmy porozhdeniya lingvisticheskogo absurda [Syntactical mechanisms of the origin of linguistic absurd]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen], 2009, vol 106, pp. 141-146.
4. Massal'skaya Yu.V. Anomalii v yazyke i rechi [Anomalies in language and speech]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, vol 1(38), pp. 68-69.
5. Medvedeva E.V. *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising communication]. Moscow: Lenand Publ, 2016, 304 p.
6. Murduskina O.V. *Yazykovye anomalii kak sredstvo samoorganizatsii angloyazychnogo diskursa (na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstov)* [Language anomalies as a means of self-organization of English-language discourse (on the material of fiction and article writing)]. Abstract of PhD dissertation. Samara, 2011, 24 p.
7. Nikolaeva A.V., Shaykhutdinova T.N. Reklamnyy tekst kak istochnik lingvokul'turnoy informatsii [Advertising text as a source of linguocultural information]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, vol. 8(197), pp. 9-13. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-8-9-13>.
8. Noskova M.V. *Modelirovanie i leksikograficheskoe predstavlenie terminosistemy predmetnoy oblasti finansovo-predmetnykh otnosheniy v sovremennom angliyskom yazyke* [Modeling and lexicographic representation of the terminology system of the subject area of financial-subjective relations in Modern English]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2004, 24 p.
9. Poltoratskiy A.I. Ritoricheskie alogizmy: perenesenie epiteta v angloya-

- zychnoy khudozhestvennoy rechi [Rhetorical alogisms: epithet transfer in English fiction]. *Logicheskiy analiz yazyka: protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical Analysis of Language: Contradiction and Anomaly of the Text]. Moscow: Nauka Publ, 1990, pp. 139-147.
10. Radbil' T.B. *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrey Platonov i drugie* [Linguistic anomalies in fiction: Andrei Platonov and others]. URL: https://thelib.ru/books/t_b_radbil/yazykovye_anomalii_v_hudozhestvennom_tekste_andrey_platonov_i_drugie-read.html (accessed March 03, 2023)
  11. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie* [The role of human factor in language: language and thinking] Moscow: Nauka Publ, 1988, 242p.
  12. Cambridge Dictionary. URL <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed November 22, 2022)
  13. Collins English Dictionary. URL <https://www.collinsdictionary.com> (accessed July 15, 2022)
  14. Khedri M., Hasan E., Kritsis K. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements. *Russian Journal of Linguistics*, 2022, vol. 26(3), pp. 596-624. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24591>
  15. Meriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed February 15, 2023)
  16. Oxford Learners' Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed December 15, 2022)
  17. Pro Writing Aid. URL: <https://prowritingaid.com/split-infinitive> (accessed March 01, 2023)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Массальская Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова
ул. Гагарина, 42, г. Королев, 141074, Московская область,
Российская Федерация

jumas80@bk.ru

Николаева Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков

*Российский государственный аграрный университет Московская Сельскохозяйственная Академия им. К.А.Тимирязева
ул. Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация
a.nikolaeva@rgau-msha.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yuliya V. Massalskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages

*Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov
42, Gagarina Str., Korolev, 141074, Moscow Region, Russian Federation*

jumas80@bk.ru

SPIN-code: 9789-5791

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4258-2304>

Anastasiya V. Nikolaeva, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign and Russian Languages

Russian State Agrarian University Moscow Timiryazev Agricultural Academy

2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation

a.nikolaeva@rgau-msha.ru

SPIN-code: 3576-2224

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9588-427X>

ResearcherID: ACA-8341-2022

Поступила 27.03.2023

После рецензирования 12.04.2023

Принята 20.04.2023

Received 27.03.2023

Revised 12.04.2023

Accepted 20.04.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-168-187

УДК 81.367

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПРИ ОПИСАНИИ НЕДУГОВ ЮНЫХ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ ЕВЫ НЕМЕШ «ВЫКЛЮЧИТЕ ОРФОГРАФИЮ»

Э.И. Ахметзянова, Э.Р. Ибрагимова

Актуальность исследования обусловлена несколькими фактами: во-первых, в последние годы усилился интерес лингвистов к изучению выразительности и эмоциональности устной и письменной речи ребёнка; во-вторых, в современной подростковой прозе, которая является частью школьной программы, увеличивается число описаний детских дефектов здоровья и недугов; в-третьих, рассмотрение проявления экспрессивности в тексте на синтаксическом уровне способствует лучшему пониманию идейно-содержательной основы произведения.

Цель исследования – выявить основные синтаксические средства выражения экспрессивности в современной детско-юношеской прозе, освещающей недуги героев-детей, и определить их значение на материале повести Евы Немеш «Выключите орфографию».

Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассмотрены способы выражения эмоциональности, оценочности при описании недугов юных героев в произведении современной отечественной прозы, адресованной детям.

Результаты. В статье описаны частотные синтаксические средства выражения экспрессивности при описании детских недугов в повести Е. Немеш «Выключите орфографию». Было установлено, что, создавая ассиметричный синтаксический рисунок, детский писатель обращается к таким экспрессивным конструкциям, как инверсивное словорасположение (32%), повторы и его

разновидности (5%), сегментирование (13%) и парцелляция (22%), а также к риторическим конструкциям – 15% (риторические вопросы, восклицания, обращения и вопросно-восклицательные формы) и к эллипсису (2%). Рассматривается экспрессивный потенциал видового состава предложений (сложные предложения – 41%, простые – 59%), отдельное внимание уделяется односоставным предложениям глагольного типа (27%).

Ключевые слова: экспрессивность; детские недуги; инверсия; парцелляция; сегментирование; повтор; риторические конструкции; эллипсис

Для цитирования. Ахметзянова Э.И., Ибрагимова Э.Р. Синтаксическая экспрессивность при описании недугов юных героев в повести Евы Немеш «Выключите орфографию» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 168-187. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-168-187

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

SYNTACTIC EXPRESSIVENESS IN DESCRIBING THE AILMENTS OF YOUNG CHARACTERS IN THE NOVEL TURN OFF SPELLING BY EVA NEMESH'S

E.I. Akhmetzyanova, E.R. Ibragimova

The relevance of the study is determined by several facts: firstly, in recent years, the interest of linguists in studying the expressiveness and emotionality of a child's oral and written speech has enhanced; secondly, in modern teenage prose, which is part of the school curriculum, descriptions of children's health defects and ailments are increasing; thirdly, consideration of expressiveness manifestation in the text at the syntactic level contributes to a better understanding of the ideological content of the work.

The purpose of the study is to identify the main syntactic means of expressing expressiveness in modern children's and youth prose, high-

lighting the ailments of child characters, and to determine their meaning based on the material of Eva Nemesh's novel Turn Off Spelling.

The scientific novelty of the study consists in the fact that the ways of expressing emotionality and evaluation when describing the ailments of young character in a work of modern Russian prose addressed to children are considered for the first time.

Results. The current research describes the frequency syntactic means of expressiveness in the description of childhood ailments in E. Nemesh's novel Turn Off Spelling. It was found that, when creating an asymmetric syntactic drawing, a children's author refers to such expressive constructions as inverse word arrangement (32%), repetitions and its varieties (5%), segmentation (13%) and parcellation (22%), as well as to rhetorical constructions – 15% (rhetorical questions, exclamations, addresses and question-exclamation forms) and to ellipsis (2%). The expressive potential of the specific composition of sentences is considered (complex sentences – 41%, simple sentences – 59%), special attention to single-compound verb-type sentences is paid (27%).

Keywords: *expressiveness; childhood ailments; inversion; parcelling; segmentation; repetition; rhetorical constructions; ellipsis*

For citation. Akhmetzyanova E.I., Ibragimova E.R. Syntactic Expressiveness in Describing the Ailments of Young Characters in the Novel Turn off Spelling by Eva Nemesh's. *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 168-187. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-168-187

Введение

Создавая эмоциональный текст и желая качественно воздействовать на читателя, автор использует не только композиционно-содержательное, но и синтаксическое строение текста, благодаря чему выстраивается необходимая атмосфера, настроение, задаётся темп прочтения, имитируются рассуждения героев и разговорная речь, привлекается внимание к определённой информации. Получается, что создатель текста таким образом создаёт своего рода знак или сигнал для читателя [1; 5; 9; 10]. В детской литературе данные

сигналы также играют важную роль в реализации функции передачи чувственно-эмоционального опыта, воздействие на читателя с целью способствования формирования личностных смыслов и выстраивания взаимоотношений ребёнка с окружающим его миром, воспитания эмоционального интеллекта. Данной точки зрения придерживается ряд современных лингвистов, рассматривавших в своих трудах стилистические особенности творчества зарубежных детских писателей на основе выделения специфики экспрессивности синтаксических конструкций в их произведениях (А.З. Тавадиева «“Детский” синтаксис Бернара Фрио» [14], Н.Н. Пелевина и А.А. Чаблукова «Лингвистические средства выражения экспрессивности в немецкой детской литературе» [12], Е.А. Кораблева, М.М. Давыдова «Экспрессивный синтаксис в детской художественной литературе (на материале английского языка)» [8] и др.).

О возросшем интересе к данной теме свидетельствуют не только исследования выразительности и эмоциональности устной и письменной речи ребёнка в языкознании, но и труды в области медицины, психологии и педагогики [15; 16; 17; 18; 19]. Помимо этого, **актуальность** темы подчёркивается тем, что с каждым годом читатель всё чаще сталкивается с произведениями, в которых писатели размышляют о таких категориях, как здоровье, недуг юных героев, что играет важную роль не только при передаче нравственных ценностей и норм поведения, но и при раскрытии качества безнравственности и ущербности социального устройства [4]. **Научная новизна** заключается в рассмотрении синтаксических способов выражения экспрессивности при описании недугов юных героев в произведении современной отечественной прозы, адресованной детям.

Сами по себе недуги в художественных текстах всегда характеризуются нарушением порядка течения жизни, что не может не отразиться на синтаксическом уровне построения текста. Помимо этого, через те или иные конструкции писатели выражают свою оценку действительности – при таких обстоятельствах детский недуг, в силу своей несправедливости и алогичности, имеет большую экспрессивность, эмоциональность и оценочность. Всё это

достигается, во-первых, за счёт абстрактности, вариативности, синонимичности и функционально-стилистической окрашенности синтаксических структур [13, с. 232]. Во-вторых, благодаря непосредственной взаимосвязи синтаксиса с процессом мышления и коммуникации, в отличие от единиц других уровней, которые, принимая участие в формировании мысли, в коммуникативном процессе, выражаются только через синтаксис [6, с. 95].

Отсюда **цель исследования** – выявить основные синтаксические средства выражения экспрессивности в современной детско-юношеской прозе, освещающей недуги героев-детей, и определить их значение (на материале повести Евы Немеш «Выключите орфографию»).

Материалы и методы исследования

Для исследования роли конструкций экспрессивного синтаксиса в текстах отечественной современной подростковой прозы, освещающей недуги юных героев, нами была выбрана повесть Евы Немеш «Выключите орфографию» [11], вошедшая в 2021 году в шорт-лист литературного конкурса «Книгуру» [7]. Следовательно все примеры синтаксических конструкций приведены из одного произведения.

Повествование ведётся от первого лица – мальчика по имени Саша, в течение произведения испытывающего на себе воздействие нескольких видов недугов: психического (дислексия), физического (световой ожог глаз) и психологического (приступы панических атак).

Отметим, что в повести недуги юных героев не являются основной темой, однако именно они играют важную роль в раскрытии главной идеи произведения – нарушения детско-родительских отношений.

В ходе работы использован комплекс методов научного исследования, в который входят описательный метод, метод количественного подсчёта, синтагматический метод, а также метод интерпретации.

Результаты и обсуждение

Проанализировав предложения, описывающие детские недуги, а также больничную среду и некоторых из врачей, мы выделили

наиболее часто употребляющиеся синтаксические средства создания экспрессивности в повести.

1. Инверсия

Анализ повести позволил выявить, что инверсия как средство раскрытия экспрессивности является ведущей при изображении физического (световой ожог глаз) и психического (дислексия) недугов и представлена в двух видах:

1. Инверсивное расположение главных членов предложения:

*«Когда на его стуле **появилась царпка ТАРС** – я всегда пишу с ошибками, он вместо того, чтобы наорать, сказал, что теперь его зовут только так и попросил по-другому не называть», «<...> это значило, что **разговаривать** он больше **не хочет** и всем рядом лучше замолчать...».*

*«<...> а когда мы понесли его в кладовку откуда-то **появился** яркий белый свет», «это помогло: прожектор выключился, но зато **попились слёзы**».*

Сюда же можно отнести обратный порядок компонентов одного главного члена предложения, например, сказуемого: *«Мама и папа – нет, им новое имя не понравилось, поэтому для них всё осталось как раньше, но Тарс не обиделся – он на взрослых вообще **внимания не обращает**, ему всё равно как они его называют, только сильно морщится, когда дедушка Боря его Тараской зовёт».*

2. Нарушение правильного порядка расположения второстепенных членов предложения:

*«Он перестал кричать только когда какая-то тётенька достала телефон и начала снимать – тогда деда сам всё прочитал, и мы **домой** быстро пошли».*

*«отравление – тоже мимо, потому что я никакой **яд не ел и ничего ядовитое не нюхал**: у Тележки еда вкусная, пахла съедобно»; «а ты в больнице кварц **случайно** не словил», «Я эти огромные **буквы** навсегда **запомнил** и везде их узнаю».*

В обоих случаях инверсия употреблена автором с целью выделения значимой лексемы. Например, при описании дислексии читатель понимает: герою важнее то, что царпина на стуле, да ещё и

неправильная, уже появилась по его вине, или же что дедушка героя не желает именно «разговаривать» с ним, обсудить способы исцеления. Помимо этого, такое словорасположение связано со спецификой дислексии: будучи нарушением когнитивных процессов, а именно – чтения, в речи ребёнка возникают трудности при составлении сложных предложений. Во втором случае передача физического недуга смешивается с бытовым описанием уборки в комнате мальчиков, которое, в отличие от изображения ожога глаз, не имеет нарушений в словорасположении внутри предложений. В данных отрывках читатель видит алогичность недуга: ребёнок, оказавшись в больнице, которая представляет собой место исцеления, наоборот, получил травму и вынужден справляться с ней самостоятельно.

Точно такое же нарушение в построении синтаксических конструкции имеют предложения, посвящённые воссозданию больничной среды. Например, Саша, описывая одного из юных пациентов, акцентирует внимание на том, как тот выглядит *«на воздушный шарик похож. К его животу приклеена прозрачная трубка»* или описывает действия врачей: *«быстро подходит он ко мне и командует ложиться»*, *«задирает он мою пижамную майку, сильно нажимает на живот, потом залезает под ребро – кажется, до самой спины»* и т.д. В данном произведении инверсия иллюстрирует неправильную работу системы здравоохранения: врачи, которые, как надеются больные дети, помогут исцелиться, проявят сочувствие, относятся к больнице только как к способу получения заработка.

2. Сегментация и парцелляция

Алогичная жизненная ситуация – детский недуг – представлена читателю также через такие виды экспрессивного синтаксиса, как сегментация и парцелляция. Они позволяют привлечь внимание читателя к значимым эпизодам, выделить лексемы, описывающие самочувствие героев. Например, в случае с дислексией:

«На чашке Раб, а не Брат, но когда я её выбирал, то это не заметил. Не знаю, почему так получается. Просто тогда буквы по-другому сложились. Папа называет это дуболексия, а меня дуболексиком. Не всегда, только когда делаю уроки» и т.д.

Или в случае со световым ожогом глаз:

«Стол складывали вместе – с ним одному не справиться, а когда мы понесли его в кладовку откуда-то появился яркий белый свет – он светил так сильно, что я даже споткнулся и чуть не завалил ёлку; Я закрыл глаза и сильно надавил на уши – всегда так делаю, чтобы вернуться назад».

«С глазами правда лучше. Немножко чешутся, но не так как вначале. Может, я из-за них спать не могу? А Тарс тогда из-за чего? У него зрение в порядке. Он себе ничего не испортил».

Предложения создают зеркальность ситуации: самочувствие Саши, глазам которого «правда лучше», но они «чешутся», и, напротив, Тарс, который «себе ничего не испортил» и его «зрение в порядке», однако уснуть не могут оба – такое закольцовывание позволяет рассмотреть возмущение ребёнка возникшей несправедливостью, с одной стороны, и попытку проанализировать ситуацию, с другой.

При описании психологического недуга, панических атак, единство сегментов и парцеллят важно для наиболее полной передачи графического рисунка сбившегося дыхания и учащённого сердцебиения, которые сопровождают данной расстройством, а также интонации героя, позволяя создать «эффект замедленной съёмки». Например:

«Он рядом, а эти?! Куда пропали? Где они? Гдеее?! Это шутка? Они пошутили? Да? Тогда почему так страшно? <...> Тарс, ты что не видишь? Я здесь! Прямо перед тобой!».

Здесь важно отметить, что данный эпизод представлен в виде диалога с братом – читатель оценивает лишь внешнее проявление недуга.

3. Эллиптические конструкции

Эллипсис Ева Немеш использует для того, чтобы, говоря о волнующей ребёнка проблеме, передать его состояние потерянности в попытках определить, почему взрослые так несправедливо обращаются с ним:

«В прошлом году дедушка Боря не разрешал идти дальше, пока их не прочитаю»; «у меня так всегда с коворой: никогда сразу ко-

рова не получается»; «на чашке Раб, а не Брат, но когда я её выбирал, то это не заметил»; «папа называет это дуболексия, а меня дуболексиком».

Такая же естественная реакция у мальчика при описании им физического недуга старшего брата – аллергии, раскрывающейся в 5 предложениях. В двух из них присутствуют эллиптические конструкции, демонстрирующие нежелание взрослых разобраться в первопричине недуга, которая бы способствовала его исцелению:

«Даже врачи не могут понять, что с ним. Нас раньше в Екатеринбург вместе возили: его к одному доктору, меня – к другому».

Одно из предложений является односоставным, неопределённо-личным, построенным путём пропуска подлежащего, что создаёт ощущение абстрактности субъекта действия: не понятно, кто не разобрался с определением недуга ребёнка и кто должен это сделать. Именно поэтому потерял он значимость и для самих детей:

«Но со мной разобрались, а про него так ничего и не поняли».

4. Повтор и его виды

Ещё один вид конструкций, к которому обращается Ева Немеш – повтор. Он представлен двумя разновидностями: дистантными повторами и анафорой. Известно, что использование повторов характеризует особенности речи детей младшего школьного возраста [3, с. 14], а также «усиливает психологический и эстетический эффект высказывания» [2, с. 97]. Важно отметить, что в данном случае наблюдается синтез между двумя уровнями языка: лексическим и синтаксическим.

Итак, описывая дислексию, автор раскрывает внутреннее смятение юного героя: Саша пытается понять свою долю ответственности в совершаемых ошибках, рассматривая ситуацию с позиции «неужели виноват я?»: *«я подумал, что это из-за того, что я не узнал слово Россия».* Однако чуть позже герой, желая доказать взрослым, в особенности тем, кто действительно его слушает, – читателям, что он всячески борется с недугом, приводит следующий аргумент, в основе которого лежит повтор в сочетании с градацией: *«я много занимаюсь, очень много, мне кажется, я родился и*

сразу начал заниматься, но всё равно иногда получается вот такая ерунда».

Описывая моменты приступа панических атак, детский писатель помещает в сильную позицию наиболее значимые элементы речи ребёнка:

«Где они? Гдеeee?! Это шутка? Они пошутили?»; «уже темно. Давно темно»; «если бы мой, то я... Я не знаю, что бы я делал»; «я здесь! <...> Я боюсь, мне страшно».

Саша испытывает тревоженность и недоумение исчезновением родителей, невозможностью обратить внимание старшего брата на возникшую проблему, а также пытается подчеркнуть своё психологическое состояние (повторы местоимения «я»), вызванное страхом, о чём свидетельствует также использование полиптота (я – мне, боюсь – страшно).

Анафора играет важную роль в передаче больничной атмосферы, которая, создавая синтаксический рисунок кольца, давит на ребёнка со всех сторон:

«Врачи ничего не заметили, потому что немножко застряли в дверях: не могут разобраться, кто будет входить первый <...> тёнька кладёт свою тетрадку на мою тумбочку и идёт открывать форточку <...> тёнька обиженно отвечает, что она первый день после отпуска, сейчас всё выяснит, скорее всего, пациенты ещё не вернулись с праздников. Врач говорит, что нужно срочно возвращать: новый год уже вторые сутки, или через час все здесь, или пусть пишут отказ <...> врач убирает руку и говорит: «Отлично, после обеда выписываем». Тёнька зеваёт, кивает и что-то записывает. Врач говорит, что прямо сейчас я могу позвонить маме и сказать, что я здоров. Тёнька что-то записывает, а он быстро уходит».

5. Риторические конструкции

В произведении также важны риторические конструкции, позволяющие раскрыть детско-родительские отношения, и именно поэтому используются при передаче всех трёх видов недуга. Особенно ярко это можно наблюдать при описании панических атак,

в которых риторические конструкции способствуют динамичному изображению непосредственного развития мыслей персонажа, окрашенных чувством страха:

- вопросительная: *«а зачем сейчас ушанка? Из-за этого колючего снега?»*, *«Куда пропали? Где они? <...> Это шутка? Они пошутили? Да? Тогда почему так страшно?»*;
- восклицательная: *«я здесь! Прямо перед тобой! <...> Посмотри на меня!»* и т.д.;
- вопросительно-восклицательная: *«Он рядом, а эти?! <...> Гдеее?!»* и т.д.;
- риторические обращения: *«мама, откуда здесь снег?»*.

Благодаря восклицанию вопросу ребёнок старается быть услышанным взрослыми и, самое главное, родителями, однако все фразы остаются риторическими – взаимопонимание не достигнуто.

Результатом таких отношений является неумение юного героя выстраивать диалог с остальным взрослым миром, что подчёркивается благодаря использованию автором приёма несобственно-прямой речи:

«Звонить?! Кому?! Маме?! Вы что не знаете, что её нет уже два дня? И папы тоже нет. Никого нет. Кому мне звонить? Эй, не уходите! Куда вы пошли? Отвечайте!».

Саша нуждается в понимании со стороны взрослых, хочет, чтобы его услышали, однако, привыкший к тому, что родители его постоянно игнорируют, он, столкнувшись с чужими взрослыми, выстраивает подобное поведение, именно поэтому риторические конструкции остаются не высказанными вслух и потому не услышанными врачами.

6. Простые и сложные предложения

Стоит также обратить внимание на видовой состав предложений. Соотношение простых и сложных предложений в повести выполняет несколько функций.

Во-первых, позволяет рассмотреть недуги юных героев с точки зрения двух сторон: взрослых и больного ребёнка. Сложные синтаксические конструкции раскрывают важность и серьёзность недугов в восприятии самого ребёнка:

- дислексии: *«Я много занимаюсь, очень много, мне кажется, я родился и сразу начал заниматься, но всё равно иногда получается вот такая ерунда», «когда на его стуле появилась царанка ТАРС – я всегда пишу с ошибками, он вместо того, чтобы наорать, сказал, что теперь его зовут только так и попросил по-другому не называть», «в прошлом году дедушка Боря не разрешал идти дальше, пока их не прочитаю. Он перестал кричать только когда какая-то тётя достала телефон и начала снимать – тогда деда сам всё прочитал, и мы домой быстро пошли» и др.*
- светового ожога глаз: *«С глазами правда лучше. Немножко чешутся, но не так как вначале. Может, я из-за них спать не могу? <...> Я уже дал себе слово больше никогда в жизни не играть и хотел вытащить батарейки из джойстика, но тут Тарс заорал: «А ты в больнице кварц случайно не словил? Как раз шесть часов прошло. Здесь пишут, что через пять-семь часов проявляется». Я признался, что это слово слышал – его Тележка кричала, когда от двери отгоняла. Значит, это не медвежонка так зовут, а того, кто меня ослепил <...> Настоящим Кварцем оказалась кварцевая лампа со специальным голубым светом, который не только убивает микробов, но и портит зрение».*

Ребёнок пытается донести важность недугов до взрослых с целью получения поддержки и понимания, которых он лишён. Двусоставные предложения имеют то же значение, что и сложные – для юного героя важны и предмет описания, и действия, которые совершаются в ходе этого описания, так как они непрерывно связаны с недугом. Родители, дедушка, в отличие от Саши, относятся к данному недугу с несерьёзностью, о чём свидетельствует использование простых предложений (*«Просто тогда буквы по-другому сложились. Папа называет это дуболексия, а меня – дуболексиком. Только когда делаю уроки» и др.*).

Во-вторых, автор создаёт синтаксический рисунок такого недуга, как панические атаки. Данное расстройство, как было указано ранее, описывается двумя противоположными базовыми синтаксическими

средствами: с одной стороны, благодаря использованию простых предложений, парцелляции и сегментации, которые позволяют рассмотреть внешнее проявление расстройства. С другой стороны, при помощи сложных предложений, что создаёт ощущение тягучести, свойственное завладевающему с каждой секундой всё сильнее мальчиком страху – страху не найти родителей, оказаться одному, никому не нужным:

«Врач на мои мысленные вопли не обращает никакого внимания, он подходит к кровати Шарика, сдвигает брови, морщится, стряхивает шоколадные крошки, потом наклоняется над трубкой, рассматривает её с разных сторон. <...> Наверное, он сильно кричит, потому что Шарик почти сдулся, но я не слышу ни слова – прямо как в старой ушанке, которая самая тёплая, для сильного мороза».

Такое приглушение происходящего вокруг, его усиленное замедление погружает читателя через внутренний монолог во внутрь самого состояния, переживаемого героем.

Использование неполных двусоставных предложений передаёт отрешённое состояние юного героя во время панической атаки: Саша не знает, кто надевает и снимает на его голову невидимую ушанку, которая вызвана увеличением давления в области ушей, и не до конца осознаёт происходящее с собой: *«всё, ушанку сняли. Большие не глухой и никакого сладкого снега нет».*

При изображении всех трёх видов недуга Е. Немеш использует односоставные предложения, в большинстве – глагольного типа (*«Куда пропали?»*, *«Наверное, от ужаса тоже исчезну»*, *«Посмотри на меня!»*, *«У меня так всегда с коворой: никогда сразу корова не получается. Только когда карточку разберём»* и др.), что, скорее, не раскрывает экспрессивность, а позволяет читателю погрузиться в эмоциональную сферу героя, которое зачастую не зависит от его воли – реакции героя носят стихийный характер и полностью мотивированы его внутренними переживаниями.

Заключение

Итак, с целью выявления основных синтаксических средств выражения экспрессивности в современной детско-юношеской прозе,

освещающей недуги героев-детей, и определения их значения нами произведён анализ повести Евы Немеш «Выключите орфографию». Были рассмотрены синтаксические конструкции и их экспрессивность при описании таких недугов, как физические (световой ожог глаз, аллергия), психологический (панические атаки) и психический (дислексия), а также при иллюстрации больничной среды, в которой вынуждены оказаться дети. В ходе анализа 269 (100%) предложений установлено, что для создания ассиметричного синтаксического рисунка Ева Немеш обращается к таким экспрессивным конструкциям, как инверсивное словорасположение, что составляет 32% от общего количества выбранных нами предложений – через них передаются болезненность, неправильность взаимоотношений между родителями и их детьми; повторы и его разновидности (дистантные, анафора) – 5%, сегментированные (13%) и парцелированные (22%) конструкции, позволяющие создать «эффект кадра», замедляя происходящее, что мотивировано физиологическими особенностями описываемого недуга – панической атаки.

Немаловажным становится использование автором риторических конструкций: риторические вопросы, восклицания, обращения и вопросно-восклицательные формы составили 15% от общего количества предложений, описывающих недуги детей. Они не только раскрывают кульминацию эмоций и чувств героев, но и играют значительную роль в обрисовке нарушения детско-родительских отношений. Помимо этого, автор намеренно лишает героев диалога: между собой переговариваются лишь братья – Тарас и Саша. Все остальные герои кричат, ругаются, однако силён мотив глухоты – друг друга они не слышат. Об этом свидетельствует и то, что детский писатель наделяет речь юного героя сложными предложениями (111 предложений из 269 выбранных нами – 41%), демонстрирующими серьёзное отношение к своим недугам, и простыми (158 предложений – 59%) – реплики родителей, которые не стремятся выслушать своих детей и узнать об их эмоциональном состоянии. Реакция маленького героя на такое отношение неосознанное, раскрывается это благодаря применению эллиптических

конструкций (2%) и односоставных предложений глагольного типа (73 предложения – 27%). Помимо этого, эти приёмы погружают читателя в само переживание недуга героем, что также позволяет автору усилить экспрессивность.

Таким образом, Ева Немеш, вкрапляя в канву повествования детские недуги и лишая их исцеления, доносит до читателей мысль о том, что только конструктивный диалог, в ходе которого родители будут интересоваться эмоциями, самочувствием своих детей, может привести к полному их искоренению.

Список литературы

1. Арсланбекова З.Ш. Открытый семантический ряд как средство экспрессивного синтаксиса в военных повестях (1941-1945 гг.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 4(5). С. 50-52.
2. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
3. Береговская Э.М. Живая риторика. СПб.: Люмбер, 2011. 180 с.
4. Божкова Г.Н., Ахметзянова Э.И. Болезни и недуги героев подростковой прозы XX – XXI вв // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 457-460.
5. Дарбишева Х.А. Экспрессивный синтаксис в письмах-оферта // Вестник Самарского государственного университета. 2008. №. 66. С. 312-323.
6. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2006. С. 86-101.
7. Книгуру. URL: <http://kniguru.info/?ysclid=lcov6fr51g265229585> (дата обращения 03.03.2023)
8. Кораблева Е.А., Давыдова М.М. Экспрессивный синтаксис в детской художественной литературе (на материале английского языка) // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, №. 5. С. 315-321.
9. Ксензенко О.А. Синтактико-стилистические особенности экспрессивности рекламных текстов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2013. №. 3. С. 181-186.

10. Макарова Ю.А. Функции парцелляции как средства экспрессивно-го синтаксиса (на материале романа Уве Тимма «На примере моего брата») // Эволюция современной науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 15 апреля 2015 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2015. С. 69-71.
11. Немеш Е. Выключите орфографию // Книгуру. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadtsatogo-sezona/vyiklyuchite-orfografiyu-eva-nemesh> (дата обращения: 15.03.2023).
12. Пелевина Н.Н. Лингвистические средства выражения эмоций в немецкой детской литературе // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: Материалы Всероссийской конференции памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента СО АН Высшей школы России Юрия Марцельевича Малиновича, Абакан, 27–28 апреля 2017 года. Абакан: Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2017. С. 58-62.
13. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования А.П. Сковородников. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 255 с.
14. Тавасиева А.З. «Детский» синтаксис Бернара Фрио // Риторика. Лингвистика. 2018. № 13. С. 38-46.
15. Del Hoyo Soriano L. The association between expressive language skills and adaptive behavior in individuals with Down syndrome // Scientific reports. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36411304/> (дата обращения: 12.03.2023).
16. Eigsti I.M., Cicchetti D. The impact of child maltreatment on expressive syntax at 60 months // *Developmental Science*. 2004, vol. 7, no. 1, pp. 88-102.
17. Komesidou R. Growth of expressive syntax in children with fragile X syndrome // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2017. Vol. 60, no. 2, pp. 422-434.
18. Law J., Garrett Z., Nye C. Speech, and language therapy interventions for children with primary speech and language delay or disorder // *Campbell systematic reviews*. 2005, vol. 1, no. 1, pp. 1-85.

19. Martin G.E. Longitudinal profiles of expressive vocabulary, syntax and pragmatic language in boys with fragile X syndrome or Down syndrome // *International journal of language & communication disorders*. 2013, vol. 48, no. 4, pp. 432-443.

References

1. Arslanbekova Z.Sh. Otkrytyj semanticheskij rjad kak sredstvo jekspressivnogo sintaksisa v voennyh povestjah (1941-1945 gg.) [Open Semantic Series as a means of expressive syntax in Military Novels (1941-1945)]. *Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* [News of Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities], 2008, no. 4(5), pp. 50-52.
2. Beregovskaja Je.M. *Stilistika v podrobnostjah* [Stylistics in detail]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2009, 232 p.
3. Beregovskaja Je.M. *Zhivaja ritorika* [Live rhetoric]. St. Petersburg: Ljum'er Publ., 2011, 180 p.
4. Bozhkova G.N., Ahmetzjanova E.I. Bolezni i nedugi geroev podrostkovoju prozy XX–XXI vv [Diseases and ailments of the heroes of teenage prose of the XX – XXI centuries]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Novgorod State University], 2021, no. 4(37), pp. 457-460.
5. Darbisheva H.A. *Jekspressivnyj sintaksis v pis'mah-oferta* [Expressive syntax in letters-offer]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2008, no. 66, pp. 312-323.
6. Zolotova G.A. Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka [An essay on the functional syntax of the Russian language]. *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki: ucheb. posobie* [Actual Problems of Modern Linguistics]. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 2006, pp. 86-101.
7. Kniguru. URL: <http://kniguru.info/?ysclid=lcov6fr51g265229585> (accessed March 03, 2023)
8. Korableva E.A., Davydova M.M. Jekspressivnyj sintaksis v detskoj hudozhestvennoj literature (na materiale anglijskogo jazyka) [Expressive syntax in children's fiction (based on the material of the English

- language)]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2020, vol. 9, no. 5, pp. 315-321.
9. Ksenzenko O.A. Sintatiko-stilisticheskie osobennosti jekspressivnosti reklamnyh tekstov [Syntactic and stylistic features of expressiveness of advertising texts]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2013, no. 3, pp. 181-186.
  10. Makarova Ju.A. Funkcii parcelljarii kak sredstva jekspressivnogo sintaksisa (na materiale romana Uve Timma «Na primere moego brata») [Functions of parcelling as a means of expressive syntax (based on the material of the novel by Uwe Timm *On the Example of My Brother*)]. *Jevoljucija sovremennoj nauki* [Evolution of Modern Science], 2015, pp. 69-71.
  11. Nemesh E. Vyklyuchite orfografiu [Turn off spelling]. *Kniguru* [Kniguru]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadsatogo-sezona/vyklyuchite-orfografiyu-eva-nemesh> (accessed March 15, 2023).
  12. Pelevina N.N. Lingvisticheskie sredstva vyrazhenija jemocij v nemeckoj detskoj literature [Linguistic means of expressing emotions in German children's literature]. *Vnutrennij mir cheloveka: jemocii, kognicija, komunikacija* [The Inner World of a Person: Emotions, Cognition, Communication]. Abakan: Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova, 2017, pp. 58-62.
  13. Skovorodnikov A.P. *Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: Opyt sistemnogo issledovanija A.P. Skovorodnikov* [Expressive syntactic constructions of the Modern Russian literary language: The Experience of system research A.P. Skovorodnikov]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1981, 255 p.
  14. Tavasieva A.Z. "Detskij" sintaksis Bernara Frio ["Children's" syntax by Bernard Frio]. *Ritorika. Lingvistika* [Rhetoric. Linguistics], 2018, no 13, pp. 38-46.
  15. Del Hoyo Soriano L. The association between expressive language skills and adaptive behavior in individuals with Down syndrome. *Scientific reports*. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36411304/> (accessed March 12, 2023).

16. Eigsti I.M., Cicchetti D. The impact of child maltreatment on expressive syntax at 60 months. *Developmental Science*, 2004, vol. 7, no. 1, pp. 88-102.
17. Komesidou R. Growth of expressive syntax in children with fragile X syndrome. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2017, vol. 60, no. 2, pp. 422-434.
18. Law J., Garrett Z., Nye C. Speech, and language therapy interventions for children with primary speech and language delay or disorder. *Campbell systematic reviews*, 2005, vol. 1, no. 1, pp. 1-85.
19. Martin G.E. Longitudinal profiles of expressive vocabulary, syntax and pragmatic language in boys with fragile X syndrome or Down syndrome. *International journal of language & communication disorders*, 2013, vol. 48, no. 4, pp. 432-443.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ахметзянова Эльвина Илнаровна, студент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) Федерального Университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
aelvina@inbox.ru

Ибрагимова Эльмира Рашитовна, кандидат филологических

наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Елабужский институт Казанского (Приволжского) Федерального Университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
elmira915@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elvina I. Akhmetzyanova, student

Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Russian Federation

aelvina@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4456-3871>

Elmira R. Ibragimova, PhD in Philology, Associate Professor of the
Department of Russian Language and Literature

Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University

89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Russian Federation

elmira915@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8990-1176>

Поступила 21.03.2023

После рецензирования 28.03.2023

Принята 06.04.2023

Received 21.03.2023

Revised 28.03.2023

Accepted 06.04.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-188-203

УДК 81.23

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛЕНГИЗМОВ В РОМАНЕ АННЫ ТОДД «ПОСЛЕ»

Т.В. Сапух, Д.А. Броцман

Статья посвящена изучению особенностей перевода сленгизмов в романе Анны Тодд «После». Авторы определяют сленг как бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, некодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определённой социальной или профессиональной среде. Сленгизмы – единицы лексико-фразеологической системы сленга, используемые в общенародной устной и письменной речи. В данной статье сравниваются переводы романа «После» («After») современной американской писательницы Анны Тодд на русский язык.

Цель исследования. Изучить особенности перевода сленгизмов на примере официального и неофициального (любительского) переводов романа Анны Тодд «After» («После»).

Материалы и методы. Материалом исследования является роман А. Тодд «After» («После»), его официальный перевод, выполненный М. Беляковым и неофициальный перевод, взятый с сайта [Ficbook.com](http://ficbook.com), выполненный переводчиком-любителем. При проведении исследования был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: теоретический анализ научных исследований по проблеме, метод сплошной выборки, анализ и интерпретация полученных результатов.

Результаты. На основе анализа корпуса примеров было выявлено, что при переводе сленгизмов в романе А. Тодд «После» чаще

всего использовались такие приемы перевода, как вариантное соответствие, смысловое развитие, контекстуальный перевод. При переводе сленгизмов переводчики учитывали такие факторы, как возраст, социальные и личные качества персонажей, а также уникальный стиль языка автора.

Ключевые слова: сленг; сленгизмы; перевод; переводческие трансформации; приемы перевода

Для цитирования. Сапух Т.В., Броцман Д.А. Особенности перевода сленгизмов в романе Анны Тодд «После» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 188-203. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-188-203

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

PECULIARITIES OF SLANGISMS TRANSLATION IN ANNA TODD'S NOVEL «AFTER»

T.V. Sapukh, D.A. Brotsman

Background. *The article is devoted to the study of the peculiarities of the translation of slangisms in Anna Todd's novel After. The authors define slang as fragile, unstable, non-codified, and often completely random collections of lexemes that exist in the colloquial sphere, reflecting the public consciousness of people belonging to a certain social or professional environment. Slangisms are units of the lexical and phraseological system of slang used in popular oral and written speech. This article compares the translations of the novel After by the modern American writer A. Todd into Russian.*

Purpose. *The purpose of the article is to study the features of the translation of slangisms on the example of official and unofficial (amateur) translations of A. Todd's novel After.*

Materials and methods. *The material of the study is A. Todd's novel After, its official translation by M. Belyakov and an unofficial translation taken from the Ficbook.com website, performed by an amateur trans-*

lator. During the study, a set of complementary research methods was used: theoretical analysis of scientific research on the problem, continuous sampling method, analysis and interpretation of the results obtained.

Results. *Based on the analysis of the corpus of examples, it was revealed that when translating slangisms in A. Todd's novel After, such translation techniques as variant correspondence, semantic development, and contextual translation were most often used. When translating slangisms, translators considered such factors as the age, social and personal qualities of the characters, as well as the unique style of the author's language.*

Keywords: *slang; slangisms; translation; translation transformations; translation techniques*

For citation. *Sapukh T.V., Brotsman D.A. Peculiarities of Slangisms Translation in Anna Todd's Novel After. Sovremennyye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 188-203. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-188-203*

Введение

Цель. Рассмотреть понятие «сленгизм» и на примере переводов романа Анны Тодд «After» («После») выявить приемы перевода сленгизмов.

Актуальность. Сленг – это жизненно важный аспект разговорного английского языка. Актуальность его изучения заключается в том, что в современном мире, обусловленном глобализацией и Интернетом, сленг развивается быстрыми темпами. Новые тенденции приводят к появлению новых слов и выражений, которые постепенно становятся частью повседневной жизни не только носителей английского языка, но и тех, кто его изучает. Культура сленга часто характеризуется использованием экспрессивного, а иногда даже грубого или оскорбительного языка, который привлекает молодежь и заставляет ее использовать сленговые выражения. Часто это может звучать совершенно бессмысленно, как абсурдный набор слов, которые невозможно понять без дальнейших объяснений. Однако влияние сленга на нашу жизнь трудно отрицать. Он проникает в со-

временную неформальную речь и постепенно становится обычной частью повседневного общения.

Большинство зарубежных и некоторые российские лингвисты считают, что влияние экстралингвистических условий на существование языка затрагивает лишь его лексико-семантический состав: возникает большая или меньшая в количественном отношении прослойка «социально окрашенных» слов, которая, собственно, и определяет характер и существо социальных диалектов. Однако в действительности язык во всех его проявлениях и разновидностях (включая различные диалекты) предстает исключительно как социальное явление: было бы неверно считать, что основные факторы, регулирующие существование и развитие языка, имеют только «внутриязыковой характер» или что язык – это «саморегулирующая система», а социальные факторы – лишь «периферийные влияния» [5].

Одной из самых популярных работ, затрагивающих проблему сленга, является книга известного исследователя сленга Э. Партриджа «Slang Today and Yesterday». В этой работе Э. Партридж определяет сленг как сознательное и преднамеренное использование элементов из общего словарного запаса в повседневной речи исключительно в стилистических целях: для создания ощущения новизны, уникальности, отличия от признанных норм, для передачи настроения говорящего, придания специфичности, живости, выразительности, живости, точности, краткости, образности, избегания клише и стереотипов. Это достигается, как считает этот исследователь, использованием таких стилистических средств, как метафора, метонимия, синекдоха, эвфемизм. В сленге, по мнению Э. Партриджа, широко используются звукоподражание, словообразование, сокращение структуры слова, превращение собственных существительных в обычные, заимствования, а также новообразования, окказионализмы, слова, заимствованные из жаргона [15].

Э. Партридж, а также его последователи Дж. Гринок и К.И. Киттридж определяют сленг как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, не кодифицированные, а часто и вообще беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие

общественное сознание людей, принадлежащих к определённой социальной или профессиональной среде» [6, с. 12]. Сленгизмы – единицы лексико-фразеологической системы сленга, используемые в общенародной устной и письменной речи.

Сленгизмы в художественных произведениях и их переводы представляют собой богатую область для изучения. Перевод художественной литературы в настоящее время не ограничивается лишь адекватной передачей смысла, «перевод представляет собой некий интеллектуально-деятельностный континуум, направленный на понимание, формирующийся и функционирующий в режиме прирастающего поступания и осциллирующий на грани культур, субкультур и индивидуального экзистенциально-культурного опыта личности. Именно поэтому изучение перевода сленгизмов является актуальным вопросом в переводческой деятельности сегодня [3].

Молодежный сленг как неотъемлемая часть языковой личности неизбежно появляется в современной художественной литературе. Без него диалоги между персонажами были бы безликими, лишёнными языковых характеристик и даже нереалистичными. Кроме того, «непосредственное устное языковое общение продолжает оставаться важнейшей сферой функционирования языка» [13, с. 54]. Сленговые выражения отражают эмоционально-оценочное отношение людей к окружающему миру, отражают их ценности и другие внутренние качества, служат средством создания лингвистического портрета персонажа. Поэтому так важно точно перевести их с языка оригинала на другие языки мира [7].

При этом неизбежно возникает проблема эквивалентности перевода сленга. Точные соответствия не всегда присутствуют в языке перевода, что делает эквивалентность ключевым понятием в переводе.

Проблемы, касающиеся перевода английского сленга в художественных произведениях, рассматривались в работах Е.С. Николаевой, Е.В. Подольцевой [8], Е.А. Ермолаевой, А.И. Свидченко [4], Е.Д. Родионовой [12] и др.

Л.С. Бархударов придерживается мнения, что для перевода сленга используются те же приемы, что и для перевода литературной лексики. При переводе сленгизмов метод буквального (прямого) перевода следует использовать только в редких случаях и только тогда, когда значение слова понятно читателю без специальных комментариев [1, с. 189].

Материалы и методы

Материалом исследования является роман Анны Тодд «After» («После»), его официальный перевод, выполненный М. Беляковым и неофициальный перевод, взятый с сайта Ficbook.com, выполненный переводчиком-любителем. При проведении исследования был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: теоретический анализ научных исследований по проблеме, метод сплошной выборки, анализ и интерпретация полученных результатов.

Результаты и обсуждение

В данной статье сравниваются переводы романа «После» («After») современной американской писательницы А. Тодд на русский язык. История про парня и девушку, про развитие их отношений со множеством проблем при вступлении во взрослую жизнь покорила сердца миллионов подростков во всем мире. Роман повествует о проблемах, которые являются типичными для всех взрослеющих молодых людей, таких как отношения с родителями, безответная любовь, повышенная раздражительность и нервное поведение.

Исследование переводов романа «После» А. Тодд на русский язык представляет интерес, т.к. каждый роман из серии переведен несколькими переводчиками, как профессионалами, так и любителями. Первый и официальный роман серии опубликован в переводе М. Белякова. Поскольку для сравнения переводов нет официального перевода, выполненный переводчиком-профессионалом, был взят перевод романа с сайта Ficbook.com, выполненный переводчиком-любителем. Сайт Ficbook.com – это русскоязычный архив фанфикшена, а также оригинальной прозы, поэзии и публицистики,

размещаемых пользователями на безвозмездной основе.

Анализ способов перевода сленгизмов в романе показал, что при переводе данного произведения используются различные приемы, среди которых можно выделить следующие:

Опущение – способ перевода, при котором лексически и семантически избыточные слова, и словосочетания подвергаются извлечению из текста.

Вариантными соответствиями переводятся различные части речи и их формы, особенно те, которые отсутствуют или отличаются в языке, на который делается перевод.

Смысловое развитие при переводе заключается в том, что в переводе используется слово или словосочетание, значение которого является логическим развитием значения переводимой единицы [11].

Контекстуальный перевод используется при отсутствии эквивалентов и аналогов, в том случае, если фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами [9].

Перейдем к сравнению перевод и приемов, которые выбрали переводчики.

«*You having fun yet, roomie?* [16, p. 29]»

Официальный перевод: *Ещё веселишься, соседка?* [14, с. 21]

Неофициальный перевод: *Ты веселишься?* [10]

Сленгизм *roomie* переводится на русский язык как *сосед по комнате*. В данном примере в официальном переводе переводчик использовал вариантное соответствие, а в неофициальном переводе переводчик вообще опустил это слово при переводе. Помимо «*сосед по комнате*», у слова есть более приближенное значение «*соседушка*». Окончание –*ie* указывает на смягчение оценки говорящего и выражение положительных эмоций по отношению к характеризуемому объекту. Суффикс –*ie* считается одним из самых употребительных суффиксов разговорного (неформального) функционального стиля, в том числе сленга [2].

«*I quickly set the security code and bolt out the door, and when I reach Dan's Audi, I realize he's brought a couple of his dudebro friends along*» [16, p. 27].

Официальный перевод: *Быстренько вбиваю код на панели сиг-нализации и вылетаю во двор. Подбежав к «Ауди» Дэна, вижу, что он прихватил с собой корешей [14, с. 25].*

Неофициальный перевод: *Я быстро устанавливаю код безопасности и выбегаю за дверь, а когда добираюсь до Audi Дэна, понимаю, что он привел с собой пару своих друзей-пижонов [10].*

Сленгизм *dudebro* используется для описания особо класса молодых людей с сомнительными интересами: дешёвое спиртное, девушки, университетский футбол. Как правило, такие люди не уверены в себе, из-за чего их самооценка подвергается испытанию. Слово несёт яркое негативное значение. В официальном и неофициальном переводах используется функциональный аналог, однако по своему значению слово «пижон», которое используется во втором случае, ближе к оригиналу.

«Nate greets the girls as they walk up to the car. Steph is dressed in a fishnet dress, and her tagalong is wearing what looks like a maroon sack» [16, p. 53].

Официальный перевод: – *Дамы, – приветствует Нэт девченок, когда те садятся к нам. Стеф надела похожее на сетку платье, а подружка нацепила нечто вроде бордового мешка [14, с. 47].*

Неофициальный перевод: *Нейт приветствует девушек, когда они подходят к машине. Стеф одета в платье в сеточку, а ее спутница - в нечто похожее на бордовый мешок [10].*

Сленгизм *tagalong* используется по отношению к человеку, который везде за кем-то следует. Слово имеет негативную окраску. В официальном и неофициальном переводах используется функциональный аналог, который не раскрывает стилистический окрас слова в оригинале.

«Chill out . . . it's three a.m.» [16, p. 58]

Официальный перевод: – *Успокойся. Три часа ночи [14, с. 39].*

Неофициальный перевод: – *Успокойся... сейчас три утра [10].*

Выражение *chill out* переводится как *успокоиться, остыть*. В обоих переводах переводчики использовали прием вариантного соответствия.

«*His eyes are bloodshot, and his hair is hidden under a gray beanie*» [16, p. 121].

Официальный перевод: *Глаза налиты кровью, на голове – серая шапочка* [14, с. 80].

Неофициальный перевод: *Его глаза красные, а волосы спрятаны под серой шапкой* [10].

Сленгизм *beanie* имеет значение *шапка (обычно вязаная)*. В обоих переводах переводчики также использовали прием вариантного соответствия.

«*I walk out into the hallway and convince some frat newbie to move Steph's body to an empty room down the hall*» [16, p. 60].

Официальный перевод: *Выхожу в коридор и ловлю первого попавшегося новичка, уговариваю помочь перенести Стеф в другую комнату* [14, с. 53].

Неофициальный перевод: *Я выхожу в коридор и уговариваю новичка из братства перенести тело Стеф в пустую комнату в конце коридора* [10].

Сленгизм *newbie* переводится на русский язык как *новичок*, т.е. человек, который только начал заниматься какой-либо деятельностью, работой. В русском языке уже есть устоявшийся эквивалент для этого слова, поэтому переводчики используют его.

«*I went to Landon's house because Hardin was drunk and he was breaking things, and the time just got lost, I guess, so by the time we cleaned up, it was really late and my phone was dead, – I lie*» [16, p. 151].

Официальный перевод: *Я поехала в дом Лэндона, потому что Хардин напился и ломал мебель, а потом мы потеряли время, пока все убрали, и было очень поздно, а телефон разрядился, – вру я* [14, с. 168].

Неофициальный перевод: *Я поехала в дом Лэндона, потому что Хардин был пьян и бил посуду, я потеряла счет времени, я думаю, и к тому времени как мы убрались, было уже так поздно, и мой телефон разрядился, – вру я* [10].

Выражение *my phone was dead* переводится как *мой телефон разрядился*. В обоих случаях переводчики использовали прием кон-

текстуального перевода.

«I should have known that bringing up the subject of her lame-ass boyfriend would be a trigger for her temper». [16, p. 89]

Официальный перевод: *Не следовало заговаривать о ее тупице-бойфренде* [14, с. 80].

Неофициальный перевод: *Я должен был догадаться, что разговор о ее отстойном бойфренде спровоцирует ее гнев* [10].

Прилагательным *lame-ass* описывается человек, который осознанно ведёт себя не самым лучшим образом. В официальном и неофициальном вариантах перевода используется функциональный аналог.

«I love this damaged, self-loathing asshole so much that I'm afraid it will crush me» [16, p. 321].

Официальный перевод: *Я так сильно люблю этого свихнувшегося, озлобленного идиота, что боюсь, что он меня погубит* [14, с. 364].

Неофициальный перевод: *Я люблю этого испорченного, самовлюбленного придурка так сильно, но боюсь, что это может разрушить меня окончательно* [10].

Выражение *self-loathing* используется для описания человека, который негативно относится к себе, ненавидит самого себя.

В данном примере переводчик неофициального перевода неправильно истолковал значение слова, поэтому выбрал при переводе слово *самовлюбленный*. В официальном переводе был применен прием контекстуального перевода. Возможно, здесь мог быть уместен метод функционального аналога – это способ передачи неологизмов с использованием уже существующих аналогов в переводящем языке [3].

Заключение

Таким образом, при переводе сленгизмов в романе А. Тодд «После» чаще всего используются такие приемы, как вариантное соответствие, смысловое развитие, контекстуальный перевод. В некоторых случаях сленгизмы опускались при переводе либо пе-

реводились разговорными словами и выражениями. Перевод сленгизмов может быть сложной задачей из-за его многогранности и размытости границ между их составляющими. В частности, при переводе сленговых слов, встречающихся в художественных произведениях, переводчику необходимо учитывать такие факторы, как возраст, социальные и личные качества персонажей, а также уникальный стиль языка автора. Переводчик сталкивается с трудностью поиска выразительных средств, которые бы точно передавали содержание оригинала как семантически, так и стилистически.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Межд. отношения. 1975. 237 с.
2. Белова А.С. Английские диминутивные суффиксы -ie, -y, -ish и русские уменьшительно-ласкательные суффиксы с точки зрения перевода // В многомерном пространстве современной лингвистики: Сборник работ молодых учёных / Отв. ред. О.А. Сулейманова, сост. К.С. Карданова-Бирюкова. Том 2. М.: ООО «ПРИНТИКА», 2021. С. 5-14.
3. Демидова О.Р. На границе «своего» и «чужого»: герменевтика перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции / Главный редактор М.В. Норец. 2018. С. 139-143.
4. Ермолаева Е.А. Определение и общие характеристики понятий «сленг» и «жаргон», их роль в художественной литературе / Е.А. Ермолаева, А.И. Свидченко // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XI-ой Всероссийской конференции, посвященной 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. С. 6-9.
5. Кротовская М.А. Сленг как часть разговорного английского // Материалы межвузовской научно-практической конференции Факультета иностранных языков Академии ФСБ «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе. М., 2013. С. 58-67.
6. Маковский М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология. М.: Едиториал УРСС, 2020. 168 с.

7. Мозжегорова Е.Н. Способы адаптации сленга в художественном переводе на русский язык произведений М. Коул / Е.Н. Мозжегорова, Е.Н. Засецкова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1(110). С. 52-61. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.007>
8. Николаева Е.С. Особенности перевода сленга в современной художественной литературе (на материале английского и русского языков) / Е.С. Николаева, Е.В. Подольцева // Филологический аспект. 2020. № 8(64). С. 78-85.
9. Пархомик В.В. Контекстуальный и комбинированный переводы как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Grimm с немецкого языка на русский и белорусский языки. // Современная филология: материалы IV Межд. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа: Лето, 2015. С. 114-117. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7448/> (дата обращения: 14.02.2023).
10. После: Книга фанфиков – архив и платформа публикации фанфикшена. URL: <http://ficbook.net/readfic/895142> (дата обращения: 14.02.2023)
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Межд. отношения, 2016. 244 с.
12. Родионова Е.Д. Особенности перевода английского сленга в художественной литературе // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Москва, 08–09 апреля 2014 г. МГГУ им. М.А. Шолохова. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014. С. 179-185.
13. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во СГУ, 1985. 210 с.
14. Тодд А. После / Пер. с англ. М. Белякова. М.: Эксмо, 2014. 544 с.
15. Partridge E. Slang Today and Yesterday. London: Routledge and Kegan Paul, 2017, 433 p.
16. Todd A. After: The After Series Book 1 NY: Simon & Schuster, 2019, 596 p.

References

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and Translation: Issues in General and Special Translation Theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975, 237p.
2. Belova A.S. Anglijskie diminutivnye suffiksy -ie, -y, -ish i russkie umen'shitel'no-laskatel'nye suffiksy s tochki zreniya perevoda [English diminutive suffixes -ie, -y, -ish and Russian diminutive suffixes from the point of view of translation]. *V mnogomernom prostranstve sovremennoj lingvistiki: Sbornik rabot molodyh uchyonyh* [In the Multidimensional Space of Modern Linguistics: Collection of young scientists' works], 2021, vol. 2. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "PRINTIKA", 2021, pp. 5-14.
3. Demidova O.R. Na granice «svoego» i «chuzhogo»: hermenevtika perevoda [On the border of "own" and "alien": hermeneutics of translation]. *Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Translation Discourse: An Interdisciplinary Approach: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference], 2018, pp. 139-143.
4. Ermolaeva E.A. Opredelenie i obshchie karakteristiki ponyatij "sleng" i "zhargon", ih rol' v hudozhestvennoj literature [Definition and general characteristics of the concepts of "slang" and "jargon", their role in fiction]. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy dokladov XI-oy Vserossijskoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu SGU imeni N.G. Chernyshevskogo* [Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication: Materials of the Reports of the XIth All-Russian Conference Dedicated to the 110th Anniversary of SSU Named After N.G. Chernyshevsky]. Saratov: "Saratovskij istochnik" Publ., 2019, pp. 6-9.
5. Krotovskaya M.A. Sleng kak chast' razgovornogo anglijskogo [Slang as part of spoken English]. *Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Fakul'teta inostrannyh yazykov Akademii FSB "Sovremennye teorii i metody obucheniya inostrannym yazykam v vuze* [Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference of the Faculty of Foreign Languages of the Academy of the FSB "Modern

- Theories and Methods of Teaching Foreign Languages at the University]. Moscow, 2013, pp. 58-67.
6. Makovskij M.M. *Sovremennyy anglijskij sleng. Ontologiya, struktura, etimologiya*. [Modern English slang. Ontology, structure, etymology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2020, 168 p.
  7. Mozzhegorova E.N. Sposoby adaptacii slenga v hudozhestvennom perevode na russkij yazyk proizvedenij M. Koul [Ways of adapting slang in literary translation into Russian of M. Cole's novels]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University Named After I.Ya. Yakovlev], 2021, no 1(110), pp. 52-61. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.007>
  8. Nikolaeva E.S. Osobennosti perevoda slenga v sovremennoj hudozhestvennoj literature (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Peculiarities of slang translation in modern fiction (on the material of English and Russian languages)]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 2020, no. 8(64), pp. 78-85.
  9. Parhomik V.V. Kontekstual'nyj i kombinirovannyj perevody kak sposoby perevoda kontekstov s FE neverbal'nogo povedeniya cheloveka iz skazok brat'ev Grimm s nemeckogo yazyka na russkij i belorusskij yazyki [Contextual and combined translations as ways of translating contexts from phraseological units of non-verbal human behavior from the fairy tales of the Brothers Grimm from German into Russian and Belarusian]. *Sovremennaya filologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Modern Philology: Proceedings of the IV Intern. scientific conf.]. Ufa: Leto Publ., 2015, pp. 114-117. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7448/> (accessed February 14, 2023)
  10. *Posle. Kniga fanfikov – arhiv i platforma publikacii fanfikshena* [After. Fanfiction Book – Fanfiction Archive and Publishing Platform]. URL: <http://ficbook.net/readfic/895142> (accessed February 14, 2023)
  11. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhd. otnosheniya Publ., 2016, 244 p.

12. Rodionova E.D. Osobennosti perevoda anglijskogo slenga v hudozhestvennoj literature [Features of the translation of English slang in fiction]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvistiki: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh issledovatelej* [Theoretical and Applied Aspects of Linguistics: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference of Young Researchers]. Moscow: MSHU named After M.A. Sholohov, 2014, pp. 179-185.
13. Skrebnev Y.M. *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to colloquialistics]. Saratov: SGU Publ., 1985, 210 p.
14. Todd A. *Posle* [After]. Moscow: Eksmo Publ., 2014, 544 p.
15. Partridge E. *Slang Today and Yesterday*. London: Routledge and Kegan Paul, 2017, 433 p.
16. Todd A. *After: The After Series Book 1*. NY: Simon & Schuster, 2019, 596 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

tatsap@mail.ru

Броцман Дмитрий Андреевич, студент

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

brocman12@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
tatsap@mail.ru
SPIN-code: 3631-6059
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>
ResearcherID: X-2838-2019
Scopus Author ID: 57205510033

Dmitry A. Brotsman, student

Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
brocman12@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-2442>

Поступила 28.04.2023

После рецензирования 17.05.2023

Принята 23.05.2023

Received 28.04.2023

Revised 17.05.2023

Accepted 23.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-204-218

УДК 81.23

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОГО ЯВЛЕНИЯ BABY TALK

Т.В. Сапух, А.С. Кустова

Статья посвящена изучению перевода языкового явления baby talk. Baby talk – это лингвистический феномен, который обычно используется родителями и воспитателями при общении с младенцами и маленькими детьми. Данное языковое явление характеризуется следующими особенностями: упрощенный словарный запас, преувеличенные интонации, повторяющиеся звуки и слова, ритмические паттерны, невербальная коммуникация.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей перевода языкового явления baby talk на русский язык. Для этого следует выявить необходимость и значимость перевода языкового явления baby talk; определить трудности, с которыми могут столкнуться переводчики в процессе перевода языкового явления baby talk; определить стратегии перевода языкового явления baby talk.

Материалы и методы. Для решения поставленных задач были использованы как теоретические, так и практические методы исследования: анализ литературы по теории перевода и другим аспектам переводоведения; метод сплошной выборки для создания банка примеров языкового явления baby talk, анализ и интерпретация стратегий перевода языкового явления baby talk.

Результаты. Перевод baby talk с одного языка на другой может оказаться сложной задачей из-за различий в языковых структурах и культурных и контекстуальных различий между двумя языками. Переводчику может понадобиться применить различные страте-

гии, такие как использование существующих слов с похожим значением, создание новых слов или фраз, адаптация звуков и интонации языка оригинала, а также предоставление дополнительного контекста для передачи смысла. Каждая из этих стратегий имеет свои преимущества и ограничения, и наилучший подход будет зависеть от конкретного контекста и потребностей перевода.

Ключевые слова: *baby talk*; перевод; русский язык; лингвистические структуры; культурные коннотации

Для цитирования. Сапух Т.В., Кустова А.С. Особенности перевода языкового явления *baby talk* // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 204-218. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-204-218

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

TRANSLATION FEATURES OF THE BABY TALK LANGUAGE PHENOMENON

T.V. Sapukh, A.S. Kustova

Background. *The article is devoted to the study of the translation of the language phenomenon baby talk. Baby talk is a linguistic phenomenon commonly used by parents when communicating with infants and young children. This linguistic phenomenon is characterized by the following features: simplified vocabulary, exaggerated intonations, repetitive sounds and words, rhythmic patterns, non-verbal communication.*

Purpose. *The purpose of this article is to identify the features of the translation of the baby talk language phenomenon into Russian. To do this, it is necessary to identify the need and significance of the translation of the baby talk language phenomenon; identify the difficulties that translators may encounter in the process of translating the baby talk; identify strategies for translating the baby.*

Materials and methods. *To solve the tasks set, both theoretical and practical research methods were used: analysis of the literature on the*

theory of translation and other aspects of translation studies; continuous sampling method for creating a bank of examples of the baby talk language phenomenon, analysis and interpretation of translation strategies for the language phenomenon baby talk.

Results. *Translating baby talk from one language to another can be challenging due to differences in language structures and cultural and contextual differences between the two languages. The translator may need to use various strategies, such as using existing words with similar meanings, creating new words or phrases, adapting the sounds and intonations of the source language, and providing additional context to convey meaning. Each of these strategies has its own advantages and limitations, and the best approach will depend on the specific context and needs of the translation.*

Keywords: *baby talk; translation; Russian language; linguistic structures; cultural connotations*

For citation. *Sapukh T.V., Kustova A.S. Translation Features of the Baby Talk Language Phenomenon. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 204-218. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-204-218*

Введение

Цель. Рассмотреть языковое явление baby talk выявить приемы его перевода.

Актуальность. Baby talk, также известный как речь, направленная на младенцев, – это тип речи, который взрослые используют при общении с младенцами и маленькими детьми. Он характеризуется упрощенным словарным запасом, преувеличенными интонациями и ритмическими рисунками. Baby talk также включает в себя невербальное общение, такое как мимика, жесты и зрительный контакт.

Одной из основных особенностей baby talk является использование упрощенной лексики. Взрослые, которые разговаривают с детьми, часто используют короткие, простые слова, которые легко понять маленьким детям. Они также могут использовать повторяющиеся звуки и слова, чтобы закрепить важные понятия и идеи.

Еще одним важным аспектом baby talk является использование преувеличенных интонаций и ритмических рисунков. Взрослые, использующие baby talk, часто говорят на более высоком тоне и с большим интонационным разнообразием, чем при разговоре с другими взрослыми. Это помогает привлечь внимание маленьких детей и делает их речь более увлекательной и стимулирующей [14].

Невербальная коммуникация также является важным компонентом детского разговора. Взрослые, которые разговаривают с детьми, часто используют мимику, жесты и зрительный контакт, чтобы передать смысл и эмоции. Например, родитель может использовать улыбку и кивок головы, чтобы выразить одобрение, в то время как хмурое выражение лица и покачивание головы могут означать неодобрение [3].

Baby talk – это форма общения, которая используется для того, чтобы помочь маленьким детям выучить язык и наладить социальные связи. Хотя взрослым он может показаться необычным или даже глупым, он является неотъемлемой частью процесса развития языка и играет важную роль в воспитании детей младшего возраста.

Исследования baby talk проводились, в основном, зарубежными учеными, среди которых следует отметить работы R. Golinkoff [10], P. Suppes [13], G. Zellou and R. Scarborough [15]. Значительный вклад в исследование baby talk и его перевода на русский язык внесли такие отечественные исследователи, как С.Ю. Капкова [2], С.С. Шимберг [8], К.А. Солодова и А.Л. Ямпольская [6], О.И. Алирзаева [1]. Анализ их работ позволил выделить следующие ключевые особенности данного языкового явления.

Baby talk – это уникальная форма речи, которая характеризуется рядом отличительных лингвистических особенностей. К ним относятся:

1. Упрощенный словарный запас: baby talk часто включает в себя использование простых слов и фраз, которые легко понять маленьким детям. Это могут быть слова, которые часто повторяются, такие как «mommy», «daddy» и «baby», а также слова, описывающие обычные предметы и действия, такие как «ball», «eat» и «sleep» [12].

2. Преувеличенные интонации: baby talk часто характеризуется преувеличенными интонациями, когда говорящие используют высокие тона голоса, чтобы привлечь внимание маленьких детей. Это может помочь сделать речь более увлекательной и стимулирующей для маленьких слушателей [14].

3. Повторяющиеся звуки и слова: baby talk часто включает в себя использование повторяющихся звуков и слов, что может помочь закрепить важные понятия и идеи. Например, воспитатель может повторять такие слова, как «good» или «yes», чтобы выразить одобрение, или использовать повторяющийся звук «choo-choo», чтобы имитировать звук поезда.

4. Ритмические паттерны: baby talk часто имеет четкий ритм и каденцию, при этом говорящие используют паузы и ударения, чтобы подчеркнуть определенные слова или идеи. Это может помочь маленьким детям изучить закономерности и ритмы языка, что важно для развития их собственных речевых навыков.

5. Невербальная коммуникация: baby talk также включает в себя ряд невербальных средств общения, таких как мимика, жесты и зрительный контакт. Эти невербальные сигналы могут помочь передать смысл и эмоции и являются важной частью построения отношений между воспитателями и маленькими детьми [3].

Лингвистические особенности baby talk призваны сделать речь более доступной и увлекательной для маленьких детей, а также поддержать их языковое развитие и социализацию. Используя простую лексику, преувеличенную интонацию и другие отличительные особенности, воспитатели и педагоги могут помочь маленьким детям освоить язык и установить важные социальные связи.

Материалы и методы

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей перевода языкового явления baby talk на русский язык. Цель определяет круг задач, которые должны быть решены в процессе исследования:

- выявить необходимость и значимость перевода языкового явления baby talk;

- определить трудности, с которыми могут столкнуться переводчики в процессе перевода языкового явления baby talk;

- определить стратегии перевода языкового явления baby talk.

Для решения поставленных задач были использованы как теоретические, так и практические методы исследования: анализ литературы по теории перевода и другим аспектам переводоведения; метод сплошной выборки для создания банка примеров языкового явления baby talk, анализ и интерпретация стратегий перевода языкового явления baby talk.

Результаты и обсуждение

Перевод baby talk важен по целому ряду причин, особенно в современном глобализированном мире, где межкультурная коммуникация становится все более распространенной. Вот несколько основных причин, почему перевод baby talk важен:

1. Облегчение общения. Baby talk часто используется родителями, воспитателями и педагогами для общения с маленькими детьми. Когда эти дети принадлежат к разным языковым группам, перевод baby talk может облегчить общение и гарантировать, что они получают необходимую информацию и рекомендации.
2. Содействие развитию языка. Baby talk является важным компонентом языкового развития детей младшего возраста, поскольку он помогает детям изучать слова, звуки и грамматические правила. Когда дети сталкиваются с baby talk на незнакомом им языке, его перевод может помочь им продолжать развивать свои языковые навыки [9].
3. Построение взаимоотношений. Baby talk – это не только развитие языка, но и важный инструмент для построения отношений между воспитателями и маленькими детьми. Когда воспитатель имеет возможность общаться с ребенком на его родном языке, это помогает установить доверие и укрепить их отношения [10].
4. Поддержка образования. Перевод baby talk также может быть важен в образовательной среде. Например, когда педагоги ра-

ботают с детьми, говорящими на разных языках, перевод baby talk может помочь обеспечить полноценное участие всех детей в занятиях в классе и понимание получаемых ими инструкций.

Перевод baby talk на русский язык может быть сложным по нескольким причинам. Вот некоторые из трудностей, с которыми могут столкнуться переводчики:

1. Разница в словарном запасе. Baby talk часто предполагает использование упрощенной лексики, которая соответствует потребностям и способностям маленьких детей. Однако эти упрощенные слова могут не иметь прямых эквивалентов в русском языке, что может затруднить перевод. Переводчикам может потребоваться творческий подход в поиске слов или фраз, передающих тот же смысл на русском языке [1].

2. Звуковые модели и фонетика: В baby talk часто используются повторяющиеся звуки и слова, а также преувеличенная интонация и ритм. Перевод этих моделей на русский язык может оказаться сложной задачей, поскольку звуковые и фонетические системы двух языков совершенно разные. Переводчикам может потребоваться адаптировать звуки и интонацию оригинального языка, чтобы сделать их более подходящими для русского.

3. Интонация и ритм. Как упоминалось выше, baby talk часто включает в себя преувеличенные интонации и ритм. Перевод этих особенностей может быть затруднен, поскольку они могут не иметь прямых эквивалентов в русском языке. Переводчику может потребоваться собственное суждение, чтобы определить, как лучше передать смысл и тон оригинальной речи.

4. Культурные различия. На baby talk могут влиять культурные факторы, такие как взгляды и убеждения говорящих. Переводчикам может потребоваться знать об этих культурных различиях и учитывать их при переводе baby talk на русский язык. Например, некоторые слова или фразы могут иметь иной подтекст или значение в русской культуре, чем в культуре, где был произнесен оригинал [4].

Одна из стратегий перевода baby talk на русский язык заключается в использовании существующих слов, которые имеют схожее

значение с оригинальными словами, используемыми в baby talk. Это поможет сохранить простоту и доступность оригинального языка, передавая при этом те же основные идеи и понятия.

Например, если в оригинале baby talk используется слово «binky» для обозначения пустышки, переводчик может использовать русское слово «пустышка», которое является общепринятым термином для обозначения пустышки в русском языке. Аналогично, если оригинальный baby talk включает фразу «night-night», указывающую на то, что пора ложиться спать, переводчик может использовать русскую фразу «спать пора».

Используя существующие слова с похожим значением, переводчики могут создать перевод, который будет понятен русскоязычным детям и сохранит простоту и доступность языка оригинала. Однако такой подход не всегда возможен, поскольку для некоторых слов и фраз, используемых в baby talk, может не быть прямых эквивалентов. В таких случаях переводчикам может понадобиться использовать другие стратегии для передачи тех же основных идей и понятий [2].

Вторая стратегия перевода baby talk на русский язык заключается в создании новых слов или фраз, передающих тот же смысл, что и в оригинале. Этот подход может быть полезен, когда нет прямых эквивалентов слов или фраз, используемых в baby talk, или когда в языке оригинала используются звуки или интонации, которые трудно воспроизвести на русском языке.

Например, если в оригинале baby talk есть слово «yum-yum», обозначающее, что что-то вкусное, переводчик может создать новое русское слово, например «вкусняшка», которое является игривым и неформальным термином для обозначения чего-то вкусного [7]. Аналогично, если в оригинале baby talk включает фразу «go potty» для обозначения посещения туалета, переводчик может создать новую русскую фразу, например, «сходить в туалет», которая является более формальным, но все же доступным способом передать ту же идею.

Придумывая новые слова или фразы, переводчики могут передать игривый и неформальный тон baby talk, но при этом передать

те же основные идеи и понятия так, чтобы они были понятны русскоязычным детям. Однако такой подход требует определенной степени творчества и гибкости, поскольку не все слова и фразы легко и естественно переводятся на русский язык [5]. Переводчикам может потребоваться экспериментировать с различными словами и звуками, чтобы найти правильное сочетание, передающее задуманный смысл и тон.

Третья стратегия перевода *baby talk* на русский язык заключается в адаптации звуков и интонации оригинального языка, чтобы сделать их более подходящими для русского. *Baby talk* часто использует преувеличенные интонации и ритм, чтобы привлечь внимание маленьких детей, и эти особенности могут не иметь прямых эквивалентов в русском языке. Адаптируя звуки и интонацию языка оригинала, переводчики могут сохранить игривый и увлекательный тон *baby talk*, сделав его доступным для русскоязычных детей.

Например, если в оригинале *baby talk* есть слово «reekabo», обозначающее игру в прятки, переводчик может использовать русское слово «ку-ку», которое является игривым и увлекательным способом передать ту же идею. Аналогично, если оригинальный *baby talk* включает фразу «bye-bye» для обозначения прощания, переводчик может использовать русскую фразу «пока-пока», которая имеет аналогичный игривый и неформальный тон.

Адаптируя звуки и интонацию языка оригинала, переводчики могут создать перевод, передающий тот же игривый и увлекательный тон, что и оригинальный *baby talk*, и при этом сделать его доступным и подходящим для русскоязычной аудитории. Однако такой подход требует глубокого понимания обоих языков и культур, а также определенной степени творчества и гибкости в адаптации звуков и интонации языка оригинала. Переводчику может потребоваться экспериментировать с различными звуками и ритмами, чтобы найти правильное сочетание, передающее задуманный смысл и тон.

Четвертой стратегией перевода *baby talk* на русский язык является предоставление дополнительного контекста, который помогает передать смысл оригинального языка. В *baby talk* часто использу-

ется простой и понятный язык для передачи идей и концепций, но они не всегда могут быть понятны или очевидны для русскоязычной аудитории. Предоставляя дополнительный контекст, переводчики могут помочь прояснить смысл оригинального языка и сделать его более доступным для русскоязычных детей.

Например, если оригинальный baby talk включает фразу «ур-ур», указывающую на то, что ребенок хочет, чтобы его взяли на руки, переводчик может предоставить дополнительный контекст, включив жест или указав на что-то высокое, например, игрушку на полке или картину на стене. Аналогично, если оригинальный baby talk включает слово «owie», указывающее на то, что ребенку больно, переводчик может обеспечить дополнительный контекст, спросив, где болит, или предложив пластырь или другую форму утешения.

Обеспечивая дополнительный контекст, переводчик может помочь гарантировать, что смысл оригинального языка будет понятен и доступен русскоязычным детям, даже если слова и фразы, используемые в детском разговоре, не являются прямым переводом. Однако такой подход может потребовать больше времени и усилий со стороны переводчика, а также глубокого понимания обоих языков и культур. Переводчику может потребоваться тесное сотрудничество с оригинальным оратором или воспитателем, чтобы убедиться, что дополнительный контекст точно передает предполагаемый смысл и тон.

Заключение

Следует отметить, что перевод baby talk на русский язык может быть сложной задачей из-за лингвистических особенностей baby talk, а также культурных и контекстуальных различий между двумя языками. Переводчику может понадобиться применить различные стратегии, такие как использование существующих слов с похожим значением, создание новых слов или фраз, адаптация звуков и интонации языка оригинала, а также предоставление дополнительного контекста для передачи смысла. Каждая из этих стратегий имеет свои преимущества и ограничения, и наилучший

подход будет зависеть от конкретного контекста и потребностей перевода [8].

Несмотря на трудности перевода baby talk, это важная задача для обеспечения того, чтобы маленькие дети могли общаться и взаимодействовать с воспитателями и членами семьи, говорящими на разных языках. Обеспечивая точный и доступный перевод baby talk, переводчики могут способствовать тому, чтобы дети могли учиться и расти в благоприятной и воспитывающей среде.

Список литературы

1. Алирзаева О.И. Особенности перевода англоязычной детской речи // Ломоносов-2014: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных, Москва, апрель 2014 г. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2568/2200_43766_505cd5.pdf (дата обращения: 27.03.2023)
2. Капкова С.Ю. Лингвостилистические средства выражения комического и эксцентрического в языке современной детской английской литературы и специфика их перевода на русский язык: На материале произведений С. Миллигана и Дж.К. Роулинг: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 456 с.
4. Петровская Е.В. Непереводимое в переводе // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 244- 248.
5. Рыбка М.С. Некоторые синтаксические особенности испанской детской речи // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. 2021. № 4. Челябинск: Изд-во ЧГУ. URL: http://histfil.ru/images/2021a/gumanitarnie_4.pdf (дата обращения: 01.03.2023)
6. Солодова К.А., Ямпольская А.Л. Языковое явление «baby talk». Переводческий аспект // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2018. № 4. С. 80-84.
7. Уланович О.И. Диминутивы в переводе киноречи персонажей в детском анимационном кино // Филология и человек. 2022. №

3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diminutivy-v-perevode-kinorechi-personazhey-v-detskom-animatsionnom-kino> (дата обращения: 15.03.2023)
8. Шимберг С.С. Передача детской речи при переводе с английского языка на русский // Перевод. Язык. Культура: V Международная заочная научно-практическая конференция, СПб, 28 февраля 2014 г. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 13-18.
9. Golinkoff R., Deniz D., Soderstrom M., Hirsh-Pasek K. (Baby)Talk to Me: The Social Context of Infant-Directed Speech and Its Effects on Early Language Acquisition // *Current Directions in Psychological Science*, 2015, pp. 339-344.
10. Golinkoff R. Baby Talk Works!: Infant-directed speech facilitates word-learning. URL: https://www.academia.edu/18541045/Baby_Talk_Works_Infant_directed_speech_facilitates_word_learning (дата обращения: 02.03.2023)
11. Koolstra C.M., Beentjes J.W.J. Children's vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home // *Educational Technology Research and Development*, 1999, vol. 47, no. 1, pp. 51-60. <https://doi.org/10.1007/BF02299476>
12. Scott M.R. G.N. LEECH – Principles of Pragmatics. URL: https://www.researchgate.net/publication/49617979_G_N_LEECH_-_Principles_of_Pragmatics_G_N_LEECH_-_Principles_of_Pragmatics (дата обращения: 15.03.2023)
13. Suppes P. Syntax and Semantics of Children's Language // *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2006, 280 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/229625945_SYNTAX_AND_SEMANTICS_OF_CHILDREN'S_LANGUAGE (дата обращения: 24.02.2023)
14. Trainor L.J., Desjardins R.N. Pitch characteristics of infant-directed speech affect infants' ability to discriminate vowels // *Psychonomic Bulletin & Review* 9, 2002, pp. 335-340. <https://doi.org/10.3758/BF03196290>
15. Zellou G., Scarborough R. Lexically conditioned phonetic variation in motherese: age-of-acquisition and other word-specific factors in infant- and adult-directed speech // *Laboratory Phonology*, 2015, vol. 6, no. 3-4, pp. 305-336. <https://doi.org/10.1515/lp-2015-0010>

References

1. Alirzaeva O.I. Osobennosti perevoda anglojazyčnoj detskoj rechi [Translation features of English-language children's speech]. *Lomonosov-2014*, URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2568/2200_43766_505cd5.pdf (accessed March 27, 2023)
2. Kapkova S.Ju. *Lingvostilističeskie sredstva vyraženiĵa komičeskogo i jekscentričeskogo v jazyke sovremennoj detskoj anglijskoj literatury i specifika ih perevoda na russkij jazyk: Na materiale proizvedenij S. Milligana i Dzh. K. Rouling* [Linguistic and stylistic means of expressing the comic and eccentric in the language of modern English children's literature and the specifics of their translation into Russian: Based on the works of S. Milligan and J.K. Rowling]. Abstract of PhD dissertation: Voronezh. 2005, 24 p.
3. Muhina V.S. *Vozrastnaja psihologija: fenomenologija razvitija, detstvo, otročestvo* [Developmental psychology: developmental phenomenology, childhood, adolescence]. Moscow: «Akademija» Publ., 1999, 456 p.
4. Petrovskaja E.V. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. *Russkaja antropologičeskaja škola. Trudy* [Russian Anthropological School. Proceedings], no. 2. Moscow: RGGU Publ., 2004, pp. 244- 248.
5. Rybka M.S. Nekotorye sintaksicheskie osobennosti ispanskoj detskoj rechi [Certain syntactic features of Spanish children's speech] *Gumanitarnye issledovanija molodyh učenyh Južnogo Urala* [Humanitarian Research of Young Scientists of the South Urals], 2021, no. 4. Cheljabinsk: ChGU Publ. URL: http://histfil.ru/images/2021a/gumanitar-nie_4.pdf (accessed March 01, 2023)
6. Solodova K.A., Jampol'skaja A.L. Jazykovoe javlenie "baby talk". Perevodčeskij aspekt [The language phenomenon "baby talk". Translation aspect] *Perevod i mezhkul'turnaja kommunikacija: teorija i praktika* [Translation and Intercultural Communication: Theory and Practice], 2018, no. 4, pp. 80-84.
7. Ulanovich O.I. Diminutivy v perevode kinorechi personazhej v detskom animacionnom kino [Diminutives in the translation of film speech of characters in children's animated films]. *Filologija i čelovek* [Phi-

- logy and Man], 2022, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diminutivy-v-perevode-kinorechi-personazhey-v-detskom-animatsion-nom-kino> (accessed March 15, 2023)
8. Shimberg S.S. Peredacha detskoj rechi pri perevode s anglijskogo jazyka na russkij [Transfer of children's speech when translating from English into Russian] *Perevod. Jazyk. Kul'tura* [Perevod. Jazyk. Kul'tura]. St. Peterburg: LGPU, 2014, pp. 13-18.
  9. Golinkoff R., Deniz D., Soderstrom M., Hirsh-Pasek K. (Baby)Talk to Me: The Social Context of Infant-Directed Speech and Its Effects on Early Language Acquisition. *Current Directions in Psychological Science*, 2015, pp. 339-344.
  10. Golinkoff R. Baby Talk Works!: Infant-directed speech facilitates word-learning. URL: https://www.academia.edu/18541045/Baby_Talk_Works_Infant_directed_speech_facilitates_word_learning (accessed March 02, 2023)
  11. Koolstra C.M., Beentjes J.W.J. Children's vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home. *Educational Technology Research and Development*, 1999, vol. 47, no. 1, pp. 51-60. <https://doi.org/10.1007/BF02299476>
  12. Scott Michael.R. G.N. LEECH – Principles of Pragmatics. URL: https://www.researchgate.net/publication/49617979_G_N_LEECH_-_Principles_of_Pragmatics_G_N_LEECH_-_Principles_of_Pragmatics (accessed March 15, 2023)
  13. Suppes P. Syntax and Semantics of Children's Language. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2006, 280 p. https://www.researchgate.net/publication/229625945_SYNTAX_AND_SEMANTICS_OF_CHILDREN'S_LANGUAGE (accessed February 24, 2023)
  14. Trainor L.J., Desjardins R.N. Pitch characteristics of infant-directed speech affect infants' ability to discriminate vowels. *Psychonomic Bulletin & Review* 9, 2002, pp. 335-340. <https://doi.org/10.3758/BF03196290>
  15. Zellou G., Scarborough R. Lexically conditioned phonetic variation in motherese: age-of-acquisition and other word-specific factors in infant-and adult-directed speech. *Laboratory Phonology*, 2015, vol. 6, no. 3-4, pp. 305-336. <https://doi.org/10.1515/lp-2015-0010>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

tatsap@mail.ru

Кустова Анна Сергеевна, студент

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

kas.sy7@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

tatsap@mail.ru

SPIN-code: 3631-6059

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>

ResearcherID: X-2838-2019

Scopus Author ID: 57205510033

Anna S. Kustova, student

Orenburg State University

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

kas.sy7@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8062-1731>

Поступила 23.05.2023

После рецензирования 20.06.2023

Принята 28.06.2023

Received 23.05.2023

Revised 20.06.2023

Accepted 28.06.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234
УДК 811.111.373

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
ОППОЗИТИВНОСТИ В ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОЙ
МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ / CREATION –
РАЗРУШЕНИЕ / DESTRUCTION)**

Л.Б. Здановская

***Обоснование.** Тенденция глобального обострения противостояния идеологий как основополагающей характеристики текущей политической реальности обусловлена стремлением к закреплению этнокультурных приоритетов нации, сохранению и утверждению статуса национальной идентичности, соотносимых с категорией «языковая личность».*

***Цель.** Статья посвящена исследованию реализации оппозитивности понятия «языковая личность» в американской лингвокультуре.*

***Материалы и методы.** Материалом для данной статьи послужили трактаты классиков немецкой и французской философии, работы российских исследователей – представителей научных школ лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, посвященные теоретическим вопросам семантики и прагматики языкового общения, концептуальной оппозитивности, а также книга американского журналиста Б. Вудворда «Страх: Трамп в Белом доме». При написании статьи применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, дискурсивный, контекстуальный анализ.*

***Результаты.** В ходе исследования проанализировано функционирование механизмов реализации оппозитивности языкового сознания. Представлены описательные характеристики понятия «языковое сознание». Систематизированы различные подходы к описа-*

нию ключевых нормативных характеристик языковой личности. В составе персонифицированной модели описана структурная организация языковой личности на основе дихотомии «Созидание – Разрушение».

Область применения результатов. Полученные результаты исследования могут найти практическое применение при разработке учебных пособий и учебников по лингвокогнитивному анализу концептов на основе дихотомических моделей.

Ключевые слова: концептуальная оппозитивность; дихотомия; языковая личность; языковое сознание; этнолингвокультурное сознание; деструктивизм

Для цитирования. Здановская Л.Б. Репрезентация концептуальной оппозитивности в персонифицированной модели языковой личности (на примере дихотомии созидание / creation – разрушение / destruction) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 219-234. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

REPRESENTATION OF CONCEPTUAL OPPOSITION IN A PERSONALIZED MODEL OF LANGUAGE PERSONALITY (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY)

L.B. Zdanovskaya

Background. The tendency of global aggravation of the confrontation of ideologies as a fundamental characteristic of the current political reality is due to the desire to consolidate the ethno-cultural priorities of the nation to preserve and assert the status of national identity correlated with the category of “linguistic personality”.

Purpose. The article is devoted to the study of the implementation of the opposition of the notion “linguistic personality” in the American linguistic culture.

Materials and methods. *The material for this article was the treatises of the classics of German and French philosophy, the works of Russian representatives of the scientific schools of linguoculturology, cognitive linguistics, devoted to the theoretical issues of the semantics and pragmatics of linguistic communication, conceptual opposition, as well as the book of the American journalist B. Woodward Fear: Trump in the White House. When writing the article, the following methods were used: comparative, discursive, contextual analyses.*

Results. *In the course of the study the functioning of the mechanisms for the implementation of the opposition of linguistic consciousness was analyzed. The descriptive characteristics of the concept “linguistic consciousness” are presented. Various approaches to the description of the key normative characteristics of a linguistic personality are systematized. As a part of the personified model the structural organization of a linguistic personality is described based on the dichotomy “Creation – Destruction”.*

Practical implications. *The results of the study can find practical application in the preparation of teaching aids and textbooks on the linguo-cognitive analysis of concepts based on dichotomous models.*

Keywords: *conceptual opposition; dichotomy; linguistic personality; linguistic consciousness; ethno-linguocultural consciousness; destructiveness*

For citation. *Zdanovskaya L.B. Representation of Conceptual Opposition in a Personalized Model of Language Personality (by the Example of the Creation – Destruction Dichotomy). *Sovremennye issledovaniya socialnykh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 219-234. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234*

Введение

Цель. Обосновать специфику реализации концептуальной оппозитивности языковой личности в дихотомии «Созидание – Разрушение».

Актуальность предпринятого исследования определяется дифференциацией научных подходов к классификации типологических характеристик понятия «языковая личность» с позиции концеп-

туальной оппозитивности, отраженных в ряде исследований, посвященных лингвокогнитивным аспектам теории межкультурной коммуникации. Научная новизна исследования заключается в предложенном автором описании персонифицированной модели языковой личности на основе дихотомии «Созидание – Разрушение».

Реализация процессов противоположения, получивших знаковое подтверждение в языке и речи, сопряжена с отображением концептуальной оппозитивности, реализованной в исследуемой нами дихотомии «Созидание – Разрушение». Причины актуализации явления оппозитивности обусловлены радикальной трансформацией человеческого сознания, соотносимой с глобальным переформатированием процессов межличностного общения, акцентирующим приоритетную значимость национальных интересов.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили труды ученых, ведущих экспертов-исследователей в области концептологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, оригинальная публицистическая литература. Выявленные в ходе исследования описательные характеристики понятия «языковое сознание», реализованные в составе дихотомии «Созидание – Разрушение», подвергнуты сравнительно-сопоставительному, дискурсивному и контекстуальному анализу.

Теоретические положения об образе мира и картине мира соотносятся, с одной стороны, с понятием «образ сознания», с другой стороны, сопряжены с отображением взаимообусловленных дифференцированных «полюсов сознания», указывающих на двойственную специфику их функционирования. Человеческое сознание, в концепции В.И. Постоваловой, формируя образ мира, включает наряду со знанием объекта, противостоящего субъекту познания, эмоционально окрашенное переживание. Исследователь считает правомерным утверждение и единстве переживаемого субъектом и объектом, что способствует исчезновению противоположности в познавательном-оценочном плане [9, с. 20]. Для обозначения об-

раза мира, обусловленного национальной культурой и национальной психологией, И.В. Привалова предлагает использовать термин «этнолингвокультурное сознание» [10, с. 38]. «Некогруэнтность» этнолингвокультурного сознания языковой картине мира ученый обосновывает его неоднородным компонентным составом, то есть включенностью противоположных по восприятию форм знания: осознанное знание ↔ неосознанное знание. Этнолингвокультурное сознание, в понимании И.В. Приваловой, – это совокупность дифференцированно функционирующих структур когнитивно-эмотивного и ценностного (аксиологического) плана, маркированных мультикультурной вариабельностью [Там же, с. 38].

Теоретическое обоснование оппозитивности языковой личности приведено также в трудах И.А. Зимней [2], В.Н. Карасика [3], Ю.Н. Караулова [4], В.В. Красных [5], А.А. Леонтьева [6], В.П. Нерознака [7], Ю.С. Степанова [12], Т.Н. Ушаковой [13], исследующих принцип организации языкового сознания в лингвокультурологическом, лингвокогнитивном психологическом и социолингвистическом аспектах. Описание персонифицированной модели языковой личности построено на предложенной нами ранее концепции концептуальной оппозитивности, обосновывающей актуализацию процесса «Созидание – Разрушение», наличием нежесткой оформленности границ оппозиции при устойчивой возобновляемости оппозитивного действия.

Результаты и обсуждение

Функционирование механизмов сознания в целом и этнолингвокультурного сознания в частности, прослеживаемое в индивидуальной и коллективной формах проявления, влечет за собой отражение дифференцированных и, как следствие, оппозитивно взаимодействующих структурированных фрагментов действительности. Рассматривая сознание человека в этнолингвокультурологическом преломлении как одну из ключевых нормативных характеристик языковой личности, считаем важным остановиться на уровневой структуре его организации. Ю.Н. Караулов понимает под языко-

вой личностью структуру, реализованную в языке или текстах посредством языка, воссозданную на основе знаковой системы языка [4, с. 38]. Антропоцентрическая сущность языкового сознания, по нашему мнению, не подлежит сомнению, поскольку отраженная в языке картина мира формируется действиями человека, выступающего, согласно теории Ю.С. Степанова, непосредственным инициатором, «актантом действия» [12, с. 344]. С позиции И.А. Зимней, языковое сознание, разграничиваемое на индивидуальное и когнитивное, выступает единственно возможной формой существования сознания человека как личности, социального субъекта [2, с. 51]. Наряду с антропоцентричностью важной характеристикой языкового сознания, как справедливо замечает А.Н. Леонтьев, выступает его этноцентрическая специфика, соотносимая с отсутствием равнозначных этнолингвокультур, а, следовательно, и образов мира. Ученый настаивает на облигаторности этнической обусловленности человеческого сознания [6, с. 20]. В.И. Карасик, подчеркивая двойственную специфику языковой личности, подтверждающую многомерность ее функционирования, указывает на значимость изучения «языкового сознания» в следующих аспектах: 1) лингвистическая концептология; 2) теория дискурса [3, с. 7]. Нам интересна концепция исследователя, допускающая двойственную оппозитивную интерпретацию (*И*) толкования понятия «языковая личность»: *статическая И* ↔ *динамическая И*, где уникальному подбору сложившихся социально обусловленных личностных качеств субъекта противопоставлены личностные характеристики в стадии формирования [Там же]. Закономерность представленного освещения вопроса усматривается и в контексте психологии, допускающей полярное развитие оппозитивного по актуализации действия: естественный процесс социализации личности (СОЗИДАНИЕ) ↔ аномальный (патологический) процесс формирования личности (РАЗРУШЕНИЕ). Актантами первого (созидательного) действия выступают объективные (социальная среда) и субъективные (педагогический состав) факторы; действие второго плана актуализируется экзогенными (внешними) и эндогенными (вну-

тренними) факторами, обусловленными социокультурным фоном развития языковой личности. Роль последнего нам представляется особенно важной, поскольку «фоновые» условия (ментальные особенности) социокультурной среды одного общества могут быть противопоставлены критериям мировосприятия другого на разных этапах исторического развития одного государства. Фиксируемые в языке ментальные образования, отражающие аномальные психические состояния, обозначаемые в настоящее время медицинскими терминами «апатия», «депрессия», могут интерпретироваться также как лень, тушеядство, нежелание работать на благо общества.

Комментируя связующий принцип организации языкового сознания в психологическом аспекте, мы соглашались с тезисом В.И. Карасика, Т.Н. Ушаковой о наличии взаимно-противоречивых сущностей – «феноменов»: 1) сознание как психический феномен материального происхождения; 2) сознание как феномен материальной природы речи, включающий физиологический в своей основе процесс по образованию вербальных связей [3, с. 9; 13, с. 17].

Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, И.В. Привалова, обоснованно настаивая на триединой структуре языковой личности, предлагают выделять вербально-семантический (владение языком), когнитивный (концепты, фреймы, идеи, понятия как составляющие КМ) прагматический уровни (факторы целеполагания, интенции, мотивы). Из трех обозначенных наибольший интерес в рамках данного исследования представляет когнитивный уровень (слой) как особое иерархически структурированное неоднородное пространство, организованное системно упорядоченными блоками знаний, соотносимое с результатом мыслительной (когнитивной) деятельности. Согласно классификации В.В. Красных, когнитивное пространство может быть оформлено индивидуальными (носитель языка), коллективными (социум) и национальными знаниями и представлениями, что соответственно позволяет предположить о дифференцированной специфике языковой личности, заключающейся в установленной антиномичности данного понятия, основанной на кардинальном по сущности противопоставлении *знания* ↔

представления, отражаемые в сознании человека. Оппозитивность понятия «языковое сознание» раскрывается следующими описательными характеристиками: *знания*: сравнительно устойчивые, реальные (объективно существующие), коллективные; *представления*: непрерывно трансформирующиеся, индивидуальные, персонально транслируемые. Разделяя в целом мнение В.В. Красных, настаивающей на определенном синтезе «комплектно» оформленных, «встроенных» в человеческое сознание в виде специфических «наборов» знаний и представлений, мы подчеркиваем в первую очередь противоречивую сущность «языкового сознания», где коллективно представленные фундаментальные в своей основе информационные единицы знания «конкурируют» с индивидуально оформленными образами, представлениями и понятиями [5, с. 41-45].

Оппозитивность признаков характеристик языковой личности усматривается нами в предложенных В.И. Карасиком типологических инструментах ее описания, обозначенных как «лингвистически релевантные личностные индексы» [3, с. 15]. Противопоставление характеристик языковой личности стабильные ↔ вариативные, с позиции исследователя, представляется возможным в рамках построения социально-статусной модели. В группу «стабильных» характеристик включены биологические, социальные, к характеристикам вариативного плана относятся позиционно, ситуативно, и социально обусловленные индексы [Там же, с. 16].

Отталкиваясь от многоаспектности термина и обусловившей ее разноплановой когнитивной деятельности человека, приведем примеры типологической вариативности подходов к обозначению языковой личности. Так, В.Н. Нерознак, именуя изучение языковой личности «лингвистической персонологией», разграничивает типы личности с позиции противопоставления: стандартная языковая личность ↔ нестандартная языковая личность [7, с. 114-116]. К первому типу исследователь относит языковую личность со средней нормативной языковой базой. Второй тип языковой личности вбирает в себя уровневую оппозицию с пространственными характеристиками: *верхи* языковой культуры («мастера художественного слова») ↔

низы языковой культуры (маргинальная культура). Упрощенно оппозицию внутри второго типа можно представить следующей парой субъектов: культура (верхи) ↔ антикультура (низы). Принципиальное значение для определения типологии языковой личности имеет креативность – специфическая характеристика, используемая при описании языковой личности с отклоняющимся от нормативного речевым поведением. В.И. Карасик, отмечая высокий уровень проявления креативности в «низах», особо выделяет языковую игру [3, с. 15]. «Низовой уровень» языковой личности, варьирующийся в том числе ситуативно, соотносим с различными социальными категориями, условно подпадающими под определение «маргинал» [Там же].

Принимая в качестве базовой персонифицированную модель языковой личности В.П. Нерознака, проиллюстрируем ее актуализацию на примере ключевой фигуры американской политики – 45-го президента США Дональда Трампа. Яркие, эмоционально экспрессивные высказывания Д. Трампа во время интервьюирования, а также текстовые сообщения президента в социальной сети Twitter, включающие частое использование ненормированной лексики, позволяют определить указанный тип языковой личности как нестандартный. Оппозитивность «частночеловеческой» личности в данном контексте фиксируется равной отнесенностью к обоим уровням в составе «нестандартной» языковой личности – «верхи – низы». Языковая личность экс-президента как автора многочисленных книг (в основном автобиографических по жанру) может быть отнесена к «верхнему» уровню; по частотности использования табуированной лексики – к «низовому» уровню модели. Иллюстративным подтверждением реализации уровневой структуры представленной модели могут служить следующие тексты: “*That’s a fucking lie <...>*”. («*Это гребаная ложь <...>*») [15, р. 4]; “*That’s bullshit!*” («*Дерьмо собачье!*») [Там же, р. 5]; “*That guy’s <...> full of shit*” («*Этот парень <...> полное дерьмо*») [Там же, р. 314]; “*I don’t need it done through a fucking process!*” («*Мне не нужно, чтобы это делалось через чертов процесс*») [Там же, р. 310]. Противоречивость личности будущего кандидата в президенты проявляется уже

в самом начале обучения «азам» большой политики, что требовало наличия определенных представлений в этой области: “<...> *lots of little things and lots of big things.*” («<...> *много мелочей и множество серьезных вещей*») [Там же, р. 3]. Трамп с легкостью и без особых угрызений совести переходит из лагеря сторонников абортот (“*pro-choice*”) на противоположную сторону (“*pro-life*”), узнав о минимальных шансах на победу при выборе первой позиции: “*That can be fixed <...>. <...> tell me how to fix that. <...> I’m pro-life, I’m telling you.*” («*Это можно исправить <...>. <...> скажи мне, как это исправить. <...> Я за жизнь, говорю тебе*».) [Там же]. Соглашаясь со своими наставниками относительно необходимости последовательных методичных действий при содействии консервативного движения *Tea Party*, поддерживающего кандидатов-республиканцев, Трамп использует дериват лексемы *populist* (*популист, народоволец*), устаревшее *popularist* (*ищущий популярности*). Таким способом будущий кандидат в президенты искусно «интерпретирует» смысл в целях улучшения собственного политического имиджа: “<...> *Trump meant it in his own way – being popular <...>*” («<...> *Трамп понимал это по-своему – быть популярным <...>*») [Там же, р. 4]. С точки зрения характеристики языковой личности заслуживающим внимания является факт употребления слова *popularist* в смысловом значении, идентичном существительному *populist*, но находящемуся в активном словарном запасе малообразованной, «неинтеллигентной» части американского населения, олицетворением которой был *Archie Banker* – герой американского сериала из эпохи 70-х. Указанный персонаж – «среднестатистический американец, проживающий в непрестижном районе Нью-Йорка Куинсе, – «обычный парень из народа».

Оппозитивность языковой личности экс-президента, подтверждаемая непоследовательными, как правило, противоречивыми поступками при принятии ответственных государственных решений, соотносится, по нашему мнению, с философским учением деструктивизма Ф. Ницше, основанном на неприятии идеи тотального разрушения [8, с. 27]. Отрицание деструкции во имя самой

деструкции Ф. Ницше, по утверждению Б.Г. Соколова, раскрывает оппозитивную сущность реализуемого процесса – *разрушать, создавая* [11, с. 27]. «Опрокидывание» иерархии миров (чувственного, умопостигаемого) ведет к созданию новой ценностной иерархии, демонстрирующей трансформированную структуру, определяемой философом как «интенция деконструкции». Принципиальным отличием идеи деконструкции Деррида выступает лежащее в основе переосмысления традиционной иерархии ценностей созидательное начало, сопряженное с «конструированием» новой схемы, а также новых отношений и связей [1, с. 136].

Действия Д. Трампа, избравшего в качестве лозунга, определяющего вектор его политической деятельности девиз *Make America Great Again!*”, имплицитно придают признак «созидательного начала» – воссоздание утраченного могущества американской нации, сопряженного с утверждением идеи собственного мирового превосходства [15, р. 151]. В качестве превентивной меры по устранению угрозы, вызванной растущей иммиграцией, 45-м президентом США было принято решение о сооружении «спасительного барьера» – «пресловутой стены» на границе с Мексикой: “<...> *We're going to build the wall. We're going to build it across the entire border.*” («<...> *Мы собираемся строить стену. Мы собираемся строить ее по всей границе*» [Там же, р. 285]. Действие, выраженное глаголом *to build*, отмеченное положительной коннотацией в силу закрепленного семантического значения (*строить, возводить, создавать*) [14, р. 195] имплицитно придает признак с негативной оценочностью: *экстренно отгородиться от «нежелательных гостей»; разрушить «идеальную модель мира*». Иллюстрацией оппозиции Трамп ↔ политический истеблишмент США может служить полемика президента с сенатором Л. Грэмом: “*I don't want people that are going to come in and be accepting all the gifts of our country <...> contribute nothing. Why not more Norwegians? Or Asians <...>?*” [Там же, р. 320]; («*Я не хочу, чтобы люди приезжали и принимали все дары нашей страны <...>, не давая ничего взамен. Почему больше не приезжают норвежцы? Или азиаты <...>?*») “*We're letting people in. And it is going*

to be a lot of trouble. “ [Там же, р. 323]; («Мы впускаем людей. А это создает множество проблем»); “*America is an ideal <...>. I want <...> immigration from every corner of the globe <...>*” [Там же, р. 320] («Америка – это идеал <...>. Я поддерживаю иммиграцию со всех уголков земного шара <...>»).

Рассмотренные иллюстративные примеры позволяют нам указать в качестве признаков свойств оппозитивности понятия «языковая личность» следующие субъекты противоположения: стабильные характеристики языковой личности ↔ нестабильные характеристики языковой личности; стандартная языковая личность ↔ нестандартная языковая личность; культура (верхи) ↔ антикультура (низы).

Заключение

Предпринятое исследование лингвопрагматических причин реализации концептуальной оппозитивности в персонифицированной модели языковой личности на примере дихотомии «Созидание – Разрушение» позволило нам заключить о следующем:

1. Механизмами реализации концептуальной оппозитивности выступают полярно соотносимые интерпретации толкования понятия «языковая личность»: *статическая интерпретация* ↔ *динамическая интерпретация*.
2. Актуализация оппозитивности возобновляемого упорядоченного действия противоположения отражена соотношением: естественный процесс социализации личности (СОЗИДАНИЕ) ↔ аномальный (патологический) процесс формирования личности (РАЗРУШЕНИЕ).
3. Соотношение взаимно противопоставленных субъектов оппозиции *знания* – сравнительно устойчивые, реальные (объективно существующие), коллективные ↔ *представления* – непрерывно трансформирующиеся, индивидуальные, персонально транслируемые.
4. Специфика репрезентации концептуальной оппозитивности персонифицированной модели языковой личности фиксиру-

ется равной отнесенностью рассмотренной языковой личности к обоим структурным уровням в составе категории «нестандартная языковая личность – «верхи – низы».

5. Представленные признаковые свойства персонифицированной языковой личности дают нам основание определить концептуальную оппозитивность как возобновляемое упорядоченное действие противоположения, реализованное в составе субъектов оппозиции, демонстрирующих обоюдную устойчивую корреляцию с нежесткой закреплённостью границ актуализации.

Список литературы

1. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
2. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 51-58.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 264 с.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
6. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 16-22.
7. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. научн. Тр. Моск. гос. Лингв. ун-та. Вып. 426. М., 1996. С. 112-166.
8. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствовать молотом / Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 572 с.
9. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-44.

10. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. М.: Гнозис, 2005. 472 с.
11. Соколов Б. Г. Маргинальный язык Деррида. Издательство СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 119 с.
12. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
13. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 13-24.
14. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2005, 1060 p.
15. Woodward B. Fear: Trump in the White House. New York: Simon & Schuster, 2018, 425 p.

References

1. Derrida Zh. Shpory: stili Nicshe [Spurs: Styles of Nietzsche]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 1991, no. 2, 136 p.
2. Zimnyaya I.A. Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya [A way of forming and formulating thoughts as a reality of linguistic consciousness]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* [Language and Consciousness]. Moscow: IYA RAN, 1993, pp. 51-58.
3. Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002, 477 p.
4. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002, 264 p.
5. Krasnyh V.V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? [Virtual reality or real virtuality?]. *Chelovek. Soznanie. Kommunikaciya* [Man. Consciousness. Communication]. Monograph. Moscow: Dialog-MGU, 1998, 352 p.
6. Leont'ev A.A. Yazykovoje soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the image of the world]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow: IYA RAN, 1993, pp. 16-22.

7. Neroznak V.P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa discipliny [Linguistic personology: to determine the status of the discipline]. *Yazyk. Poetika. Perevod* [Language. Poetics. Translation]. Moscow, 1996, no. 426, pp. 112-166.
8. Nicshe F. Sumerki idolov, ili kak filosofstvovat' molotom [Twilight of idols, or how to philosophize with a hammer]. *Nicshe F. Sochineniya v 2-h tomah* [Nietzsche F. Works in 2 Volumes]. Moscow: Mysl' Publ., 1990, vol. 2, 572 p.
9. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in the Language: Language and Picture of the World]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 8-44.
10. Privalova I.V. *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): Monografiya* [Interculture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication): Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2005, 472 p.
11. Sokolov B.G. *Marginal'nyj yazyk Derrida* [Marginal Derrida language]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1996, 119 p.
12. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2004, 992 p.
13. Ushakova T.N. Yazykovoe soznanie i principy ego issledovaniya [Linguistic consciousness and principles of its research]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2000, pp. 13-24.
14. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. *The Advanced Learner's Dictionary*. Oxford, 2005, 1060 p.
15. Woodward B. *Fear: Trump in the White House*. New York: Simon & Schuster, 2018, 425 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков

---

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
ул. Калинина 13, г. Краснодар, 350044, Краснодарский край,
Российская Федерация
zdanovskaya2903@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lidia B. Zdanovskaya, associate professor of the chair of foreign languages
*Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13, Kalinina Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350044, Russian Federation
zdanovskaya2903@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2488-2506>*

Поступила 19.04.2023

После рецензирования 20.05.2023

Принята 23.05.2023

Received 19.04.2023

Revised 20.05.2023

Accepted 23.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-235-254
УДК 811.134.21:81'282.3

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

АЛЛЮЗИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ ТЕЛЕСЕРИАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО СЕРИАЛА “EL PUEBLO”)

Ю.А. Акипова

В настоящей статье проводится исследование речевых особенностей персонажей испанского телевизионного сериала, а также предлагается анализ стилистических средств формирования характеристики говорящего на основании его вербального поведения.

Актуальность исследования обусловлена интересом к созданию и функционированию аллюзий, их значимостью как языковых единиц с богатой культурной семантикой, их прагматическому эффекту в речи персонажей телесериала.

Целью данного исследования является определение роли аллюзии в формировании речевого портрета персонажей и ее значимости как единицы с богатой культурологической семантикой.

Были использованы **методы** сплошной выборки, систематизации языкового материала по определенным критериям, компонентного анализа, описательный, а также когнитивно-дискурсивный подход.

Материалом послужил язык испанского сериала “El Pueblo” (Деревня). Объект исследования – речь персонажей телесериала, предметом исследования является стилистический прием аллюзии и ее функции в вербальном компоненте аудиовизуального текста.

В соответствии с задачами исследования был определен корпус слов и выражений для анализа по выбранным критериям.

На основании анализа и классификации отобранного материала получены статистические данные: процентное выражение употребления аллюзий по социокультурному источнику аллюзивного фак-

тора. Выявлено, что 50% рассмотренных примеров это аллюзивные имена собственные, что свидетельствует о том, что аллюзии антропонимы передают информацию в более сжатой форме, обеспечивая глубину и множественность последующей интерпретации.

В результате исследования был сделан вывод, что в сериале “El Pueblo” используется высокий процент аллюзий на персонажей и популярные факты современной испанской реальности, которые выполняют не только эстетическую, экспрессивную и познавательные функции, но и формируют личность и идеологию каждого персонажа.

Ключевые слова: аллюзия; анализ; персонаж; культурема; телесериал

Для цитирования. Акипова Ю.А. Аллюзия как одно из средств социально-культурной характеристики персонажей телесериала (на материале испанского сериала “El Pueblo”) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 235-254. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-235-254

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

**ALLUSION AS ONE OF THE FORMS
OF SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS
OF THE CHARACTERS OF THE SERIES
(BASED ON THE CONTENT OF THE SPANISH
TELEVISION SERIES EL PUEBLO)**

Y.A. Akipova

The article deals with the research of the speech features of the characters of the Spanish television series and also the analysis of the stylistic means of the development of speaker's character according to his verbal behavior.

The relevance of the study is conditioned by the interest in creating allusions and their functional significance as linguistic units with rich cultural meanings, and their pragmatic impact in characters' speech.

The aim of the research lies in distinguishing the role of allusions in creating the speech character of a speaker and their significance as a cultural and semantic form of speech.

*We used several **methods**, i.e., continuous sampling, systematization of the language units due to the definite criteria, component analysis, descriptive and cognitively-discursive approach.*

*The article is based on the language material of the Spanish television series **El Pueblo** (The Settlement). The object of studying is its characters' speech; the subject of studying is allusion as a stylistic method and its functions in verbal component of the audio-visual text.*

According to the problem of study, the list of words and word-combinations was compounded for being analyzed due to the criteria.

Based on analysis and classification of the content we have got the statistic data. It was identified that 50% of the cases under analysis are allusive proper nouns, that clarifies that allusions reveal the information in compressed form, giving an opportunity for further profound and multiple interpretation.

*Upon conducting the research we came to a conclusion that there is a great variety of allusions on the characters and popular facts of the Spanish culture in the series **El Pueblo**, and their functions are not only aesthetic, expressive and educative, but forming the personality and the sense of each character.*

Keywords: *allusion; analysis; character; culturema; television series*

For citation. *Akipova Y.A. Allusion as one of the forms of social and cultural characteristics of the characters of the series (based on the content of the Spanish television series **El Pueblo**). *Sovremennyye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 235-254. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-235-254*

В последние годы телесериалы стали главным жанром в программах всех каналов, занимают привилегированное место в телевизионной сетке и легкодоступны для зрителя. Кроме того, телесериалы стали парадигмой нашего исторического момента из-за относительной краткости серий, способности дать почти мгновен-

ный отклик на социально-политическую повестку дня, высокому техническому качеству многих из них и экспансии на каналах медиадистрибуции (включая Интернет) [14, р. 6-7]. Более того, А. Грассо [15] утверждает, что большая часть лучшего современного кино связана с телесериалами, которые в некоторых случаях стали настоящими социальными явлениями.

Целью статьи является определение роли аллюзии в формировании речевого портрета персонажей и ее значимости как единицы с богатой культурологической семантикой на примере анализа языка испанского сериала “El Pueblo” (Деревня), премьеры которого состоялась 14 мая 2019 года. Сериал состоит из трех сезонов и насчитывает 24 серии по 70 минут каждая. Комедия с юмором рассказывает о приключениях разнородной группы персонажей, которые, движимые различными ситуациями экзистенциального кризиса, откликаются на зов рекламного объявления, где им обещают дом и новую жизнь вдали от обезумевшей толпы. Местом назначения является Пеньяфриа, крошечный городок в Сории, очевидно заброшенный. Но на самом деле все оказывается не так.

Объект исследования – речь персонажей телесериала, предметом исследования является стилистический прием аллюзии и ее функции в вербальном компоненте аудиовизуального текста.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- идентифицировать аллюзии в речи персонажей сериала;
- классифицировать аллюзии по тематическому принципу;
- выявить функции, которые они выполняют в диалоге;
- описать ассоциативную структуру и коммуникативные характеристики;
- определить культурную специфику использования.

Материал исследования – 35 примеров употребления аллюзий в речи персонажей, которые после сплошной выборки систематизировались в зависимости от культурного компонента. Общий объем проанализированного материала составил 16 серий 1-2 сезонов (1120 минут). Телесериал еще не становился объектом лингвистического исследования, что объясняется сложностью языкового материала ввиду отсутствия опубликованных сценариев.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена интересом к созданию и функционированию аллюзий, их значимостью как языковых единиц с богатой культурной семантикой, их прагматическому эффекту в речи персонажей телесериала.

Прием аллюзии активно изучается в современной лингвистике, существует целый ряд работ, посвященных реализации аллюзии в разных дискурсах: политическом, рекламном, поэтическом, публицистическом и художественном. Однако функционирование аллюзии в теледискурсе остается малоизученным на сегодняшний день. При этом аллюзии, используемые в иноязычном теледискурсе, дают зрителям уникальную возможность познакомиться с социокультурными реалиями других стран и общекультурными знаниями представителей определенной лингвокультуры. Этим и обусловлена новизна настоящего исследования.

Феномен аллюзии описан во многих работах отечественных авторов, среди которых книги и статьи Н.Г. Владимировой, И.Р. Гальперина, Г.Г. Слышкина, И.В. Гюббенет, М.Д. Тухарели, Н.Д. Белоножко, А.Б. Цыреновой и др. [3; 8].

Словарь Испанской Королевской Академии (DLE) определяет аллюзию как “*Evocación de alguien o algo no mencionados por medio de una referencia cultural, histórica, mitológica, etc.*” Косвенное указание на кого-либо или что-либо посредством культурного, исторического, мифологического контекста (перевод наш – Ю.А.) [7].

В.П. Москвин считает, что “аллюзия – стилистическая фигура, содержащая явное указание, аналогию или отчетливый намек на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закрепленный в текстовой культуре или в разговорной речи” [4, с. 43].

К. Перри определяет аллюзию как средство, которое служит для обозначения референта исходного текста и косвенно указывает на его атрибуты. Референт, явно или неявно (но всегда узнаваемо), присутствует в тексте, и читатель должен восстановить его свойства, что и является таким аллюзивным свойством, как косвенность [18, р. 305]. Кроме того, К. Перри рассматривает аллюзии с точки зрения прагматики. Ссылаясь на теорию речевых актов Дж. Серла

[19, p. 12], она утверждает, что “узнавание, запоминание, осознание, связывание это компоненты успешной реализации аллюзии в рамках своей аудитории” [18, p. 301].

Леннон предлагает десять характеристик аллюзий, хотя и уточняет, что не все они должны встречаться одновременно:

- 1) предположение об общих фоновых знаниях / прагматическое предположение;
- 2) импликатура со стороны говорящего/писателя для передачи имплицитного интертекстуального значения;
- 3) умозаключение со стороны слушателя/читателя, предполагающее использование фоновых знаний, в частности знание других текстов;
- 4) опосредованность;
- 5) интертекстуальность;
- 6) ассоциативная или семиотическая ссылка в отличие от репрезентативного значения поверхностного текста;
- 7) выделение в тексте элементов, несущих ассоциативное значение. Это достигается различными средствами, включая графологическую маркировку, использование особенностей стиля или регистра, вмешательство в основной элемент цитаты, в частности, с помощью лексических замен;
- 8) элемент, похожий на загадку, часто связанный с игрой слов;
- 9) как минимум двухэтапный процесс понимания, включающий в первую очередь выявление аллюзивной ссылки на некоторый объект и, во-вторых, вывод подразумеваемого предложения об этом объекте;
- 10) кроме того, аллюзии могут быть продуктивными, могут лесициализоваться и фиксироваться в определенной форме [16, p. 3-4].

В исследованиях аллюзий на данный момент существует несколько подходов: литературоведческий, когнитивный, лингвостилистический.

Наше исследование проводилось в рамках лингвостилистического подхода, основанного на изучении лингвистической и стилистической природы аллюзии, где аллюзия определяется как прием,

основанный на авторской интенции: писатель намеренно использует в тексте отсылки к традиционным и широко распространенным культурным реалиям, которые известны его аудитории [3, с. 17].

Внутри лингвостилистического подхода существует теория, основанная на изучении аллюзии в рамках филологического комментирования текста. Например, И. В. Гюббенет изучает аллюзию как средство, позволяющее анализировать литературное произведение и выявлять уровень читательского знания, а именно “историко-филологического фонового знания” [2, с. 30].

Согласно Р. Леппихальме, функции аллюзий можно в целом разделить на три группы: создание юмористического момента, очерчивание персонажей и перенос тем [17, р. 10].

Существуют разные классификации аллюзий. Классификация аллюзий, предложенная М.Д. Тухарели, основана на различиях заложенной в данных единицах семантики: первую группу составляют антропонимы – собственные имена людей (индивидуальные и групповые): личные имена, отчества (патронимы), фамилии, родовые имена, прозвища, клички, псевдонимы, криптонимы (скрываемые имена). Также к данной группе могут быть отнесены топонимы – собственные имена географических объектов, зоонимы – собственные имена животных, астронимы – названия отдельных небесных тел, эргонимы – названия предприятий, учреждений, организаций, хрононимы – названия отрезков времени, теонимы – названия и имена собственные богов, демонов, мифологических персонажей.

Ко второй группе рассматриваемой классификации относятся аллюзии, в основе которых лежат библейские, мифологические, литературные, исторические и прочие реалии. Аллюзии данной группы содержат указание не на конкретный объект, а на их совокупность, объединенную общей ситуативной целостностью.

Третью группу составляют отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации – объединения в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости, реминисценции – осознанные или неосознанные, точные или преобразованные

цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста [5, с. 25].

Леннон расширяет классификацию до шести групп:

1. Аллюзии на цитаты.
2. Аллюзии на названия, заголовки.
3. Аллюзии на пословицы.
4. Аллюзии на клишированные, избитые выражения.
5. Аллюзивные имена собственные и именные синтагмы.
6. Аллюзии на устойчивые фразы [16, р. 91].

Рассматриваемые в рамках данной статьи аллюзии можно разделить на две группы: относящиеся к общечеловеческому фонду знаний и доступные представителям только определенной лингвокультуры, то есть элементы с этноконнотированным компонентом значения (терминология О.И. Быковой), на которых мы и предлагаем сфокусироваться [1].

В рамках работы предлагается рассмотреть классификацию по социокультурному источнику аллюзивного фактора по следующим тематическим видам:

Типология		Пример	Серия	Минуты		
А. Аллюзии на публичные личности	Певцы	Звезды испанской сцены	Joaquín Sabina	3×01	00:28:36	
			Sergio y Estíbaliz	6×01	00:05:12	
			Duo Dinámico	7×02	00:16:40	
			Torrebruno	8×02	00:04:13	
	Представители мира кино и телесериалов	Звезды испанского кино	Demis Roussos	4×02	00:48:34	
			Paz Vega	5×01	00:40:30	
		Звезды мирового кино	Javier Bardem	2×01	00:16:40	
			Paco Rabal	8×01	00:13:40	
			Chuck Norris	6×01	00:14:58	
		Политики	Звезды мирового кино	Halle Berry	5×01	00:54:32
				Paris Hillton	3×02	00:03:02
				Humphrey Bogart	6×01	00:42:49
				Adolf Gitler	3×02	00:04:10
		Мир культуры	Звезды мирового кино	Hillary Clinton	3×01	00:25:34
				Leonardo da Vinci	5×02	00:02:51
Séneca	7×02			00:33:22		
		Luis Buñuel	5×01	00:46:46		

В. Аллюзии на события и персонажей, относящихся к истории	Факты, связанные с мировой историей	Holocausto	5×01	00:46:46
С. Аллюзии, относящиеся к названиям и персонажам фильмов	Заголовки и персонажи фильмов телесериалов	Juego de Tronos	8×01	00:13:40
		Los santos inocentes	5×01	1:03:10
		Telma y Luis	6×01	00:33:42
		Alien	2×02	00:40:45
		Pretty woman	2×02	00:15:40
		Gandalf	5×02	00:21:45
		Rambo	5×02	00:21:45
		Juancho, el lagarto	6×01	00:33:45
		Los Picapiedra	7×01	00:42:43
		Los Pitufos	5×02	00:04:45
D. Аллюзии на мировые торговые бренды	Мир моды	Victoria's Secret	4×01	00:34:32
		Bvlgari	8×02	00:07:40
Е. Фольклорные аллюзии		El muerto al hoyo, y el vivo al bollo	8×02	00:07:40
		La paradoja de Buridan	2×02	00:01:52

В ходе проведенного анализа практического материала были получены следующие результаты:

36% примеров это аллюзии на имена медийных личностей:

<p>Пабло подглядывал за Лаурой, когда она купалась в реке, и рассказал об этом своему другу Начо, сказав, что у нее соблазнительные формы, которые она всегда прячет под не красивой одеждой. Начо проболтался об этом Лауре и она, разъяренная, пришла выяснять отношения с Пабло.</p>	
<p>Laura: – Nacho me ha contado que estuviste espiandome en el río mientras me bañaba. Pablo: – No, de eso nada, egocéntrica. Lo que pasa es que fui a pescar y estabas ahí... exhibiendote. Laura: – Sí, exhibiendome. ¿Con quién? ¿Con las truchas? Pablo: – Pero si sabes perfectamente que soy el único que va a pescar. Igual querías seducirme. Laura: – ¿Yo a tí? Venga, hombre, me espiabas, y punto. Pablo: – Sí, hombre, sí. Lo que tú digas, Halle Berry.</p>	<p>Л. – Начо рассказал мне, что ты шпионил за мной, пока я купалась в реке. П. – Ничего подобного, эгоцентричка. Просто я пошел порыбачить, а там ты... представляешь себя напоказ. Л. – Ага, представляла себя напоказ. Перед кем? Перед рыбами? П. – Ты прекрасно знаешь, что я единственный, кто ходит рыбачить. Наверняка ты хотела меня соблазнить. Л. – Я – тебя? Слушай, чувак, ты шпионил за мной и точка. П. – Ну да, ну да. Как скажешь, Хэлли Берри.</p>
<p>Хэлли Берри американская актриса, сыгравшая подружку Джеймса Бонда в фильме “Умри, но не сейчас” (2002).</p>	

В этом эпизоде намек на момент фильма, где ее героиня выходит из воды в бикини, а секретный агент отпускает в ее адрес кокетливую реплику: “Великолепный вид!”. Здесь аллюзивное сравнение реализуется в форме эпитета – Пабло хочет разрядить обстановку и в шутливой форме делает Лауре комплимент.

Эчеги, бывший рок-музыкант в поисках вдохновения обращается к гламурной диве Амайе.	
Echegui: -¡Guapa! Quieres que te haga una canción? Amaya: - ¿A mí? Echegui: - Tienes pinta de haber tenido una vida muy interesante. Amaya: - ¡Uh! Pues sí, sí. ¡Uh! A mí me ha pasado de todo. Echegui: -Pensaba en un tema tipo “Barbie Superstar”, la de Sabina . Amaya: -Yo también tuve una Barbie de pequeña, la Malibú, con su descapotable rosa. Echegui: -Cuéntame, ¿cómo empezaste en la prostitución? Amaya: - No, no. Yo empecé en el Alcampo, de cajera. Echegui: -Sí, claro y estás con el gordo este por el amor. Que empezaste ¿en un chalé o de alterne? Amaya: -Que no soy puta, gilipollas, que soy actriz. ¡Mira! Se lo voy a decir a mi novio.	Э. – Красотка! хочешь я для тебя напишу песню? А. – Для меня? Э. – Похоже, у тебя была очень интересная жизнь. А. – Вай! Конечно хочу! Ах! Со мной всякое бывало. Э. – Я думал написать что-то типа Барби Суперстар Сабины. А. – У меня тоже была Барби в детстве, Малибу, с розовым кабриолетом. Э. – Расскажи мне как ты начала проституцию? А. – Нет-нет. Я начала в Алькампо, кассиршей. Э. – Ну да, и с этим пузаном ты по любви. Это случилось на загородной вилле или в баре свободных нравов? А. – Я не шлюха, придурок, я актриса. Посмотри на него! Я все расскажу моему жениху.
Поэт, певец, гитарист, бунтарь Хоакín Сабина – суперзвезда испаноязычной музыки уже больше трети века. Остросоциальные тексты Хоакина Сабина, его узнаваемый исполнительский стиль, умение говорить на языке, понятном представителям нескольких поколений, сделали этого артиста одним из главных представителей испанской авторской песни. “Барби Суперстар”, в двух словах – песня-сатира на амбициозных и беспринципных безмозглых женщин-кукол, мечтающих о силиконовых протезах и замужестве с некрасивым, богатым дураком.	

В данном случае аллюзия выполняет оценочно-сравнительную функцию и имеет иронично-презрительный оттенок, после этого случая прозвище Барби навсегда закрепилось за Амайей. В реальности, с легкой руки Хоакина Сабина это выражение прочно закрепилось в испанской разговорной речи.

Хуанхо и Кандидо приехали в Сориво на прием к мэру с целью пригласить его на рок-фестиваль, организатором которого был Хуанхо.	
Juanjo: – Pero, hombre, ¿cómo viene vestido así a ver al alcalde de Soria? Que parece Usted Paco Rabal en “Los santos inocentes” . Cándido: – Es que yo no tuviere atavios elegantes.	Х. – Господи, ну как так можно было одеться на прием к мэру Сориво? Вы похожи на Пако Рабала из кинофильма “Святые безгрешные”. К. – Дело в том, что у меня нет элегантных нарядов.

Франсиско “Пако” Рабаль (1926-2001) – испанский актёр, сыгравший в фильме “Святые безгрешные” – экранизации одноименного романа испанского писателя Мигеля Делибеса. В этом фильме Пако Рабаль играет Азариаса, взрослого человека с ограниченными когнитивными способностями и неопрятной внешностью, он всегда ходил в беретке и жилетке – точно так же, как и Кандидо.

Сравнительная функция аллюзии в этом примере сочетается с иронией, за которой Хуанхо скрывает свое раздражение. Примечательно то, что Хуанхо не говорит, что Кандидо похож на Азариаса, он называет актера, сыгравшего эту роль, что свидетельствует о том, что Хуанхо мыслит готовыми киношными шаблонами.

36% примеров – аллюзии на названия кинофильмов, телесериалов, мультфильмов, детских программ и их персонажей:

Густаво и Лаура “позаимствовали” у Арсасио свинью, умевшую находить грибы трюфели. В поисках трюфелей в лесу происходит следующая сцена, в конце которой Базилио (свинья) срывается с обрыва в пропасть.

Gus: – Buscar trufas es como opositar. Necesitas metas. Una hora de estudio, una pajilla. Una hora de estudio, la merienda. Pues el cerdo funciona igual: sin premios se desmotiva.
Laura: – ¡Joder! Pues...le doy la más requena.
Gus: – Venga, sí.
Laura: – ¡Basilio! ¡Toma, Basilio! ¡Busca!
Gus: – O-o...
Laura: – ¿Qué pasa?
Gus: – Basilio...que se ha hecho *Telma y Luis*...

Г. – Искать трюфели это как готовиться к конкурсу на замещение должности. Надо давать себе установки. Час занимаешься – покурил сигаретку. Час позанимался – полдник. Со свиньёй точно также, без награды он демотивирован.
Л. – Чёрт! Ладно...дам ему самый маленький гриб.
Г. – Ага, давай.
Л. – Базилио! На, Базилио! Ищи!
Г. – О-о...
Л. – В чем дело?
Г. – Базилио...сыграл в Тельму и Луизу...

“Тельма и Луиза” (1991) – художественный фильм о крепкой женской дружбе. В финале две незадачливые преступницы, взявшись за руки, направляют свою машину к обрыву.

В данном эпизоде аллюзия на известный фильм живописно рисует финальную сцену и создает комический эффект. Здесь опять появляется тема шаблонного мышления.

Лаура и её дочь Макарена решают пустить почившего в бозе Базилио на колбасу и просят Пабло прийти помочь выпустить ему кровь. (Это одна из самых комичных сцен сериала – городские жители наивно полагают, что могут сделать кровяную колбасу из крови умершего своей смертью животного). В конце этой сцены Пабло, видя, как обе женщины вонзают нож в горло Базилио, падает в обморок.

Masarena: – ¿Qué tal, Pablo?
Pablo: – Bien. A mí, en el fondo, esto me hace mucha ilusión. Rollo hombre de las cavernas desuartizando a un mamut. Lo del Mercadona es una mentira, esta es la vida real.
Laura: – ¡Toma, *Picapietra*! Le rajas así el cuello y que toda la sangre cae en este barreño.

М. – Как дела, Пабло?
П. – Хорошо. Честно признаться, всё это меня радует. Роль пещерного человека раздвеляющего мамонта. Вот она, настоящая жизнь, а не походы в супермаркет Меркадона.
Л. – Держи, Пикапедра! Разрежешь ему вот так шею и пусть вся кровь льется в этот таз.

Los Picapiedra (англ. The Flintstones) – американский комедийный мультсериал, рассказывающий о жизни Фреда Флинтстоуна (Педро Пикапедра в испанской версии) и его друзей в каменном веке.

Фред Флинтстоун – живет в вымышленном доисторическом городе Бедрок, где пещерные люди наслаждаются «примитивными» версиями современных удобств – телефонами, автомобилями, стиральными машинами. Основная идея сериала заключается в карикатурном изображении американского общества 1950-х гг. [9]

Аллюзия в этом фрагменте сочетается с антономазией и создает комический эффект, не лишенный иронии. Пабло очень нравится сельская жизнь, но первое, что он сделал, оказавшись в деревне – купил микроволновую печь. Из-за этого стремления к комфорту Лаура постоянно его поддразнивает. Точно также как Барби Суперстар, имя Пикапедра стало в испанской разговорной речи нарицательным.

10% аллюзии на имена представителей культуры:

По стечению обстоятельств Амайя предлагают роль ведущей телерепортажа о Пеньяфрии.

Amaya: – Pues yo quiero hacer algo con alma, más centrado en las vidas de la gente de Peñafría.

Juanjo: – Pero si son vidas de mierda...

Amaya: – Pues precisamente por eso... Venga, vamos a hablar con la vieja, que esa tiene un montón de historias deprimentes.

Juanjo: – Pero, pero, ¡vamos a ver! ¿Tú quién te has creído ahora que eres? *¿Buñuel en las Hurdes?*

А. – Мне хочется снять что-то душевное, сконцентрированное на жизнь обитателей Пеньяфрии.

Х. – Но у них ужасная жизнь...

А. – Именно поэтому... Давай, пойдём, поговорим со старухой, у нее наверняка есть много депрессивных историй.

Х. – Послушай, ты кем себя сейчас вообразила? Буньюэлем в Лас-Урдес?

Луис Буньюэль (Буньюэль) Портолес (1900 – 1983) испанский и мексиканский кинорежиссёр. Буньюэль считается одним из основоположников и важнейшим представителем сюрреализма в кинематографе. “Земля без хлеба” / “Tierra sin pan” (“Las Hurdes”) – это ужасающий псевдодокументальный отчет с сюрреалистической окраской о борьбе за выживание деревенских крестьян, безнадежно прикованных к своей нищете и неграмотности.

В данной ситуации аллюзия на автора и на сам фильм имеет негативную окраску и выполняет описательную функцию: здесь явно звучит ирония и насмешка не только над Амайей но и над Пеньяфрией и местными жителями, эта аллюзия воспринимается как оплеуха всему, что окружает Хуанхо на данный момент. Следует отметить, что по количеству примеров, содержащих аллюзии, Хуанхо – абсолютный чемпион, эта деталь характеризует его как человека достаточно образованного, но вспыльчивого и несдержанного, агрессивно настроенного против всего.

6% аллюзии на имена политиков:

Хуанхо заказал в городе значки для предвыборной кампании Амайи, выдвинувшей свою кандидатуру на пост мэра Пеньяфрии.	
Juanjo: – Mira, mira lo que te he hecho: chapas, en plan <i>Hillary Clinton</i> .	X. – Смотри, смотри, что я тебе сделал: значки, типа Хиллари Клинтон.
Amaya: – Pero ¿qué foto has puesto? ¿Porqué no has puesto de cuerpo entero que se me vean las piernas?	A. – А что за фотку ты вставил? Почему ты не вставил ту, где я в полный рост, чтобы было видно ноги?
Juanjo: – Amaya, es una charpa no un puto frisbi.	X. – Амайя, это значок, а не чертов фризби.
Хиллари Дайан Родэм Клинтон – американский политик, член Демократической партии, кандидат в президенты США 2016 года. При поддержке своего мужа Билла Клинтона, а также огромных капиталовложений в рекламу Хиллари занимала ведущее место в рейтингах и опросах избирателей. Скорее всего, эту рекламную кампанию и имеет в виду Хуанхо ссылаясь на Хиллари Клинтон в разговоре с Амайей.	

Здесь имеет место аллюзивный антропоним, сопровождаемый маркером сравнения: en plan + имя, выполняющий описательную функцию.

6% аллюзии на мир моды

Хуанхо и его подружка Амайя перевозят кирпичи на осле, украденном у Арсасио.	
Amaya: – Si es que está reventadito, el pobre, como yo.	A. – Да он уже падает от усталости, бедняга, как и я.
Juanjo: – Que no, hombre, que estos bichos aguantan. ¿Tenemos terrones de azucar?	X. – Да нет, это выносливые животные, знаешь ли. У нас есть сахар-рафинад?
Amaya: – El azucar es veneno, tenemos sacarina.	A. – Сахар – это яд, есть сахарин.
Juanjo: – ¿Sacarina a un burro, Amaya?	X. – Подсластитель ослу, Амайя?
Amaya: – La yorkshire de mi prima comía berberechos.	A. – Йоркшир(ский терьер) моей двоюродной сестры ела морских гребешков.
Juanjo: – Amaya, que es un animal, <i>no una modelo de Victoria's secret</i> .	X. – Амайя, это животное, а не модель Victoria's secret.

В данном контексте аллюзия на модели, “ангелов” всемирно известного торгового бренда. Victoria's Secret – одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского нижнего белья, купальников, одежды, косметики, парфюмерии и аксессуаров. Здесь прием аллюзии использован как щадящий способ выражения сарказма. Комический эффект настраивает адресата на несерьезный лад и выражение неодобрения не кажется обидным.

3% аллюзии на факты мировой истории

Рут и Мончо – хиппи-веганы, борцы за экологию. В один из дней соседка Элиза пригласила их на обед и приготовила рагу из улиток, полагая, что это веганское блюдо. Узнав, что обед приготовлен из улиток, Рут и Мончо повернулись и ушли, забрав своего сына Ориона. Далее между ними происходит следующий разговор.	
Rut: – Amor, estaba pensando... que igual a Orion le vendría una dieta un poquito más amplia	P. – Дорогой, я тут подумала... все-таки Ориону нужен более широкий рацион питания.
Moncho: – ¿Cómo más amplia?	M. – Как это более широкий?
Rut: – Pues a lo mejor lo de caracoles tampoco ha sido tan grave.	P. – Думаю, что в истории с улитками ты повел себя слишком строго.
Moncho: – Rut, o sea, ¡los cocieron vivos! ¡30 animalitos! ¡Aquello fue un <i>Holocausto</i> de moluscos!	M. – Рут, послушай, их сварили заживо! 30 живых существ! Это было настоящим моллюсковым Холокостом!

Английское слово “holocaust” заимствовано из латинской Библии (где используется в латинизированной форме holocaustum), в которой оно, в свою очередь, происходит из греческих, также библейских форм ὁλόκαυ(σ)τος “сжигаемый целиком”, ὁλοκαύτωμα “жертва всеожожения” [13].

В этом эпизоде функция сравнения усилена гиперболой: сравнивая сваренных моллюсков с холокостом, Мончо возмущенно пытается передать размах воображаемой им “экологической катастрофы”.

3% фольклорные аллюзии

Чичо, промоутер музыканта Эчеги, напился воды из фонтана на “площади” и заболел. Его мучит кашель и высокая температура. У его кровати собрались все соседи.

Nacho: – No, me refiero a la legionela. Pero no creo. Si agua está tratada... Cloración, control de pH, nivel de biocidas... Vale, no está tratada. Eh...Macho, tienes legionelosis. Antibióticos a saco o *al hoyo*.
Chicho: – Mejor antibióticos, ¿no?

Н. – Нет, я имею в виду легионеллу. Но не думаю. Если вода очищена... Хлорирование, контроль уровня кислотности, уровень биоцидов... Ясно, не очищена. Дружок, у тебя легионеллёз. Антибиотики мешками или могила.
Ч. – Лучше антибиотики, правда?

В данном фрагменте намёк на один из элементов пословицы “el muerto al hoyo y el vivo, al bollo” (схоронили – позабыли). Выполняя предсказательную функцию, создает комический эффект.

Пабло не может определиться с выбором: остаться со своей невестой Изабель или начать новые отношения с Лаурой и просит у Начо совета.

Pablo: – Que fácil se ve todo de fuera. Me encantaría que estuvieras en mi situación.
Nacho: – ¿Tú has oído hablar de *la paradoja del asno de Buridán*?
Pablo: – ¿De quién?
Nacho: – Un asno que no sabe elegir entre dos montones de heno y acaba muriendo de hambre por no decidirse.
Pablo: – ¿Tú me estas diciendo que me puedo quedarse las dos?
Nacho: – Eres el asno soriano.

П. – Как легко рассуждать со стороны. Хотел бы я, чтобы ты оказался в моей ситуации.
Н. – Ты когда-нибудь слышал про Буриданов парадокс?
П. – Про чей?
Н. – Один осел не мог выбрать между двумя копнами сена и не сумев определиться с выбором умирает голодной смертью.
П. – Ты мне хочешь сказать, чтобы я остался с обеими?
Н. – Ты сорианский осел.

“Буриданов осел” – парадокс в философии, который получил название от имени французского философа и логика Жана Буридана, хотя притча об осле встречается еще в сочинениях Аристотеля. Буридан лишь развил её идею, предположив, что необходимость выбирать в два раза замедляет принятие решения [11].

С буридановым ослом сравнивают крайне сомневающегося человека, который не решается сделать выбор в пользу одной из двух одинаково привлекательных возможностей. В данном случае аллюзия-сравнение усиливает выразительность оценки.

Кроме рассмотренных выше, встречаются такие аллюзии-антропонимы, как Сенека и Да Винчи:

Начо, Пабло и Изабель находятся во внутреннем дворике дома. Начо, вальяжно развалившись на стуле, философствует глядя на вешающих выстиранное ручную белье Пабло и Изабель.	
<p>Nacho: – Ay, qué gran invento la lavadora-secadora ¿verdad? ¿Os dáis cuenta de la gran incongruencia que supone haber nacido en la época más avanzada de la historia de la humanidad y sin embargo estar viviendo en el siglo XIX?</p> <p>Pablo: – Oye, <i>Séneca</i>, ¿y si en vez de filosofar ahí sentado colaboras un poquito?</p> <p>Nacho: – Oye, un respeto. Que de momento soy el único miembro de esta familia que tiene un sueldo fijo.</p>	<p>Н. – Ах, какое великое изобретение стиральная машина-автомат, не правда ли? Вы осознаете огромную нелепость того, что означает родиться в самый прогрессивный период человеческой истории и все же жить в XIX веке?</p> <p>П. – Слушай, Сенека, может, сможешь немного вместо того, чтобы сидеть там и философствовать?</p> <p>Н. – Послушай, немного почтения. На сегодняшний день я единственный в этой семье у кого есть стабильный заработок.</p>
Лүций Аннэй Сене́ка – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель. Воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей стоицизма, автор ряда философских трактатов и трагедий [12].	

В этом примере использована аллюзия в конвергенции с антономазией. Этот тандем подкрепляется словами *incongruencia*, *filosofar* для создания наиболее красочного образа. Конечно, Пабло мог бы сказать “не умничай”, “не разглагольствуй”, но антропоним Сенека имеет более высокую интенсивность оценки. Помимо создания комического эффекта это обращение содержит в себе иронию, насмешку, а не положительную оценку: Пабло в данной ситуации так показывает свою досаду, а не восхищение умственными способностями своего друга.

Хуанхо ругает Начо, взявшегося по дружбе сделать кладку стены.	
<p>Juanjo: – ¡Mira cómo me estás haciendo el muro!</p> <p>Nacho: – ¿Qué?</p> <p>Juanjo: – ¡Torsido! ¿Y tienes que poner tanto cemento? Lo que sobre lo recoges y lo vuelves a usar, que no lo regalán, hombre!</p> <p>Nacho: – Pero ¿por qué no hacen los ladrillos como el lego, para que encajen?</p> <p>Juanjo: – No lo sé, pero esto se ha hecho así siempre.</p> <p>Amaya: – ¿Qué os pasa?</p> <p>Juanjo: – Aquí <i>Da Vinci</i> que está reinventando el ladrillo.</p>	<p>Х. – Посмотри, как ты делаешь кладку!</p> <p>Н. – Что такое?</p> <p>Х. – Криво! И надо ляпать столько цемента? Лишнее надо собрать и заново использовать, его не раздаривают, знаешь ли.</p> <p>Н. – Ну почему не делают кирпичи типа леги, чтобы они вставлялись друг в друга?</p> <p>Х. – Не знаю, но кладка всегда так делалась.</p> <p>А. – Что у вас тут происходит?</p> <p>Х. – Да вот, да Винчи тут заново изобретает кирпич.</p>
Леона́рдо ди сер Пье́ро да Винчи – итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор) и учёный (анатом, экспериментатор), изобретатель, писатель, музыкант, один из крупнейших представителей искусства Высокого Возрождения [10].	

В данном фрагменте так же аллюзия сочетается с антономазией, раскрывая целую гамму оценочных оттенков со знаком минус. Срав-

нение подкреплено еще и фразеологизмом “изобретать заново велосипед”, где компонент “велосипед” заменён на “кирпич”, что придает высказыванию иронический характер, передавая стереотипное представление о дилетантском подходе к какому-либо занятию.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: язык телесериала *El Pueblo* пронизан аллюзиями на реальные или вымышленные персонажи и исторические события: одни из них более универсальны, а другие более специфичны и культурно-маркированы. Проникновение в язык тех или иных культурных ценностей и реалий, их формирование в виде культурем и их аллюзивное использование в рамках вторичного текста является тремя стадиями внелитературного образования аллюзии. Эти аллюзии составляют так называемые культурные референции и насыщают разговорную речь, придавая ей выразительную силу; способствуют формированию системы концептуально оформленных идей и дают возможность авторам передать информацию в свернутой форме.

В сериале *El Pueblo* используется высокий процент аллюзий на персонажей и популярные факты современной испанской реальности. Это основано на намерении сценаристов охватить наибольшее количество зрителей, с которыми они делят предварительное контекстуальное знание упомянутого факта или персонажа.

Большинство рассмотренных аллюзий встречаются не изолированно, а в составе так называемой стилистической конвергенции, окруженные другими стилистическими приемами (сравнение, эпитет, гипербола, антономазия). Таким образом, семантический и экспрессивный потенциал аллюзивного слова многократно возрастает, усиливая выразительный и изобразительный эффект.

Исследование также показало, что прием аллюзии используется авторами телесериала почти что исключительно в речи городских жителей, являющихся продуктами массовой культуры, основывающейся на искусственно создаваемых образах и стереотипах. Они мыслят стандартами, «картинками», живут созданными киноиндустрией и массмедиа в их инертном и ограниченном сознании мифами. Практически все рассмотренные примеры аллюзий заключают

в себе не юмор, а иронию и в некоторых случаях “завуалированную” юмором агрессию, которой, по мнению психологов, всегда предшествует состояние фрустрации. Это говорит о том, что практически все городские персонажи находятся в ситуации психологического дискомфорта, возникшего у них из-за невозможности достижения какой-либо цели, желания.

С помощью такого ёмкого приема, как аллюзия, имеющего огромный стилистический потенциал, авторам удается показать зрителю состояние внутреннего разлада, духовной “дезинтеграции” этих людей; примитивизацию человеческих отношений, социальный максимализм, культ успеха, пренебрежительное отношение к старому и новому поколению. В итоге раскрывается основная идея данного телесериала – показать сложное сосуществование двух антагонистических миров: сельского и городского.

Список литературы

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка): Монография. Воронеж: ВГУ, 2005. 277 с.
2. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981. 108 с.
3. Мамаева А.Г. Аллюзии и формы ее выражения в английской художественной литературе // Сб. научн. тр. МГПИИЯ. М., 1976. Вып. 98. С. 16-23.
4. Москвин В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Наука-Флинта, 2014. 168 с.
5. Тухарели М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тбилиси, 1984. 167 с.
6. Diccionario.ru. URL: <https://diccionario.ru> (дата обращения: 27.02.2023)
7. Diccionario de la lengua Española. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 22.02.2023)
8. Academic.ru. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru (дата обращения: 22.02.2023)

9. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1167345> (дата обращения 20.02.2023)
10. Musei-mira.com. URL: https://musei-mira.com/biografia_hudojnikov/645-biografiya-leonardo-da-vinchi.html (дата обращения 05.03.2023)
11. ReadCafe. URL: <https://reedcafe.ru> (дата обращения: 22.02.2023)
12. SNO.NM.RU. URL: <http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/chan.htm> (дата обращения 05.03.2023)
13. UN News. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1347872> (дата обращения 03.03.2023)
14. Carrión J. Pensamos en serio porque pensamos en serie // Revista Mercurio: panorama de libros, 2015, no. 176, 2015, pp. 6-7. ISSN 1139-7705
15. Grasso A. Buona maestra: perché i telefilm sono diventati più importanti del cinema e dei libri. Milano: Mondadori Strade Blu, 2007, 308 p.
16. Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 311 p.
17. Leppihalme R. Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Clevedon: Multilingual Matters, 1997, 241 p.
18. Perri C. On alluding // Poetics. The Hague; Paris, 1978, vol. 7, no. 3, pp. 289-307.
19. Searle J. Speech Acts. Cambridge: Cambridge U.P. 1969, 203 p.

References

1. Bykova O.I. *Etnokonnotatsiya kak vid kul'turnoy konnotatsii (na materiale nominativnykh edinits nemetskogo yazyka)* [Ethnoconnotation as a kind of cultural connotation (based on the nominative units of the German language)]. Voronezh: VGU, 2005, 277 p.
2. Gubbenet I.V. *K problem ponimania literaturno hudozhestvennogo teksta (na ngliiskom materiale)* [About the problem of understanding of fictional tekst (based on English texts)]. Moscow: MSU, 1981, 108 p.
3. Mamaeva A.G. *Alluzii i formy ee vyrazheniya v angliyskoy khudozhestvennoy literature* [Allusions and forms of its expression in English fiction]. *Sb. nauchn. tr. MGPIIJa* [MSPIFL Collection of Scientific Papers]. Moscow, 1976, no. 98, pp. 16-23.

4. Moskvina V.P. *Intertekstualnost': Poniatijnij apparat. Figuri, zsanri, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus. The figures, genres, styles]. Moscow: Nauka-Flinta Publ., 2012, 168 p.
5. Tuhareli M.D. *Alljuzija v sisteme hudozhestvennogo proizvedenija* [Allusion in the system of a literary work of art]. PhD dissertation. Tbilisi, 1984, 167 p.
6. Diccionario.ru. URL: <https://diccionario.ru> (accessed February 27, 2023)
7. Diccionario de la lengua Española. URL: <https://dle.rae.es> (accessed February 22, 2023)
8. Academic.ru. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru (accessed February 22, 2023)
9. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1167345> (accessed February 20, 2023)
10. Musei-mira.com. URL: https://muzei-mira.com/biografia_hudojnikov/645-biografiya-leonardo-da-vinchi.html (accessed March 5, 2023)
11. ReadCafe. URL: <https://reedcafe.ru> (accessed February 22, 2023)
12. SNO.NM.RU. URL: <http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/chan.htm> (accessed March 5, 2023)
13. UN News. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1347872> (accessed March 3, 2023)
14. Carrión J. Pensamos en serio porque pensamos en serie. *Revista Mercurio: panorama de libros*, 2015, no. 176, pp. 6-7. ISSN 1139-7705
15. Grasso A. Buona maestra: perché i telefilm sono diventati più importanti del cinema e dei libri. Milano: Mondadori Strade Blu, 2007, 308 p.
16. Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 311 p.
17. Leppihalme R. Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Clevedon: Multilingual Matters, 1997, 241 p.
18. Perri C. On alluding. *Poetics*. The Hague; Paris, 1978, vol. 7, no. 3, pp. 289-307.
19. Searle J. *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge U.P. 1969, 203 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Акипова Юлия Алексеевна, старший преподаватель кафедры романо-германских языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинский Государственный Университет
ул. Ватутина 44-46, г. Владикавказ, 362025, Российская Федерация
julia_kipova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Akipova, Senior-lecturer, Department of Romano-Germanic Languages
North Ossetian State University
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation
julia_kipova@mail.ru
SPIN-code: 6088-3275
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5289-9578>

Поступила 19.04.2023

После рецензирования 30.04.2023

Принята 18.05.2023

Received 19.04.2023

Revised 30.04.2023

Accepted 18.05.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287
УДК 811.13

Научная статья

ИЗОБРЕТЕНИЕ «РИМСКОГО», ВООБРАЖЕНИЕ «ВАРВАРСКОГО»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМА В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ ОВИДИЯ

М.В. Кирчанов

***Цель.** Автор в представленной статье рассматривает поздние тексты Овидия, представленные «Tristia» и «Epistulae ex Ponto». Цель исследования – анализ того, как тексты отражают процессы формирования имперской политической культуры и идентичности.*

***Новизна исследования.** Новизна исследования состоит в анализе поздних текстов Овидия не как литературных, но как политических нарративов, которые содействовали трансформации римской идентичности, содействуя актуализации концептов Самости и Инаковости через призму формирующихся имперских нарративов.*

***Материалы и методы.** Методологически статья основана на принципах междисциплинарности, предложенных в рамках исследований национализма, интеллектуальной и культуральной истории, трансплантируемых в контексты литературной истории Рима I в. н.э.*

***Результаты.** В статье проанализированы 1) попытки Овидия сформировать идеальный и позитивный образ власти, 2) вклад Овидия в развитие римских представлений о варварах, 3) особенности географического восприятия Овидием формирования римской территории как имперского гетерогенного простран-*

ства. Показан вклад поздние текстов Овидия, представленных «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» и написанных в ссылке, в формирование политической имперской культуры и идентичности. Результаты исследования позволяют предположить, что 1) Овидий стал одним из первых римских авторов, которые текстуализировали трансформации политической власти, внося вклад в генезис культу императорской власти как элемента политической культуры; 2) в формировании и воображении образов варваров Овидий продолжал более ранние тенденции иерархизации и идеализации обитателей периферийных провинций; 3) поздние тексты Овидия, написанные в ссылке, стали вкладом в развитие культурной географии формирующейся Римской империи, основанной на глорификации и позитивной идеализации Италии через призму ее противопоставления провинциям.

Ключевые слова: Овидий; «Tristia»; «Epistulae ex Ponto»; Рим; римская идентичность; политическая власть; варвары; политическое воображение

Для цитирования. Курчанов М.В. Изобретение «римского», воображение «варварского»: конструирование имперской идентичности Рима в поздних текстах Овидия // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 255-287. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287

Original article

INVENTION OF “ROMAN”, IMAGINATION OF “BARBARIAN”: THE CONSTRUCTION OF THE IMPERIAL IDENTITY OF ROME IN THE LATER TEXTS OF OVID

M.W. Kyrchanoff

Purpose. The author in the presented article considers the late texts of Ovid, presented by Tristia and Epistulae ex Ponto. The purpose of the

article is to analyze how the texts reflect the processes of formation of the imperial political culture and identity.

Research novelty. The novelty of the study lies in the analysis of the late texts of Ovid not as literary, but as political narratives that inspired the transformation of Roman identity, contributing to the actualization of the concepts of Self and Otherness.

Materials and methods. Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinarity proposed in the framework of studies of nationalism, intellectual and cultural history, transplanted into the contexts of the literary history of Rome in the 1st century AD.

Results. The article analyzes 1) Ovid's attempts to form an ideal and positive image of power, 2) Ovid's contribution to the development of Roman ideas about barbarians, 3) peculiarities of Ovid's geographical perception of the formation of Roman territory as an imperial heterogeneous space. The contribution of the later texts of Ovid, represented by *Tristia* and *Epistulae ex Ponto* and written in exile, to the formation of political imperial culture and identity is shown. The results of the study suggest that 1) Ovid was one of the first Roman authors who textualized the transformations of political power, contributing to the genesis of the cult of imperial power as an element of political culture; 2) in the formation and imagination of the images of the barbarians, Ovid continued the earlier tendencies of hierarchization and idealization of the inhabitants of the peripheral provinces: 3) the later texts of Ovid, written in exile, became a contribution to the development of the cultural geography of the emerging Roman Empire, based on the glorification and positive idealization of Italy through the prism of its opposition to the provinces.

Keywords: Ovid; *Tristia*; *Epistulae ex Ponto*; Rome; Roman identity; political power; barbarians; political imagination

For citation. Kyrchanoff M.W. Invention of "Roman", Imagination of "Barbarian": the Construction of the Imperial Identity of Rome in the Later Texts of Ovid. *Sovremennyye issledovaniya socialnykh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 255-287. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287

Введение

В конце I века до н.э. и на протяжении I в. н.э. древнеримское общество переживало трансформации, связанные с изменением государственности в направлении формирования империи, чему содействовал целый ряд факторов. Среди стимулов, которые содействовали генезису новой государственной модели, особое место занимали военные завоевания Рима, которые не только увеличивали территорию, но и автоматически актуализировали такое качество римской территориально-административной структуры и демографии как гетерогенность. Формировавшаяся в I в. н.э. Римская империя представляла собой особый тип имперской государственности древности, что не позволяет проецировать на историю ее политических и социальных институтов качества империй нового времени, когда национализм стал идеологической универсалией. Тем не менее, анализируя историю римской государственности I в. н.э., не следует сводить исторический процесс исключительно к социально-экономической и событийной компоненте, что имело место в более ранней историографии. Процессы трансформации Рима в государство-империю сопровождались радикальными изменениями на уровне идентичности и ее производных, представленных литературой в частности и культурой в целом.

Цель и задачи

Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье – проблемы отражения и восприятия формирующейся имперской идентичности в текстах Овидия, написанных им в ссылке. Целью статьи является анализ «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» как источников, фиксирующих формирование имперской политической культуры и идентичности в их ранних версиях. В число задач автора входит 1) анализ методологических оснований восприятия истории Рима через призму междисциплинарных штудий в рамках имперской истории как обоснование не литературоведческой, но политической и интеллектуальной интерпретации наследия позднего Овидия, 2) изучение восприятия Рима как ядра формирую-

щейся империи в текстах Овидия, написанных им в изгнании, 3) выявление элементов имперской идентичности в поздних текстах Овидия путем деконструкции наррации поэта не как части литературной традиции, но политического метатекста, 4) рассмотрение варварских нарративов, которые играли вспомогательную роль в актуализации и визуализации именно имперской природы государственности как объекта глорификации и предмета конструирования в текстах Овидия позднего периода его деятельности.

Культурное пространство как основа политических трансформаций

Культура римского общества не могла не реагировать на перемены, которые актуализировали новые качества литературы и производимых в ее рамках текстов. Последние актуализировали свои не только внешние формальные, литературные и стилистические, качества, но и становились пространством конструирования политических нарративов. Поэтому тексты в римском обществе фактически начинают играть роль генерации политических смыслов, связанных, в том числе, и идентичностью, которая в рамках трансформации, социальной и политической мутации республики в империю, начинает играть новые роли, воспроизводя содержательно иные версии идентичности. Последние в значительной степени создавались благодаря интеллектуальной активности образованного слоя, представители которого выступали в качестве создателей новых изобретенных политических традиций, призванных легитимировать имперскую модель политического и культурного развития. Анализируя эти процессы в перспективе римской истории, во внимание следует принимать, что они не были уникальны. Механизмы интеллектуального конструирования политических и культурных идентичностей имперского типа позднее неоднократно использовались в империях нового времени, что получило значительное изучение как в российской, так и зарубежной историографии, где неоднократно подчеркивалось, что именно литературные тексты играли роль того пространства, в рамках которого не только

конструировались образы империи, но и формировалась сама имперская идентичность [26]. Вместе с тем все имперские атрибуты и характеристики, связанные с генезисом, развитием и трансформацией идентичностей – социальных, политических, культурных, этнических и религиозных – ограничивались имперскими экспериментами, имевшими место в XVIII или XIX вв., хотя сама механизм генезиса, поддержания и воспроизводства имперских моделей развития идентичности был выработан в рамках общества Римской империи. Последняя через призму междисциплинарной имперской истории изучалась в меньшей степени, чем империи нового времени несмотря на то, что культурная и литературная история Рима в состоянии обеспечить историков многочисленными источниками, анализ которых позволяет деконструировать более ранние преимущественно социальные и экономические интерпретации, что позволит воспринимать историю трансформации республики в империю через призму эпистемологии, применяемой для изучения европейских империй XIX в. Изучение последних становится чрезвычайно продуктивным в случае обращения к текстам как нарративным конструкциям, авторы которых могли фиксировать процессы социальной и политической мутации, в результате которой общество становилось империей. Процессы формирования имперских идентичностей в Европе достаточно детально описаны в историографии, сфокусированной на политической роли литературной наррации как пространства генерации новых смыслов, связанных с развитием идентичности. Несмотря на явные успехи междисциплинарной «имперской истории», в рамках которой были выработаны эпистемологические принципы и описательные языки империй, в значительной степени претендующие на универсальность, эти подходы в российской историографии практически не трансплантировались в иные хронологические контексты, не применяясь, например, для изучения истории формирования политических и культурных основ идентичности Римской империи. Последнее свидетельствует о значительном консерватизме, который характерен для российского сообщества историков-антиковедов,

склонных применять методологические модели, унаследованные от предшествующего поколения исследователей и, как результат, практически не пересекающиеся с современными и актуальными трендами междисциплинарной историографии.

Методология

Ряд методологических поворотов в гуманитарных науках, включая имагинативный, инвенционистский, перформативный и визуальный позволили историкам иначе взглянуть, в том числе, и на проблемы истории ранней имперской модели Рима. Поэтому империя перестала восприниматься только через призму событийности или исключительно в рамках социально-экономической истории. Наличие обширного источникового корпуса, представленного как нарративными, так и визуальными источниками позволяет анализировать историю Римской империи через призму интеллектуальной истории, культуральной истории, истории ментальностей, истории и археологии идей, что существенно расширяет интерпретационные возможности современной историографии, основанной на восприятии текстов в рамках семиотики, конструкции и деконструкции содержащихся в них или приписываемых им смыслов. Ревизия более ранних восприятий в форме отказа от преимущественно политической или социально-экономической интерпретации нарративных источников, с одной стороны, может оказаться чрезвычайно продуктивной и перспективной формой историонаписания и историоописания в рамках анализа феномена «империя» и ее производных в древнеримских контекстах. С другой, пересмотр более ранних преимущественно социально, политически и экономически маркированных интерпретаций источников может существенно расширить диапазон возможных объяснений, если мы будем конструировать и деконструировать смыслы, содержащиеся в нарративных источниках, не только через выявление политических и социально-экономических реалий, но анализировать их через призму подходов, предложенных в рамках изучения феномена имперских государственных. Имперская идентичность в ее римской версии

может быть прочитана, конструирован и деконструирована посредством использования двух концепций, предложенных в англо-американской историографии последней четверти XX в. Первая концепция известна как «воображение сообществ» [17], а вторая как «изобретение традиций» [38]. Эти подходы были предложены в первой половине 1980-х гг. Б. Андерсон, Э. Хобсбаумом и Т. Рэйнджером. В рамках изобретения традиций следует интерпретировать восприятие Рима как идеализированного, идеализируемого и привлекательного политического и культурного сообщества, наделяемого характеристиками и качествами центра мира.

Ревизионизм и антиковедение

Применение такого подхода раскрывает новые интерпретационные уровни в тех источниках, подробно и детально изученных и описанных в историографии. Среди источников, которые могут быть подвергнуты такой ревизионистской деконструкции, направленной на выявление смыслов, ранее игнорируемых историками, работавшими в рамках позитивистской или марксистской интерпретационной модели, особое место занимают два текста Публия Овидия Назона (43 г. до н.э. – 17 / 18 г. н.э.), «Tristia» («Тристии» или «Скорбные элегии») и «Epistulae ex Ponto» («Письма с Понта»), относящиеся к позднему периоду его деятельности. Эти тексты в историографии изучены в меньшей степени, чем другие произведения поэта.

Более того, как подчеркивал М. Гаспаров, «у филологов прошлого эти сочинения всегда были не в чести. Они считались хуже его более ранних любовных стихов» [4, с. 202]. Кроме этого, в российской и зарубежной историографии эти тексты традиционно интерпретируются преимущественно как памятники литературы, а восприятие в их рамках формирования имперской модели и связанной с ней идентичности, как правило, остается за пределами внимания исследователей. Оценки 1970-х гг. и более раннего времени на современном этапе развития антиковедения выглядят чрезмерно категорично и кажутся устаревшими.

Прогресс науки об античности, основанной на принципах междисциплинарности, достижения интеллектуальной и культуральной истории, исследований идентичности позволяет взглянуть по поздние тексты Овидия под иным углом зрения. Вероятно, именно поэтому американский историк Т. Зиолковски полагает, что «в отличие от любого деятеля классической античности... Овидий... занял видное место в современной европейской литературе» [40, p. 145] в силу его предвосхищения идей идентичности, империи и литературного отражения образов имперской модели развития.

Комментируя важность обновления концепций и интерпретаций в историческом знании, американский историк Дж. МакФерсон подчеркивает, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой... Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах» [30, p. 1].

Вероятно, именно поэтому наши предшествующие представления об Овидии как преимущественно поэте и жертве произвола Августа нуждаются в пересмотре в направлении формирования его образа как активного участника культурной трансформации Рима 1 века н.э. на уровне идентичности, чей нарратив был не столько поэтическим, сколько политическим.

Историография

Проблема в том, что предположения автора, озвученные выше, практически не коррелируются и не пересекаются с основными трендами и тенденциями, которые определяет векторы и траекто-

рии развития антиковедения в современной российской историографии. Несмотря на то, что ведущие специалисты по империям как историческому и политическому феномену указывают на «необходимость найти новую исследовательскую модель» [6, с. 19], которая позволяла бы анализировать различные империи, включая античные, значительная часть российских антиковедов такие идеи игнорирует. Несколькими годами ранее фактически аналогичная идея была озвучена и Э.В. Саидом, подчеркивавшим, что «мы находимся на этапе нашей работы, когда мы больше не можем игнорировать империи и имперский контекст в наших исследованиях» [39, р. 5].

Вместе с тем все эти интеллектуальные призывы фактически были проигнорированы частью российского исследовательского сообщества антиковедов, которые оказались склонны применять фактически устаревший методологический инструментарий. Иллюстрируя данное предположение, приведем ряд примеров доминирования негативных тенденций в современной российской историографии, сфокусированной на изучении политического и культурного опыта античных обществ. Большинство исследований российских историков, которые в большей или меньшей степени актуализируют проблемы социальных, политических и культурных трансформаций в рамках римского общества методологически относятся к т.н. «нормативной» историографии, ограниченной преемственностью с предшествующими поколениями историков, излишней фактографичностью, которая приближает такие тексты к позитивизму.

Предположение В. Бердинских о том, что «смена поколений автоматически меняет парадигмы научного сообщества» [1, с. 124] к изучению ранней истории имперской модели развития Рима, представляется практически неприменимой. Поэтому в определенной части современных исследований, посвященных имперской трансформации Рима, заметно то, что В. Бердинских описывает как «главный результат засилья старых форм в науке», состоящий в склонности историков «сдвигать разновременные и разнохарактерные явления в одну плоскость» [Там же, с. 40].

В рамках подобных работ [2] доминирует событиецентричность и датоцентричность, что превращает такие тексты в исключительно описательные [8], фактически маргинальные, т.к. они являются по своему узусу (применению) узколокальными и не соотносятся с доминирующими трендами в международном антиковедении, игнорируя их. Поэтому такие тексты в современном российском антиковедении актуализируют качества, определяемые методологами исторической науки, как «схематичность, идеологизм и догматизм» [1, с. 55]. Подобно «абсолютизации классового подхода к историческому источнику», которая, по мнению Л.А. Сидоровой, «приводила к сужению возможностей его трактовки и комментирования» [11, с. 148], столь некритичное отношение к источникам, основанное на их буквалистском понимании и прочтении через призму социально-экономической истории, основанной на канонизации события, характерно и для определенной части исследований современного российского антиковедения.

Что касается части исследований отечественных историков, посвященных имперской трансформации римского общества, то они предпочли проигнорировать «тексты – это не готовые объекты» [37, р. 11], предпочитая видеть в источниках почти исключительно социальный и экономический контент, воспроизводя стереотипы, унаследованные от предшествующей историографической традиции. Несмотря на то, что в современной международной историографии империй Римская империя определяется как «архетипическая для современного исторического воображения» [5, с. 385], попытки ассимиляции зарубежного историографического опыта в российском антиковедении фрагментарны, непоследовательны и не имеют системного характера.

Использование, например, достижений визуального поворота практикуется крайне избирательно [14] и изолировано с игнорированием как предшествующего историографического контекста, так и современных штудий по данному направлению. Поэтому интерпретации в рамках формально визуальных исследований не выходят за рамки нормативной историографии, т.к. авторы игнорируют ре-

сурсы и потенциал деконструктивистского прочтения, ограничивая себя преимущественно формальными культурными или социально-экономическими моделями объяснения. Словно, следуя за предположением Н.В. Трубниковой о том, что «историк не пишет принципиально новых историй, он пытается “перерасказывать” старые, используя новые данные и формируя новые интерпретации» [13, с. 26], современные российские антиковеды, вовлечённые в изучение Римской империи, ее культурных контекстов и идентичностей, два последних процесса предпочитают последовательно игнорировать.

В такой ситуации становится заметной и изолированность от зарубежной историографии, в особенности – от теоретических работ, хотя авторы последних на протяжении почти 20 лет констатируют важность переосмысления имперского опыта на историческом материале. Например, Д. Ливен во второй половине 2000-х гг. указывал на то, что «империя снова оказалась в числе приоритетных тем» [9, с. 283], что верно только для междисциплинарной историографии, но не для того сегмента в российском антиковедении, представители которого продолжают воспроизводить устаревшие, преимущественно социально-экономические, нарративы.

Исследования, формально выполненные в рамках социальной истории [12], фактически с таковой не пересекаются, т.к. социальность утрачивает свои системные характеристики, редуцируясь до попыток подмены социальной динамики перечислением фактов, столь же некритично интерпретируемых, как и в большинстве других случаев. Кроме этого, значительная часть исследований основана на крайне некритическом отношении к источникам. Интерпретации событий античности, фиксируемые в текстах некоторых российских авторов, свидетельствует о том, что для ряда современных историков характерно буквалистское понимание и восприятие текстов античности, что указывает на крайне низкий общий методологический уровень, неспособность не только деконструкции текста, но и его минимальной интерпретации, не основанной на восприятии текста источника как реального отражения имевших место событий.

В наибольшей степени методологические проблемы российского антиковедения проявляются в тех случаях, когда речь заходит об этнической компоненте в истории римского общества [10]. По мнению ряда российских историков, если мы «признаем империю полноправным историческим феноменом», то неизбежно «сталкиваемся с необходимостью передачи специфического имперского опыта на языке сформировавшихся в XX в. современных общественных наук» [5, с. 384], которые у значительной части антиковедов в современной отечественной историографии продолжают оставаться на уровне описательных, преимущественно социально-экономических, нарративов 1970-х гг. В этом контексте практически полностью игнорируется потенциал междисциплинарной историографии, возникшей в рамках имперской истории.

Вместе с тем трансплантация подходов, предложенных для изучения более поздних империй, могла бы оказаться продуктивной и эффективной для анализа категорий «этничность» в силу того, что антиковеды предпочитают игнорировать потенциал деконструкции текста источника, что существенно ограничивает возможные интерпретации, связанные, в том числе, и с фактором этничности, и этнической принадлежности в имперских обществах как традиционных, многосоставных и гетерогенных. Проблемные качества некоторых текстов российского антиковедения, сфокусированных на римской имперской тематике, стали, вероятно, следствием неравномерности развития историографических культур, что проявилось в «несоответствии и напряжении между доступными средствами описания и интерпретации имперского опыта с социально-политическими реалиями» [7, с. 9].

Поэтому, позиционируя представленную статью как ревизионистскую, автор в последующих разделах предпримет попытку деконструкции доминирующего в среде российских историков видения и восприятия наследия Овидия. Последнее может быть определено как чрезмерно традиционное и архаичное. По данной причине российское антиковедение в этом контексте не актуализирует потенциал междисциплинарности. В такой ситуации оно функциони-

рует фактически маргинально, игнорируя тренды, сложившиеся в рамках развития международных штудий античного исторического опыта, связанного с трансформацией идентичностей обществ древности.

«Римские» образы в поздних текстах Овидия

В «Tristia» Овидия мы фиксируем ранние формы трансформации Рима в направлении центра государства имперского типа. Вероятно, именно такие процессы Дж. Бурбанк и Ф. Купер определяют как «предложение культурного контекста» [3, с. 329], который содействовал воспроизводству имперской политической модели. Поэтический дискурс Овидия генерирует образ города чрезмерно привлекательного как для римлян, так и для варваров-чужеземцев, что актуализирует качества имперской столицы. Поэтому Овидий, описывая образ «*magnam peregrinus in urbem*» («великого чужеземца в городе»), призывает его «*aspice Romam*», т.е. «посмотреть на Рим» [34]. В «*Epistulae ex Ponto*» Рим фигурирует как «место памяти», постоянной ностальгической рефлексии, превращаясь в «прекраснейший Рим» [35]. Такой Рим в нарративе Овидия – «*Caesare terra*» [Там же] – актуализирует политический уровень поэтического текста, ставшего пространством конструирования новой идентичности.

Рим в поэтическом дискурсе Овидия предстает как центр гетерогенного, зависимого от него и стремящегося к нему, пространства, ориентирами которого являются Афины и Александрия как города и Азия как подчиненное пространство [34]. Именно в этом контексте актуализируется образ нового или обновленного Рима как центра власти, соотносимой с фигурой Августа, который воспринимался Овидием как «отец страны», т.е. «*patriae pater*» [Там же]. Заслуга Овидия, вероятно, состояла в том, что он сформировал содержательно новое видение власти, которое стало «потенциально нерепрезентативным для реальности» [32]. Поэтому несмотря на то, что отношения Овидия с Августом были омрачены идеологической конфронтацией и ссылкой поэта, именно он стал среди первых форма-

торов нового представления о власти [19] на уровне дискурсивных практик, что сделало возможным ее позитивную мифологизацию в последующих текстах. Актуализация именно такого нарратива и введение в текст подобных конструкций свидетельствует об участии Овидия [32] в формировании нового концепта идентичности политической власти [33, р. 185-186], которая содержала элементы гражданской нации, хотя, вероятно, не идентичность, а преимущественно лояльность гарантировала легитимность конструируемой имперской модели, выстраиваемой вокруг фигуры правителя.

Римские нарративы конструируются через призму политической и пространственной избранности, т.к. «весь мир окружен семью горами, Рим – место империи и бога» («*septem totum circum spicit orbem montibus, imperii Roma deumque locus*» [34]). В подобном восприятии пространства упоминание «*Scythia est, quo mittimur*» («Скифии, куда я выслан» [Там же]) звучит как политический приговор принудительного отчуждения от Рима как центра, как форма социальной и пространственной маргинализации. Таким образом, нарратив Овидия, вероятно, не следует воспринимать, как делалось ранее, через призму только и исключительно истории литературы.

Тексты «*Tristia*» и «*Epistulae ex Ponto*» в этой системе координат мы можем рассматривать как пространство применения политического нарратива при помощи деконструкции идеологического послания Овидия. В пользу возможности и необходимости деконструкции как текстов Овидия, так и их более ранних интерпретаций свидетельствует растущее понимание в современном западном антиковедении того, что «“классический мир” далеко не является фиксированной точкой отсчета, а является проекцией и конструкцией, постоянно меняющаяся во времени» [20]. Поэтому деконструкция в контексте ее применения к текстам римского поэта представляет собой «не демонтаж структуры текста, но демонстрацию того, что он уже сам себя демонтировал... почва текста, кажущуюся твердой, не скала, а разреженный воздух» [24, р. 31].

В такой системе координат ссылка воспринимается как политическое наказание, вынужденное пребывание на периферии мира –

в Сарматии, в городе Томы [34]. В такой ситуации Овидий сетует, что ему «erat in fati Scythiam quoque uisere nostris» («суждено было побывать и в Скифии» [Там же]). Поэтому образ «Pontica terra» («Понтийской земли») [Там же], локализуемой в воображаемой культурной географии в регионе «гетских и сарматских заливов» («Geticos Sarmaticosque sinus» [Там же]) конструируется как топос пространственного противостояния Рима как цивилизации и пока не различаемой, не типологизируемой и не классифицируемой дикости и варварства.

Такое восприятие генетически вытекало из предшествующей литературной истории Рима в силу того, что «отношение античного поэта к слову было традиционалистическим, преемническим, продолжательским. Он был человеком одной культуры – Гомера, Софокла, Энния, Каллимаха, Вергилия; никакие другие культуры для него не существовали ни параллельно, ни контрастно, ни как соседние, ни как экзотические. Он опираться только на предков, создавать новое на основе старого» [4, с. 203]. В рамках такого восприятия дискурс Овидия – политический и поэтический – был в значительной степени ограничен и отягощен предписаниями римской этничности и связанной с ней культурной традиции.

Фактически же дискурс, фиксируемый в поздних текстах поэта, оказался более широким, хотя эта широта не выходила за пределы этнографических констатаций существования языковой и культурной Инаковости. Именно это расширение текста за границы традиционной текстуализации в направлении идеологизации нарративов и позволяет исследователям Овидия констатировать в его наследии тенденции «политической реконтекстуализации традиционного эгегического дискурса» [28]. В «Epistulae ex Ponto» актуализируется параллель Рим / не-Рим, представленная вопрошанием героя «Quid melius Roma?» («Что есть Рима милей?») и «Scythico quid frigore peius?» («Что страшнее скифских морозов?») [35]. Окраина римского политического мира, населенная варварами, в поэтическом нарративе Овидия конструируется как географическая противоположность Италии. Вероятно, подобная наррация представляет

собой одно из ранних проявлений «склонности западной культуры выражать свои мысли в категориях бинарных оппозиций» [29], которые в текстах Овидия представлены парами «варвары» / «римляне» и «Рим» / «варварство».

Подобная дихотомия имела, скорее всего, культурные и политические, но не этнические основания, так как, по мнению Э. Грюэна, «античные авторы не знали слова для обозначения такого явления как “этничность”» [22, р. 1]. В этом контексте Чуждость, Другость и Инаковость варваров усугубляется и усиливается особенностями пространства: «Ты не чувствуешь весну в венке цветов, не видишь обнаженных тел жнецов, и осень не протягивает тебе виноградные лозы. Воды скованы льдом, и рыба в глубинах плавает словно под крышей» [35]. Если окраинные пространства римского мира ассоциируются почти исключительно с географическим неудобством, то образ Рима служит для актуализации концептов власти: «*At tibi, rex aevo, detur, fortissime nostro, semper honorata sceptrā tenere manu*» («Но тебе, царь веков, да будет дано тебе, нашему сильнейшему, держать в руке всегда чтимый скипетр» [Там же]).

В такой ситуации пространственного выбора предпочтения героя оказываются на стороне столицы, хотя «*Epistulae ex Ponto*» несут свидетельства вынужденной ассимиляции автора, признающего, что «*Nil fore dulce mihi Scythica regione putavi: iam minus hic odium est quam fuit ante locus*» («Я думал, что ничто мне не будет сладко в Скифском крае: ненависти здесь теперь меньше, чем было раньше» [Там же]). В этом контексте уместно замечание американского философа Р. Рорти, который подчёркивал, что «слова имеют значение только благодаря эффекту контраста с другими словами» [37]. Нарратив Овидия актуализирует именно такие множественные противопоставления, основанные на проведении параллелей и сопоставлении «римского» и «неримского». В рамках такого видения пространства, воспринимаемого одновременно как географическое и политическое, Тома идентифицируются как граница, предел известного мира, за которым начинается земля, обитатели которой идентифицируются как «бастарны» и «савроматы» [34].

Это противостояние в поэтическом воображении Овидия, которое актуализирует политические качества, становится пространственным и географическим противостоянием, в рамках которого Италия и Рим оказываются справа, а место ссылки поэта интерпретируется в такой системе координат как антипространство в отношении столицы. Антипространственная компонента Том в текстах Овидия актуализируется через призму противопоставлений двух географий – Рима и гетской окраины, где «*orbis in extremi iaseo desertus harenis, fert ubi perpetuas obruta terra nives*» («мир лежит в конце песчаной пустыни, где земля покрыта вечными снегами» [Там же]). В целом, такие нарративы содействовали легитимации империи в политическом воображении, стимулируя трансформации социальных идентичностей различных групп римского общества.

Если в историографии, как правило, указывается на то, что проблемы формирования и развития римской идентичности были отягощены отношениями между Римом и италиками [36], то Овидий существенно расширил восприятие подобного идентичностного конфликта до качественно иного уровня, на котором сталкивалась формирующаяся имперская модель воображения мира и пространства и пока не осознанная в полной мере римскими авторами варварская альтернатива. Столкновение с варварским миром как альтернативной формой политического и культурного развития, не основанного на концепте «гражданство» в случае с Овидием, актуализировало и визуализировало сам концепт «римлянин» как на структурном, так и на таксономическом уровне.

«Варвары» и «варварское» в поздних текстах Овидия

Поздние тексты Овидия раскрывают его видение римской идентичности через воспроизведение варварских образов. Английский историк Г. Хэлсолл под структурным уровнем понимает «использование терминов “римлянин” и “варвар” для обозначения важного организационного и культурного различия между цивилизацией и дикостью». В свою очередь таксономический уровень включает восприятие мира как «разделенного на территории разных наро-

дов» [23], в том числе и варваров, ставших коллективными героями нарратива Овидия в изгнании. Вероятно, именно поэтому Овидий особо подчеркивал географическую и пространственную чуждость варварской периферии Риму – «Non ager hic pomum, non dulces educat uvas, non salices tīpa, robora monte virent. Quocumque aspicias, campī cultore carentes vastaque quae nemo vindicat arva iacent» («Это поле не плодоносит яблоками, на нем не растет сладкий виноград, не растут ивы по берегам, высятся только крепкие горы. Куда ни глянь, поля лежат невозделанные и пустоши, никем не востребованы» [35]) – формируя, тем самым, не только пространственную иерархию, но и конструируя концепты римской Самости, которым противостоит варварская Инаковость. Обращение именно к таким нарративам в текстах Овидия может превратиться в один из «способов приблизиться к демистификации империи, взглянув ревизионистски на ту роль, которую играли литературные тексты» [31, р. 179] как в формировании, так и функционировании имперской модели развития.

Концепт собственной, культурной, идентичности в античном мире «решительно утверждался только тогда, когда она оспаривалась или находилась под угрозой» [27], что и произошло с Овидием носителем не только римской политической, но и культурной идентичности, который оказался в изгнании в пространстве, где варвары были доминирующим большинством. Попытки Овидия конструировать варварские нарративы в целом вписываются в логику развития имперской модели политического воображения, основанного на «неравенстве и неравномерности субъектов» [3, с. 336] внутри общества имперского типа. Поэтому Овидий, вынужденно оказавшийся на «гетских берегах» [35], обрекает себя как основного героя собственных текстов оставаться римлянином среди варваров: «среди сарматов римская тень будет блуждать, оставаясь гостем диких манов» («inter Sarmaticas Romana uagabitur umbras, perque feros Manes hospita semper erit» [34]).

Кроме этого, утверждая, что «Scythicus cetera Pontus habet» («Скифский Понт всем остальным завладел» [Там же]), Овидий

фактически позиционирует себя как пленника варварской окраины, где он, «римский поэт», вынужден «говорить по-сарматски» [Там же], хотя под «сарматским» языком, вероятно, подразумевается гетский, что указывает на распространенность в Риме билингвизма [16]. В подобном контексте этническое разнообразие не только носит вынужденный и временный характер, но и «социально артикулируется и поддерживается» [15, с. 49], что проявлялось не только в культурных и языковых, но и других социально и экономически детерминированных расхождения в идентичности Овидия и его «варварских» соседей. В этой ситуации не представляется возможным исключать, что римская модель последнего предусматривала не только освоение латыни «варварскими» обитателями провинции, но и местных языков носителями латыни.

Вместе с тем масштабы последнего явлениями были менее значимы, чем растущее использование латыни, что достигалось в результате романизации. Все эти многочисленные географические и этнографические подробности в нарративе Овидия призваны подчеркнуть отличия Рима и подвластной ему периферии. Поэтому герой – альтер эго автора – констатирует: «Как это место, увы, с гетской несхоже землей!» [35]. В такой ситуации Овидий противопоставляет себя как римского поэта варварским гетам, к которым в Томах была вынуждено адресована его поэзия: «Почему я должен беспокоиться о чистоте своих песен? Должен ли я бояться, что не понравятся они гетам?» («Cur ego sollicita poliam mea carmina cura? An verear ne non adprobet illa Getes?») [Там же]).

Поэтому его системными характеристиками становятся странственные особенности, актуализирующие именно Чуждость, Другость и Инаковость, – «скалы, Понт, который на левом берегу, и дикие скифские и сарматские хребты» («scopulis, Ponti quos haec habet ora sinistri, inque feris Scythiae Sarmaticisque iugis» [34]) или «преодоленные Босфор и Танаис, едва достигли скифских болот, и известны немногие названия мест» («Bosporos et Tanais superant Scythiaeque paludes uix satis et noti nomina pauca loci ulterius nihil est nisi non habitabile frigus» [Там же]). Восприятие Овидием периферий-

ных Том и варваров, живших в них или в их окрестностях, не отличалось для римской культурной традицией особой уникальностью.

Американская исследовательница К.И. Арно подчеркивает, что «в силу многовекового взаимодействия и из-за их географической близости отношения Рима с народами Италии отличались от его отношений с неиталиками <...> римлянство имело отчетливое значение для тех римлян, которые оказались в провинция <...> эти римляне столкнулись с трудностями сохранения своей идентичности без легкого доступа к римской гражданской жизни; другими словами, они столкнулись с вопросом о том, что значит быть римлянином в окружении и взаимодействии с неримлянами» [18, р. 173]. Овидий мог испытывать подобные трудности, оказавшись среди гетов, хотя местная этничности вряд ли могла конкурировать с его римской идентичностью.

Фиксация варварских образов в многочисленных пространственно-географических контекстах в нарративах позднего Овидия иллюстрирует восприятие варваров в видении римского интеллектуала, частично предвосхищая предположение Э. Саида о том, что «подобно тому, как никто из нас не находится вне или вне географии, никто из нас не свободен полностью от борьбы за географию. Эта борьба сложна и интересна, потому что речь идет об идеях, о формах, об образах и воображении» [37, р. 5], созданием чего фактически и занимался Овидий в Томах, фиксируя, конструируя и воображая варварские образы, что не только легитимировало их пребывание в более широких римских контекстах, но и оправдывало их второстепенное и подчиненное положение в формирующейся культурной имперской иерархии.

При этом для нарратива Овидия характерно противопоставление «римского» героя такому «варварскому» пространству, что вынуждает его выражать страх, что «сарматская земля» [34] покрывает его кости, что не гарантировало его забвения, т.к. римская политическая культура имела развитую традицию не только сохранения памяти о покойных, но и актуализации их идентичности [27]. В этом контексте поздняя поэзия Овидия усиливает свои качества в

контекстах политической структуры. В понимании структуры автор следует за немецким историком Г. Фридрихом, который понимал под последней «общую формальную характеристику группы многочисленных лирических произведений, созданных без всяких взаимовлияний, но связанных общими уникальными особенностями столь глубоко, что случайные совпадения исключены» [21, р. 6].

Трансплантируя это допущение немецкого автора к нарративам Овидия, во внимание следует принимать, что в случае последнего мы имеем дело не с «многочисленными лирическими произведениями», но политическими образами, возникшими именно без «всяких взаимовлияний», т.к. Овидий сам стал участником процесса формирования ранней имперской идентичности, и в этом контексте более логичным представляется констатировать его влияние на последующих авторов, которые уже четко соотносили категории «римскость» и «варварство» как элементы политической идентичности. Актуализация такой фобии в поэтическом нарративе Овидия, который актуализировал качества политического текста, имела в большей степени идеологическое значение, т.к. соотносилось с опасениями возможного усиления варваров.

Аналогичную функцию выполняет и упоминание Италии, по которой герой ностальгирует: «Италия, мне запретная, видна вдалеке, по левую сторону от иллирийцев» («*procul Ilyriis laeua de parte relictis interdicta mihi cernitur Italia*» [34]). Противопоставление Иллирии и Италии как варварства и цивилизации указывает на формирование культурной иерархии политического пространства Римской государственности в конце 1 в. до н.э. – в 1 в. н.э. В качестве территориальной характеристики Иллирии фигурирует «скифский Истр» [Там же], «сеструйный Истр», или «варварский Истр» [35], населенный именно варварами, представленными «ордами языгов, колхов и гетов» [34] и воспринимаемыми в качестве естественного антипода римлян, которым, по мысли Овидия, следовало покориться Риму [Там же].

Аналогичные группы фигурируют и в «*Epistulae ex Ponto*», где геты, языги и савроматы [35] названы обитателями окрестностей Том. В другом контексте к ним добавляются и одрисы, но и только

для того, чтобы быть упомянутыми по причине их конфликта с гетами [Там же]. Эта контрастность в нарративе Овидия обретает и географическое, пространственное и климатическое измерение. Более того, все особенности этих групп для Овидия размываются, т.к. поэт предпочитал воспринимать свое этническое окружение через призму приписываемого обитателям Том варварства. Именно поэтому Овидий вопрошал одного из адресатов своих посланий «*An mihi barbaria vivendum semper in ista*» («должен ли я вечно пребывать среди этих варваров?») [Там же]. Поэтому образ Том, где Овидий оказался в ссылке, формируется как противопоставление Риму.

В такой ситуации среда Том наделяется характеристиками враждебности. «Гетское» пространство «ни листом, ни деревом не укрыто, и только ленивая зима продолжает зиму» [Там же]. В качестве аналогичной неримской оппозиции фигурируют образы Паннонии, Иллирии, Ретики, Фракии и Германии [34], которые в формируемой культурной иерархии вынуждены выступать в подчиненном качестве в отношении Рима: «и ты, мятежная Германия, положила свою великую печальную голову к ногам своего вождя» («*teque, rebellatrix, Germania, magni triste caput pedibus supposuisse ducis*» [34]). Усилиями Овидия в «*Epistulae ex Ponto*» формировалась этнографически маркированная мозаика нового политического и культурного пространства, в рамках которого соседствовали «египетский систр» и «фригийская флейта» [35], что не придавало, правда, сообществам, которым эти музыкальные инструменты принадлежали, культурной самостоятельности, содействуя их интеграции в более широкие римские контексты.

В рамках такой культурной конфронтации образу Рима противостоит «варварская родина, которая находится слева и привыкла к грабежу, более кровавому и кровожадному, чем войны» («*barbara pars laeva est auidaeque adsueta rapinae, quam cruor et caedes bellaque semper habent*» [34]). Поэтому насилие, ассоциируемое с «сарматскими стрелами» («*Sarmaticas sagittas*» [35]), воспринимается как характеристика окраинного римского политического пространства. Вместе с тем и такая периферия в поэтическом дискурсе Овидия актуализирует элементы культуры, представленные «греческими

городами в окружении варварских племен» («Graiae urbes inter inhumanae nomina barbariae» [34]), что, вероятно, позволяет римскому поэту признать место ссылки «своим» [Там же].

Выводы

В поздней поэзии Овидия при помощи концепции воображения сообществ мы можем рассматривать функционирование варварских образов, которые появляются и актуализируются, становясь заметными и многочисленными в «*Epistulae ex Ponto*». Таким образом, поздняя поэзия Овидия фиксировала два уровня формирования и функционирования имперской идентичности. С одной стороны, в текстах поэта фиксируется важность и значение концептов Самости, которые оказывали непосредственное влияние на восприятие римской идентичности и самопозиционирование Рима в мире в качестве империи. С другой стороны, Овидий в своих поздних текстах актуализировал потенциал формирования и использование концептов Другости и Инаковости. Последние были представлены относительно многочисленными варварскими образами и нарративами преимущественно в «*Epistulae ex Ponto*».

Используя эти концепты, мы можем воспринимать тексты Овидия как нарративы, направленные на формирование позитивной идентичности Рима как воображаемого сообщества и противопоставлением ему варваров, чьи образы конструировались и воспроизводились фактически как изобретение традиций. В рамках такой деконструкции политических смыслов текстов позднего Овидия и Рим, и варвары могут быть описаны как софункционирование изобретенных традиций, в основе параллельного сосуществования которых лежит противопоставление цивилизации и варварства. Поэтому тексты Овидия, написанные им в ссылке, фиксируют дихотомию, основанную на противопоставлении имперского римского начала как правильного и прогрессивного, противостоящего примитивному, дикому, варварскому миру, который следовало покорить и интегрировать в политическое и культурное тело Империи путем ассимиляции варваров в имперские контексты.

Последняя нарративная стратегия естественного расширения Империи вовсе не исключала признания положительных качеств варваров, но «варварские» благодетели в формирующейся имперской идентичности лежали вовсе не в их политических способностях, но в большей степени в естественности, близости к природе и неиспорченности. Проецирование именно таких характеристик на варварский мир наделяла его качествами детскости, что в политическом воображении I в. н.э. служило форой легитимации внешней агрессии. Поэтому в текстах Овидия мы не находим относительно оригинальных образов варваров, которые фиксировали бы проявления другой культуры и отличной от римской этничности, хотя сам Овидий, как известно, признавался в том, что освоил гетский язык и пробовал на нем писать, хотя такие тексты не сохранились.

Таким образом, формирование варварских нарративов, их функционирования и опыты римского поэта Овидия с варварским гетским языком мы можем воспринимать в контексте традиционных для более поздних империй этнографических упражнений интеллектуалов, относящихся к формально доминирующему политическому большинству. В этом контексте поздние тексты Овидия фиксируют и актуализируют процессы, связанные с культурные трансформации и изменениями на уровне идентичности. Софункционирование римских и варварских образов в «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» содействовало легитимации новой модели развития, основанной на разнообразных культурных практиках интеллектуалов Рима. Последние при помощи изобретения традиций и воображения сообществ наделяли формирующийся политический проект, основанный на однозначной идеализации Рима и интеграции в римские контексты неримских варварских периферийных образов, новыми качествами, которые позволяют воспринимать сложившуюся ко второму веку идентичность как имперскую.

Список литературы

1. Бердинских В. Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 608 с.

2. Боровков П.С. Конфликты между верховными понтификами и фламинами в Римской республике III – II вв. до н.э. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2008. Вып. 38. С. 5-20.
3. Бурбанк Дж., Купер Фр. Траектории империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 324-361.
4. Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // *Публий Овидий Назон, Скорбные элегии. Письма с Понта* / ред. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М.: Наука, 1982. С. 189-224.
5. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 383-418.
6. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империй // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 7-26.
7. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи? // *Изобретение империи: языки и практики* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. С. 7-9.
8. Зайцева Е.С. Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии (эпоха Диоклетиана и Константина I) // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 29-47.
9. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 283-324.
10. Мехмадиев Е.А. Западноримская экспедиционная армия в 395 – 398 гг. в поэме Клавдия Клавдиана «De bello Gildonico»: проблемы этнического состава // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 48-63.

11. Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
12. Токарев А.Н. Несколько замечаний о характере политических группировок в Риме в эпоху Поздней республики // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2008. Вып. 38. С. 21-39.
13. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2020. 336 с.
14. Чисталев М.С. Визуализация образа Нила: культурно-географическая среда Нильских сцен эпохи Юлиев-Клавдиев // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 10-28.
15. Эйджейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. С. 49-71.
16. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 836 p.
17. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
18. Arno C.I. *How Romans Became “Roman”*: Creating Identity in an Expanding World. Ann Arbor: The University of Michigan, 2012, 267 p.
19. Barchiesi A. *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1997, 292 p.
20. Carlà-Uhink F. *Graeco-Roman Antiquity and the Idea of Nationalism in the 19th Century: Case Studies* // *Bryn Mawr Classical Review*, 2017, April 22. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2017/2017.04.22/> (дата обращения: 02.04.2023)
21. Friedrich H. *Die Struktur der Modernen Lyrik. Von der Mitte des 19. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*. Hamburg: Rowoldt Verlag GmbH, 1996, 336 S.
22. Gruen E. *Did Ancient identity depend on ethnicity? A preliminary probe* // *Phoenix*, 2013, vol. 67, no. 1/2. URL.: <https://www.semanticscholar.org/paper/did-ancient-identity-depend-on-ethnicity-a-probe-Gruen/8b58d-c17e07a88e3ee41ec9bc70727c69e6f0ed8> (дата обращения: 02.04.2023)

23. Halsall G. Transformations of Romanness // *Historian on the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian*, 2013, October 27. URL.: <https://600transformer.blogspot.com/2013/10/transformations-of-romanness.html> (дата обращения: 02.04.2023)
24. Hillis Miller J. Stevens' rock and criticism as cure // *The Georgia Review*, 1976, vol. 30, no. 2, pp. 5-31.
25. Hope V.M. Constructing Roman identity: Funerary monuments and social structure in the Roman world // *Mortality. Promoting the interdisciplinary study of death and dying*, 1997, vol. 2, no. 2, pp. 103-121.
26. Kozaczka E.J. Penelope Aubin and Narratives of Empire // *Eighteenth-Century Fiction*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 199-225. DOI: <https://doi.org/10.3138/ecf.25.1.199> (дата обращения: 02.04.2023)
27. Lane Fox R. Did nationalism exist in the classical world? // *Engelsberg Ideas*, 2020, August 4. URL.: <https://engelsbergideas.com/essays/did-nationalism-exist-in-the-classical-world/> (дата обращения: 02.04.2023)
28. Lowrie M. Review of *Speaking Volumes: Narrative and intertext in Ovid and other Latin poets*. Edited and translated by Matt Fox and Simone Marchesi // *Bryn Mawr Classical Review*, 2002, no. 6. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002.06.38/> (дата обращения: 02.04.2023)
29. Mambrol N. Deconstruction // *Literary Theory and Criticism*, 2016, March 22. URL.: <https://literariness.org/2016/03/22/deconstruction/> (дата обращения: 02.04.2023)
30. McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no. 6, pp. 1.
31. Nünning V. Fictions of Empire and the (Un-)Making of Imperialist Mentalities: Colonial Discourse and Post-Colonial Criticism Revisited // *Forum for World Literature Studies*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 171-198.
32. Pandey N.B. *Empire of the imagination: the power of public fictions in Ovid's 'reader response' to Augustan Rome*. Berkeley: University of California, 2011, 217 p.
33. Pandey N.B. *The Poetics of Power in Augustan Rome. Latin Poetic Responses to Early Imperial Iconography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 202 p.
34. Publius Ovidius Nasō, *Tristia*. Berlin: B.G. Teubner, 1998, 298 p. URL.: <https://la.wikisource.org/wiki/Tristia> (дата обращения: 02.04.2023)

35. Publius Ovidius Nasō, *Epistulae ex Ponto*. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014, 88 p. URL.: https://la.wikisource.org/wiki/Epistulae_ex_Ponto (дата обращения: 02.04.2023)
36. Roberts T. *The Roman Nation: Rethinking Ancient Nationalism*. Kingston: University of Rhode Island, 2014, 212 p.
37. Rorty R. *Deconstructionist Theory // The Cambridge History of Literary Criticism. From Formalism to Poststructuralism*, 1995, vol. 8. Cambridge: Cambridge University Press. URL.: <http://mural.uv.es/riesra/deconstruction.html> (дата обращения: 02.04.2023)
38. Said E.W. *Culture and Imperialism*. L.: Chatto and Windus, 1993, 380 p.
39. *The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 330 p.
40. Ziolkowski Th. *Ovid and the Moderns*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, 288 p.

References

1. Berdinskikh V. *Remeslo istorika v Rossii* [The craft of a historian in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, 608 p.
2. Borovkov P.S. *Konflikty mezhdu verkhovnymi pontifikami i flaminami v Rimskoi respublike III – II vv. do n.e.* [Conflicts between the supreme pontiffs and flamens in the Roman Republic of the III-II centuries BC.]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2008, vol. 38, pp. 5-20.
3. Burbank J., Cooper Fr. *Traektorii imperii* [Empire trajectories]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 324-361.
4. Gasparov M.L. *Ovidiy v izgnanii* [Ovid in Exile]. *Publius Ovid Nason. Skorbnnyye elegii. Pis'ma s Ponta* [Publius Ovid Nason. Sorrowful Elegies. Letters from Pontus]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 189-224.
5. Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogil'ner M., Semenov A. *Novaya imperskaya istoriya i vyzovy imperii* [New imperial history and challenges of empire]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 383-418.

6. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A. V poiskah yasnosti v istoricheskoi prirode natsionalizma i imperiy [In search of clarity in the historical nature of nationalism and empires]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 7-26.
7. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A. Vozmozhn li konstruktivistskii podhod k istorii imperii? [Is a constructivist approach to the history of the empire possible?]. *Izobreteniye imperii: yazyki i praktiki* [Invention of the Empire: Languages and Practices]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 7-9.
8. Zaytseva E.S. Sotsial'naya mobil'nost' v srede rimskoi senatorskoi aristokratii (epokha Diokletiana i Konstantina I) [Social mobility among the Roman senatorial aristocracy (the era of Diocletian and Constantine I)]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 29-47.
9. Liven D. Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoi poryadok [Empire, history and modern world order]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and delusions in the study of empire and nationalism]. Мшцыщц: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 283-324.
10. Mekhamadiyev E.A. Zapadnorimskaya ekspeditsionnaya armiya v 395 – 398 gg. v poeme Klavdiya Klavdiana «De bello Gildonico»: problemy etnicheskogo sostava [Western Roman Expeditionary Army in 395-398 in the poem of Claudius Claudian *De bello Gildonico*: problems of ethnic structure]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 48-63.
11. Sidorova L.A. *Sovetskiye istoriki: dukhovnyy i nauchnyi oblik* [Soviet historians: spiritual and scientific appearance]. Moscow – St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, 248 p.
12. Tokarev A.N. Neskol'ko zamechaniy o kharaktere politicheskikh gruppirovok v Rime v epokhu Pozdney respubliky [A few remarks on the nature of political groupings in Rome in the era of the Late Republic]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2008, vol. 38, pp. 21-39.
13. Trubnikova N.V. *Frantsuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov»* [French historical “Annals” school]. Moscow: Kvadriga Publ., 2020, 336 p.

14. Chistalev M.C. Vizualizatsiya obraza Nila: kul'turno-geograficheskaya sreda Nil'skih stsen epohi Yuliev-Klavdiev [Visualization of the image of the Nile: the cultural and geographical environment of the Nile scenes of the Julio-Claudian era]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 10-28.
15. Eidheim H. Kogda etnicheskaya identichnost' stanovitsya sotsial'nym stigmatom? [When does ethnic identity become a social stigma?]. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Boundaries. Social Organization of Cultural Differences]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 49-71.
16. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 836 p.
17. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
18. Arno C.I. *How Romans Became "Roman": Creating Identity in an Expanding World*. Ann Arbor: The University of Michigan, 2012, 267 p.
19. Barchiesi A. *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1997, 292 p.
20. Carlà-Uhink F. Graeco-Roman Antiquity and the Idea of Nationalism in the 19th Century: Case Studies. *Bryn Mawr Classical Review*, 2017, April 22. URL.: <https://bmc.brynmawr.edu/2017/2017.04.22/> (accessed April 02, 2023)
21. Friedrich H. *Die Struktur der Modernen Lyrik. Von der Mitte des 19. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1996, 336 S.
22. Gruen E. Did Ancient identity depend on ethnicity? A preliminary probe. *Phoenix*. 2013, vol. 67, no. 1/2. URL.: <https://www.semanticscholar.org/paper/did-ancient-identity-depend-on-ethnicity-a-probe-Gruen/8b58dc17e07a88e3ee41ec9bc70727c69e6f0ed8> (accessed April 02, 2023)
23. Halsall G. Transformations of Romanness. *Historian on the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian*, 2013, October 27. URL.: <https://600transformer.blogspot.com/2013/10/transformations-of-romanness.html> (accessed April 02, 2023)
24. Hillis Miller J. Stevens' rock and criticism as cure. *The Georgia Review*, 1976, vol. 30, no. 2, pp. 5-31.

25. Hope V.M. Constructing Roman identity: Funerary monuments and social structure in the Roman world. *Mortality. Promoting the interdisciplinary study of death and dying*. 1997, vol. 2, no. 2, pp. 103-121.
26. Kozaczka E.J. Penelope Aubin and Narratives of Empire. *Eighteenth-Century Fiction*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 199-225. DOI: <https://doi.org/10.3138/ecf.25.1.199>
27. Lane Fox R. Did nationalism exist in the classical world? *Engelsberg Ideas*. 2020. August 4. URL.: <https://engelsbergideas.com/essays/did-nationalism-exist-in-the-classical-world/> (accessed April 02, 2023)
28. Lowrie M. Review of Speaking Volumes: Narrative and intertext in Ovid and other Latin poets. Edited and translated by Matt Fox and Simone Marchesi. *Bryn Mawr Classical Review*, 2002, no. 6. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002.06.38/> (accessed April 02, 2023)
29. Mambrol N. Deconstruction. *Literary Theory and Criticism*, 2016, March 22. URL.: <https://literariness.org/2016/03/22/deconstruction/> (accessed April 02, 2023)
30. McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no. 6, pp. 1.
31. Nünning V. Fictions of Empire and the (Un-)Making of Imperialist Mentalities: Colonial Discourse and Post-Colonial Criticism Revisited. *Forum for World Literature Studies*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 171-198.
32. Pandey N.B. *Empire of the imagination: the power of public fictions in Ovid's 'reader response' to Augustan Rome*. Berkeley: University of California, 2011, 217 p.
33. Pandey N.B. *The Poetics of Power in Augustan Rome. Latin Poetic Responses to Early Imperial Iconography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 302 p.
34. Publius Ovidius Nasō. *Tristia*. Berlin: B.G. Teubner, 1998, 298 p. URL.: <https://la.wikisource.org/wiki/Tristia> (accessed April 02, 2023)
35. Publius Ovidius Nasō. *Epistulae ex Ponto*. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014, 88 p. URL.: https://la.wikisource.org/wiki/Epistulae_ex_Ponto (accessed April 02, 2023)
36. Roberts T. *The Roman Nation: Rethinking Ancient Nationalism*. Kingston: University of Rhode Island, 2014, 212 p.

37. Rorty R. Deconstructionist Theory. *The Cambridge History of Literary Criticism. From Formalism to Poststructuralism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, vol. 8. URL.: <http://mural.uv.es/riesra/deconstruction.html> (accessed April 02, 2023)
38. Said E.W. *Culture and Imperialism*. L.: Chatto and Windus, 1993, 380 p.
39. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 330 p.
40. Ziolkowski Th. *Ovid and the Moderns*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, 288 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация*

maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty

Voronezh State University

16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation

maksymkyrchanoff@gmail.com

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 26.04.2023

После рецензирования 08.05.2023

Принята 11.05.2023

Received 26.04.2023

Revised 08.05.2023

Accepted 11.05.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-288-312

УДК 811.13

Научная статья

**«ОБЩЕРОМАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ»
КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

М.В. Кирчанов

***Цель.** Цель этого исследования – анализ восприятия общероманского состояния в интеллектуальной истории романской филологии. Автор анализирует различные точки зрения на общероманское состояние, включая аргументы сторонников и противников его существования.*

***Новизна исследования** состоит в анализе интерпретаций общероманского состояния в контекстах истории романских языков через призму интеллектуальной истории и истории идей.*

***Материалы и методы.** Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, что позволяет анализировать проблемы общероманского состояния как часть истории идей и изобретенную историографическую традицию или интеллектуальный конструкт.*

***Результаты.** В статье проанализированы 1) аргументы сторонников существования общероманского состояния как этапа между латынью и романскими языками, 2) идеи критиков и противников идеи общероманского состояния, которые склонны искать истоки романских языков непосредственно в латыни, 3) возможности и потенциалы ревизии ранних точек зрения в контекстах истории поздней латыни и раннего генезиса романских языков. В статье также анализируются 1) аргументы сторонников и противников существования общероманского состояния через призму интеллектуальной истории и истории идей, 2) история романской филологии через при-*

зму археологии идей, что позволяет проследить как менялись аргументы сторонников и противников общероманского состояния, 3) общая логика развития романской филологии через призму трансформации идей и представлений об общероманском состоянии.

Выводы. Результаты исследования позволяют предположить, что 1) представления об общероманском состоянии в истории романистики стали общим историографическим местом, превратившись в изобретенную интеллектуальную и историографическую традицию, 2) дискуссии и дебаты о существовании или отсутствии общероманского состояния стимулировали поиск новых идей, содействуя развитию романской филологии, 3) спорность и дискуссионность концепции общероманского состояния в истории романской филологии будет оставаться фактором, содействующим интеллектуальным дискуссиям и актуализации роли ревизионизма как универсального фактора в развитии современной междисциплинарной лингвистики.

Ключевые слова: романистика; история идей; интеллектуальная история; общероманское состояние; унитаризм; сепаратизм; генезис романских языков

Для цитирования. Кирчанов М.В. «Общероманское состояние» как изобретенная историографическая традиция в интеллектуальной истории романской филологии // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 288-312. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-288-312

Original article

**“THE PAN-ROMANCE STATE”
AS AN INVENTED HISTORIOGRAPHICAL TRADITION
IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF ROMANCE
PHILOLOGY**

M.W. Kyrchanoff

Purpose. The purpose of this study is to analyze the perception of the common pan-Romance state in the intellectual history of Romance phi-

logy. The author analyzes various viewpoints on the common pan-Romance state, including the arguments of supporters and opponents of its existence.

Novelty. The novelty of the study lies in the analysis of interpretations of the common pan-Romance state in contexts of the history of the Romance languages through the prism of intellectual history and the history of ideas.

Materials and methods. Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual and cultural history, which allows us to analyze the problems of the common pan-Romance state as part of the history of ideas and an invented historiographic tradition or intellectual construct.

Results. The article analyzes 1) the arguments of supporters of the existence of a common Romance state as a stage between Latin and Romance languages, 2) the ideas of critics and opponents of the idea of a common Romance state, who tend to look for the origins of the Romance languages directly in Latin, 3) the possibilities and potency of revising early viewpoints in contexts the history of late Latin and the early genesis of the Romance languages. The article also analyzes 1) the arguments of supporters and opponents of the existence of the common Romance state through the prism of intellectual history and the history of ideas, 2) the history of Romance philology through the prism of the archaeology of ideas, which allows us to trace how the arguments of supporters and opponents of the common Romance state have changed, 3) the general logic of the development of Romance philology through the prism of the transformation of ideas about the general Romance state.

Conclusions. The results of the study suggest that 1) ideas about the common Romance state in the history of Romance linguistic became a common historiographic place, turning into an invented intellectual and historiographical tradition, 2) discussions and debates about the existence or absence of a general Romance state stimulated the search for new ideas, contributing to the development of Romance philology, 3) the controversy and debatability of the concept of the general Romance state in the history of Romance philology will remain a factor contributing to intellectual discussions and actualization of the role of

revisionism as a universal factor in the development of modern interdisciplinary linguistics.

Keywords: Romance philology; history of ideas; intellectual history; common pan-Romance state; unitarism; separatism; genesis of the Romance languages

For citation. Kyrchanoff M.W. “The pan-romance State” as an Invented Historiographical Tradition in the Intellectual History of Romance Philology. *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 288-312. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-288-312

Введение

Одной из дискуссионных проблем современной романистики является проблема общероманского языкового состояния. Практически с момента институционализации романского языкознания история не только отдельных языков, но и общезыковых состояний, связанных с поздней латынью, регулярно оказывается в центре внимания исследователей.

Изучение проблем общероманского состояния актуально для современной романистики как в рамках анализа языковых изменений в поздней латыни, так и возникновения и ранней истории отдельных романских языков. В научной литературе в отношении общероманского состояния высказываются различные точки зрения, связанные как с его признанием, так и принципиальным отрицанием. Поэтому исследователями идиомы, на базе которых развивались современные романские языки, могут выводиться непосредственно из латыни или из общероманского состояния. Аргументация сторонников этих двух противоположных точек зрения отличается различным уровнем доказанности. Изучение общероманского состояния через призму развития латыни и развития романских языков стало важным компонентом истории романистики.

Подходы и точки зрения историков романских языков могут анализироваться в рамках междисциплинарных подходов, предложенных в интеллектуальной истории, культуральной истории и истории

идей. На протяжении развития романистики вопросы общероманского состояния регулярно оказывались в центре внимания исследователей, что привело к возникновению обширного корпуса текстов, формирующих историографию вопроса об общероманском состоянии. В историографии, сфокусированной на проблемах общероманского состояния, присутствуют две точки зрения. С одной стороны, позиция авторов, определяемых как «сепаратисты» основана на отрицании общероманского состояния после регионализации народной латыни. С другой, унитаристы, наоборот, настаивают, что вульгарная латынь на обширных территориях Римской империи и постримского пространства отличалась относительным единством, что позволяет предполагать не просто ее диалектное дробление и фрагментацию, но трансформацию в общероманское состояние.

Цель и задачи

В центре авторского внимания в представленной статье будут вопросы общероманского состояния в интеллектуальной истории и археологии идей современной романистики. Целью статьи является анализ восприятия общероманского состояния в истории романского языкознания. В число задач автора входит 1) изучение восприятия проблем романского состояния в интеллектуальной истории романистики, 2) интерпретация общероманского языкового состояния в контекстах истории генезиса отдельных романских языков, 3) анализ проблем соотношения латыни, романского состояния и романских языков в истории романистики.

Методология

Междисциплинарная историография на современном этапе ее развития основана преимущественно на конструктивистской парадигме. В рамках такого подхода история романских языков воспринимается как история идей или интеллектуальная история, а обретения языками этой группы современных состояний редуцируется до активности нескольких поколений интеллектуалов, ставших факторами языковой нормы и литературного канона. Представленная

статья методологически основана на принципах конструктивизма, оригинально предложенных в историографии национализма. Принимая во внимание то, что историки национализма значительное внимание уделяли лингвистическому воображению как системному компоненту развития идентичности, методы и приемы исторических и социальных наук применяются и для анализа истории романских языков. Конструктивистские интерпретации, таким образом, стали одной из универсальных культурных и интеллектуальных стратегий в современном междисциплинарной романистике, в которой в первой половине 1980-х гг. наметился имагинативный или инвенционистский поворот, ставший последствием динамичного развития интерпретационных практик, основанных на активном использовании концептов «воображение» и «изобретение», что существенно расширило диапазон интерпретаций и объяснений различных явлений в истории романских языков. Поэтому само понятие «общероманское состояние» может интерпретироваться в рамках интеллектуальной истории, воспринимаясь в качестве «изобретенной традиции», применяемой для описания истории развития поздней латыни и возникновения отдельных романских языков.

Результаты и обсуждение

Общероманское состояние в интеллектуальной истории романистики. Одним из первых европейских интеллектуалов, кто высказал идею о трансформации латинского в романский, что в более поздней научной литературе описывалось в категориях общероманского состояния, был Ш. Дюканж в 1678 г. Ш. Дюканж четко различал латынь и общероманское состояние, выводя второе из первой. По мнению Ш. Дюканжа, «народный романский язык походил кое в чем на латынь, но таковой уже не являлся» [17. с. 21], так как начал отличаться лексически и грамматически. Близкие идеи развивались в романистике 19 в., когда А. Фухс периодом с V по IX в. датировал особый этап в истории латыни, который характеризовался им как переходный. По мнению А. Фухса, на этом этапе имело место максимальное распространение форм поздней латинской

речи, отмеченное параллельным соразвитием письменно латыни и ее региональных устных форм.

Комментируя особенности языка этого периода, А. Фухс полагал, что он не может быть определен как классическая латынь в силу роста синтаксических, лексических и фонетических особенностей, позднее трансформировавшись в характеристики отдельных романских языков [22]. Немецкий филолог Х. Мюллер воспринимал общероманское состояние как одну из форм функционирования народной латыни [28]. По мнению Н. Мейера-Любке, общероманское состояние стало следствием развития вульгарной латыни, будучи переходным между классической латынью и отдельными романскими языками [27]. Таким образом, по мнению части зарубежных исследователей, существующее между романскими языками «родство предполагает в то же время структурную однородность внутри этой группы языков» [33], что косвенно указывает на то, что им предшествовало общероманское состояние, которое во французской академической традиции известно как *lingua romane intermediaire* или *romane reimitive* [30, pp. 37, 41], благодаря Ф. Ренуару, полагавшему, что появлению романских языков предшествовал «язык, родившийся от испорченной латыни» [31, p. 11]. По мнению другого французского автора, этот этап следует описывать как «первоначальный романский период» [2, с. 116].

Российские исследователи склонны развивать концепцию общероманского состояния как переходной формы от латыни к формирующимся романским языкам. По мнению А.В. Широковой, общероманское состояние стало следствием «распадения первоначального единства», так как «латинский язык после победы над местными италийскими языками постепенно впитал в себя диалектные черты их и после имперских завоеваний» [18, с. 195]. И.М. Тронский, полагал, что отдаление литературного и разговорного языка, сокращение влияния литературной нормы на «народно-разговорную речь», расхождение «разговорной лексики с книжной» и сохранение относительного единства форм романской речи [13, с. 43-45] были основными характеристиками общероманского состояния как эта-

па, предшествующего появлению отдельных романских языков. По мнению О.А. Домбровского, общероманское состояние стало следствием трансформации латыни [4, с. 5], что привело к появлению возникновения на ее основе романских языков.

Относительно дефиниции «общероманского состояния» в интеллектуальной истории романистики высказывались различные мнения. Например, О.А. Домбровский предлагал пространное определение, полагая, что на уровне существования общероманского состояния в его рамках фиксировались различные элементы, одни из которых сохранились в то время, как другие исчезли в разных романских языках [Там же]. А.В. Широкова склонна описывать общероманское состояние «как комплекс народнолатинских диалектов <...> как просторечной формы единого латинского языка, представляющего собой пространственно неоднородный и изменившийся во времени широкий диалектный континуум территории центральной Романии, прилегающих областей, а также периферийных областей» [18, с. 195].

Позднее близкая точка зрения была высказана М. ван Акер, полагавшей, что «в настоящее время романские языки выглядят как очень разные образования. Это автономные языковые системы со своими фонетическими, морфологическими и синтаксическими характеристиками. У каждого из них разная история и традиции, своя собственная социолингвистическая архитектура, но было время, когда эти разные вселенные были единым целым и языковое разнообразие, наблюдаемое в одном и том же пространстве, воспринималось как относящееся только к одному латинскому языку» [20, р. 32]. Системными характеристиками общероманского состояния были не только его генетическая связь с более ранними формами латыни, но и утрата влияния со стороны «литературного или административного языка» [4, с. 12] в условиях сближения письменной и разговорной форм.

В романистике не выработана единая периодизация существования общероманского состояния. Например, А.Б. Черняк датирует общероманское состояние I в. до н.э.–III в. н.э. [17, с. 155], полагая,

что именно на этом этапе возникают «общие для всех или многих романских языков явления, такие как – порядок слов, артикль, аналитические конструкции» [Там же]. По мнению О.А. Домбровского, латынь перестает функционировать как активно используемый язык и на смену ей приходит общероманское состояние только в VI–VII вв. [4, с. 8]. А.В. Широкова датировала общероманское состояние II–IX вв. [18, с. 195]. Множественность точек зрения на периодизацию сочетается с аналогичной неопределенностью в терминологии, используемой для обозначения общероманского состояния, так как «язык-источник романских языков называют общероманским, прароманским, протороманским, романским праязыком» [12].

Французский историк Ж. Шоран полагал, что на уровне общероманского состояния «романские языки складывались на базе латыни, но не классической латыни, но вульгарной латыни, повседневного языка, от подвижного, гибкого *sermo quotidianus*, бесконечно приспособляющегося к контекстам и ситуациям и постоянно развивающегося как язык общения» [21]. М. ван Акер в своем описании общероманского состояния избегала определения нижней хронологической границы, но подчеркивала, что «между латынью и романскими языками существует как прерывность, так и преемственность... можно представить себе медленную метаморфозу изменения непрерывности... если взглянуть на письменные источники, они кажутся разочаровывающими, настолько мало они отражают метаморфозы... До конца VIII века тексты представляются на удивление латинскими и удивительно однородными во всем пространстве романофонии» [20].

Таким образом дефиниция «романофония» некоторыми авторами используется как синоним понятия «общероманское состояние». На уровне последнего «романские языки, какими мы их знаем сегодня, не были рождены мгновенно, но стали кульминацией многовековых изменений, фазы которых связаны друг с другом в соответствии с логикой, которую можно понять» [32]. Систематизируя предположения более ранней историографии А.Б. Черняк описывает общероманское состояние как койне, из которого возникли романские языки.

Комментируя особенности общероманского состояния, А.Б. Черняк определяет его как «совершенно особый по отношению к латыни язык аналитического типа, *lingua romana* по преимуществу» [16, с. 225], хотя в его же работах язык, характерный для общероманского состояния, определяется как «социальный диалект латыни» [14]. Развивая это предположение, уместным представляется упомянуть допущение Б.П. Нарумова, полагавшего, что диалект может «пониматься одновременно как временной и пространственный вариант языка» [8, с. 61]. Именно общероманское состояние определяется как непосредственный этап, предшествующий появлению романских языков, так как те, по мнению А.Б. Черняка, восходят именно к койне как фактически общероманскому состоянию в силу того, что «они ближе к койне, чем друг к другу» [15]. В целом, концепция общероманского состояния в самых общих чертах представлена в фундаментальном исследовании «Романские языки» (2001). По мнению Т.Б. Алисовой и И.И. Челышевой, в основе общероманского состояния лежало «вычленение общего языка, а затем постепенное обособление ареалов, их внутренне деление и подразделение» [1, с. 22], что, правда, указывало на признание исследователями того, что общероманское состояние было нестабильно, меняясь в направлении возникновения отдельных романских языков.

Критика концепции «общероманского состояния» в истории идей романистики. Альтернативная точка зрения в романистике, отрицающая существование общероманского состояния, неоднократно актуализировалась в исследовательской литературе. А.В. Широкова, комментируя особенности интеллектуальной истории романистики, подчеркивает, что «романисты давно поняли, что латынь – это предок романских языков, но упрощенная концепция прямого развития единого литературного латинского языка или какого-то другого, так называемого “общероманского” в отдельные романские языки и диалекты не удовлетворяла многих исследователей» [19, с. 21].

Среди отечественных романистов критиков концепции общероманского состояния был М.В. Сергиевский, полагавший, что позд-

няя народная латынь была подвержена значительному диалектному дроблению [10]. В рамках такого видения романские языки выводились не из общероманского состояния, но из диалектов латыни [9, с. 153]. Молдавский лингвист Н. Корлэтяну, анализируя историю латыни, так же избегал упоминаний общероманского состояния, полагая, что «народная латынь, живая латинская речь, служила непосредственной базой формирования романских языков» [6, с. 14]. Поэтому появление отдельных романских языков связывалось с процессами территориальной дифференциации латыни, минуя промежуточное, общероманское, состояние. В этом контексте целесообразно упомянуть точку зрения Г.В. Степанова, полагавшего, что «ни временной, ни пространственный факторы сами по себе не формируют внешнюю систему языка, но являются источником лингвистической вариативности, которая служит базой для социализации языкового варьирования, что создает возможность ее использования в функциональных целях» [11, с. 42]. Таким образом, гипотетическое существование общероманского состояния во временной перспективе (с I по IX в. в разных интерпретациях) и в пространственном измерении (от Португалии до Молдовы) не отрицает тенденций последовательной регионализации форм романской речи от воображаемого единства в направлении отдельных романских языков, которые фиксируются в средневековых памятниках письменности.

Во второй половине 1970-х гг. подобная точка зрения, например, была представлена в исследованиях польского лингвиста В. Манчака [24; 25]. Современные романские языки, по мнению В. Манчака, возникли не на основе общероманского состояния, ставшего результатом развития народной латыни [23], как языка более вариативного и регионализированного в отличие от более ранних форм, но восходят непосредственно к классической латыни. Представление об отсутствии общероманского состояния и вывода романских языков непосредственно из латыни представлено, например, в исследованиях Н. Корлэтяну, писавшего, например, о «многовековой истории развития романских языков в период существования на-

родной латыни» [6, с. 15], хотя в других случаях он ограничивался более нейтральной формулировкой о народной латыни как «основе формирования романских языков» [Там же, с. 78].

Продвигая свое видение истории романских языков, В. Манчак подчеркивал, что «романистам и латинистам не удалось прийти к соглашению по проблеме общего романского языка» [24], что компенсируется «ссылками» на латинское наследие. Например, Н. Корлэтяну ограничивался общими замечаниями относительно того, что «романские языки сохранили черты латинского языка» [6, с. 12], полагая, что для большинства романских языков конструируются именно «латинские» [Там же, с. 125], а не общероманские прототипы. Вместе с тем Н. Корлэтяну полагал, что общероманское состояние было невозможно, так как определяющими в истории латыни были тенденции дифференциации, «заложенные еще в древнем периоде существования латинского языка» [Там же, с. 92]. Сравнивая, таким образом, подходы В. Манчака и Н. Корлэтяну, следует принимать во внимание, что они не только основаны на отрицании общероманского состояния: если В. Манчак «выводил» романские языки непосредственно из классической латыни, то Н. Корлэтяну датировал существование отдельных романских языков этапом развития народной латыни.

Российскими авторами в связи с этим констатируется, что «большинство исследователей не выделяет общероманский период, поскольку дифференциация народной латыни фактически начинается с момента романизации соответствующей территории <...> поэтому романские языки являются непосредственным продолжением того типа народной латыни, который сформировался в данном ареале» [1, с. 23]. Вероятно, последствием такой ранней регионализации стало и то, что в романских языках «одной и той же системе могут соответствовать разные нормы, разные нормативные реализации, одному и тому же типу могут соответствовать разные системы. Романские языки представляют разные системы, объединенные в один тип» [11, с. 64]. Аналогичного мнения придерживался и Х. Петерсманн, указывавший на одновременное протекание процессов

стандартизации и дестандартизации форм романской речи [29] как на этапе Римской Империи, так и после ее распада.

В этом контексте множественность точек зрения со стороны профессиональных лингвистов на эту проблему воспринималась как аргумент в пользу отсутствия общероманского состояния. Вместе с тем, некоторыми российскими авторами отрицание последнего подвергается критике. В частности, А.Б. Черняк оценивает подобные интерпретации весьма критически, определяя некоторые из них как «отчаянные» [17, с. 9] в силу спорности приводимых аргументов и доказательств. Вместе с тем «расхождения между языками во многом определяются различиями в скорости протекания общероманских исторических процессов и соответственно с разновременностью сходных изменений в разных, даже наиболее близких языков» [7, с. 18], что в определенной степени соотносится с аргументацией критиков существования общероманского состояния.

Проблема общероманского состояния в современной романистике осложнена дискуссиями относительно используемого терминологического аппарата. Например, некоторыми исследователями высказывалось сомнение в уместности использования понятия «вульгарная латынь». Поэтому само существование общероманского состояния воспринималось как гипотетическое, но не доказанное. В связи с этим, предпринимались попытки достижения компромисса. В современной романистике существование народной латыни может восприниматься как этап, непосредственно предшествующий появлению романских языков [3, с. 7], что ставит под сомнение общероманское состояние как переходный этап от поздних форм латыни к другим языкам, генетически к ней восходящим.

Общероманское состояние: ревизия концепции

В интеллектуальной истории романистики в отношении существования или отсутствия общероманского состояния, таким образом, высказываются различные точки зрения, основанные как на его признании, так и отрицании. В этой ситуации диапазон интерпретаций истории возникновения отдельных романских языков

варьируется между их «выведением» из общероманского состояния или непосредственно из латыни. В последнем случае предковым для романских языков может объявляться классическая или народная латынь. В целом, обе эти точки зрения формируют свои собственные интерпретационные модели, претендуя на статус парадигмы в тех разделах романистики, которые сфокусированы на анализе генезиса и ранней истории романских языков. Вместе с тем, несмотря на формальную стройность этих моделей объяснения, они нуждаются в корректировках, возможных только в следствие ревизии более ранних точек зрения, сформулированных в рамках романской филологии.

Американский историк Дж. МакФерсон, комментируя универсальность ревизионизма в гуманитарных, особенно – междисциплинарных, исследованиях подчеркивал, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [26].

Признавая применимость допущения Дж. МакФерсона для изучения восприятия проблемы общероманского состояния в интеллектуальной истории романистики, мы, вероятно, можем пересмотреть предложенные ранее интерпретации по нескольким направлениям. При этом сама идея генетической связи классической латыни, народной латыни и последующих романских языков признается в качестве постулата, не подвергаемого сомнению – поэтому в ревизии нуждается только интерпретации общероманского состояния в его отношении как к латыни, так и к последующим романским языкам.

«Общероманское состояние» как термин в интеллектуальной истории романской филологии успело стать изобретенной устой-

чивой историографической традицией, которая фактически описывает позднюю латынь, представленную регионализированными формами народной романской речи на территориях поздней или бывшей Римской империи. Современные романские языки как Западной, так и Восточной Романии в одинаковой степени являются наследниками как классической латыни, так и поздней народной латыни, описываемой в категориях «общероманского состояния».

После распада Римской империи народная латынь функционировала и развивалась одновременно с литературными формами классической латыни, которые изменились под влиянием многочисленных как внутренних, так и внешних факторов. Мы можем предположить одновременное и параллельное соразвитие народных форм романской речи, не получавших литературной фиксации, и литературно оформленной, стандартизированной латинской нормы, унаследованной от Империи, которая, имея ограниченный узус использования и применения, обслуживала запросы и потребности немногочисленных носителей «высокой культуры».

Таким образом, средневековые разговорные, «народные», романские языки могут выводиться из поздней вульгарной латыни, описываемой в категориях «общероманского состояния», в то время как литературные формы романской речи генетически и стилистически восходили к классической латыни. Их развитие стимулировалось использованием средневековой формы латыни как языка католической церкви, наделенного не только религиозными, но политическими, научными и литературными функциями. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что своим «обликом» романские языки в их литературных формах в значительной степени обязаны процессам позднейшего националистического воображения, имевшего место в рамках отдельных национальных культур.

Рост национализма в романских странах (начиная с конца 18 в.) привел к релатинизации литературных и письменных языков [5], что в значительной степени отдалило и дистанцировало народные разговорные формы от литературного, условно «классического», языка «высокой культуры», чему содействовали процессы модер-

низации [34] как деконструкции народных этнических идентичностей, замененных стандартизированными нациями как воображаемыми сообществами с изобретенными традициями, включая национальные языки. В романских странах формирование языков как традиций идентичности протекало различно, в том числе – и в рамках релатинизации, что вело к сближению литературного языка с общими предковыми исторически предшествующими формами.

Процесс сопровождался маргинализацией народных форм романской речи, узус которых подвергался постепенному сужению, в то время как они сами – маргинализации. Сближение романских форм речи, унаследованными национализирующимися и модернизирующимися обществами от средних веков, с нестандартизированными народными диалектами стало следствием развития национализма, основанного на унификации идентичностей через системы образования. Таким образом, современные романские языки в литературных формах через посредничество относительно стандартизированных средневековых форм романской речи, фиксируемой в литературных и юридических памятниках, восходят к классической латыни, в то время как разговорные средневековые романские идиомы генетически могли быть связаны или продолжали развивать поздние формы романской речи, ограниченные народной латынью.

Выводы

Представление об общероманском состоянии в истории романистики стали общим историографическим местом, то есть концепцией, которая использовалась значительной частью исследователей активно, хотя они могли иметь различные отношения к использованию этого термина. Диапазон мнений об этом явлении варьировался от принятия концепции до ее радикального отрицания. Само понятие «общероманское состояние» оказалось удачной компромиссной изобретенной традицией, так как использование термина позволяло описывать состояние промежуточное между латынью поздней Римской Империи и ранними фиксациями отдельных романских языковых форм средневековья.

В этом отношении общероманское состояние как понятие часто анализируется в контекстах истории генезиса различных романских языков. Вместе с тем, активное использование этого определения несколькими поколениями историков, несмотря на их различные отношения к этому понятию, ставит перед исследователями ряд других проблем, связанных с историей как поздней латыни, как и романских языков. Важнейшая из этих проблем состоит в следующем: «В каком отношении находятся романские языки к латыни как языку-предку?» и «Какую роль в истории романских языков играет общероманское состояние?».

Попытки нескольких поколений исследователей ответить на эти вопросы актуализируют ситуацию одновременного и параллельного соразвития различных интерпретационных моделей. Историками, таким образом, высказывались различные точки зрения, которые могут быть разделены на две группы. Первая точка зрения сводится к следующему: современные романские языки возникли на базе общероманского состояния, которое наступило после кризиса Римской империи, распада римской модели политического устройства, что привело к трате территориальной целостности, нашествиям варваров и процессу миксации народных форм латыни с германскими диалектами.

Именно из воспринимаемого подобным образом общероманского состояния выводятся все современные романские языки. Вторая точка зрения представлена альтернативным подходом, согласно которому общероманское состояние отсутствовало, а современные романские языки непосредственно восходит к языку-предку, то есть к латыни. Проблема изучения общероманского состояния осложнена и тем фактором, что после распада Римской Империи латынь окончательно не утратила свои позиции, на протяжении длительного времени используя в качестве языка государственного управления, права, теологической мысли и католической церкви.

В этом контексте описание генезиса романских языков на основе общероманского состояния осложнено отсутствием дискретности, так как история Средневекового Запада фиксирует случаи парал-

лельного развития языков, возникших на базе народной латыни, которые использовались в «народной» культуре, в то время как «высокая» культура продолжала применять латынь. Таким образом, проблема общероманского состояния относится к числу важных и дискуссионных в современной романистике, в рамках которой ее изучение возможно в двух перспективах.

С одной стороны, изучение общероманского состояния является чрезвычайно продуктивным для анализа различных языковых процессов в рамках истории поздней латыни и генезиса региональных форм, возникших в результате размывания предкового языка, которым являлась вульгарная латынь. Регионализация территорий бывшей Римской Империи и миграция населения привели к языковым изменениям, в результате которых возникает явление общероманского состояния. С другой стороны, изучение восприятия общероманского состояния историками и филологами представляет бесспорный интерес в контекстах интеллектуальной истории романского языкознания.

Таким образом, проблематика общероманского состояния как концепта, выдвинутого в романистике, но не получившего всеобщей поддержки со стороны исследовательского сообщества, нуждается в дальнейшем изучении, чему содействуют ряд факторов, связанных с нерешенностью вопросов его существования или отсутствия и постоянным интересом, проявляемым со стороны представителей академического сообщества к истории лингвистической ситуации в поздней Римской империи и в первые века после ее распада. Поэтому появление новых исследований по данной тематике указывают на непреходящую актуальность изучения вопросов истории общероманского состояния в интеллектуальной истории романистики как через призму лингвистических реконструкций, так и изучения культурных традиций романистов как академического сообщества.

Список литературы

1. Алисова Т.Б., Чельшева И.И. Романские языки // Языки мира. Романские языки / ред. И.И. Чельшева, Б.П. Нарумов, О.И. Романенко. М.: Academia, 2001. С. 15-55.

2. Бурсье Э. Основы романского языкознания / пер. с франц. Т.В. Венцель, Е.В. Венцель, ред., предисл. Д.Е. Михальчи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 672 с.
3. Гурычева М.С. Народная латынь. М.: ИЛИЯ, 1959. 190 с.
4. Домбровский О.А. К вопросу о периодизации истории вульгарной латыни // Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Материалы III Всесоюзного совещания по романским языкам (Минск, 21 – 24 июня 1967 года) / ред. М.С. Гурычева, В.В. Макаров, М.А. Бородина. Мн.: Изд-во ВГУ, 1970. Ч. 2. С. 3-14.
5. Кирчанов М.В. Релатинизация романских языков: История и современность. М.: URSS, 2018. 200 с.
6. Корлэтяну Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М.: Наука, 1974. 304 с.
7. Косарик М.А. Актуальность традиционных проблем изучения романских языков // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 9-33.
8. Нарумов Б.П. Сравнительный анализ принципов членения иберо-романского и балкано-романского ареала // Вестник ПСТБИ. 2004. № 2. С. 60-70.
9. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. М.: ИЛИЯ, 1954. 304 с.
10. Сергиевский М.В. Проблема диалектности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания // Вестник МГУ. 1946. № 1. С. 25-36.
11. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.
12. Томашпольский В.И. Итоги и перспективы реконструкции романского праязыка // Изучение иностранных языков и литератур: теория, история, практика. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. Вып. 3. С. 106-111.
13. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М.: ИЛИЯ, 1960. 322 с.
14. Черняк А.Б. Латинский, романский, румынский // Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К столетию со дня

- рождения чл.-корр. АН СССР А.В. Десницкой. СПб.: Наука, 2013. С. 210-238.
15. Черняк А.Б. М. Бартоли, В. Майер-Любке и реконструкция общероманского состояния // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2014. № 18. С. 956-966.
  16. Черняк А.Б. От Юка Файдита до Косериу: очерки истории романской филологии. СПб: ИЛИ РАН, 2018. 260 с.
  17. Черняк А.Б. Языковая ситуация в Римской Империи. Свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. СПб: Нестор–История, 2015. 172 с.
  18. Широкова А.В. Проблема диалектного членения общероманского праязыка // *Известия ЮФУ. Филол. науки*. 2007. № 1-2. С. 194-197.
  19. Широкова А.В. Территориальная и социальная дифференциация народной латыни // *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*. 2004. № 6. С. 21-34.
  20. Acker M. van. L'émergence des langues romanes: continuités et discontinuités // *Le Français et les langues d'Europe*. 2013, vol. 35, pp. 27-43. DOI: 10.3917/cdle.035.0267
  21. Chaurand J. *Préhistoire, protohistoire et formation de l'ancien français*. Paris: PUF, 1968, 211 p.
  22. Fuchs A. *Die romanischen Sprachen in ihren Verhältnisse zum lateinischen*. Halle: Schmidt, 1849. XVIII, 369 S.
  23. Herman J. Les variétés du latin // *Lexikon der romanistischen Linguistik*. Bd. II. Vol. 1. Latein und Romanisch. Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen. Le latin et le roman. Grammaire historico-comparative des langues romanes / eds. G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Niemeyer, 1988, pp. 44-61.
  24. Mańczak W. La langue romane commune: latin vulgaire ou latin classique? // *Revue Romane*. 1974, no 2. URL.: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29090/25791 (дата обращения: 02.05.2023)
  25. Mańczak W. *Le latin classique – langue romane commune*. Wrocław: Polska Akademia Nauk – Komitet Neofilologiczny, 1977, 126 p.
  26. McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History*. 2003, vol. 41(6). URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/>

- perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians (дата обращения: 02.05.2023)
27. Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg: Winter Verlag, 1920, 301 S.
  28. Müller H. Chronology of vulgar Latin. Halle: Niemeyer, 1929, IX, 172 p.
  29. Petersmann H. Standardisation et déstandardisation du latin d'un point de vue diachronique // La variation en langue. Vol. 2. Les quatre variations / eds. R. van Deyck, R. Sornicola, J. Kabatek. Gent: Communication & Cognition, 2005, pp. 473-488.
  30. Raymond F.-J.-M. Choix des poésies originales des troubadours. Paris: Nabu Press, 2012 (1816), vol. 1, 490 p.
  31. Raymond F.-J.-M. Choix des poésies originales des troubadours. Paris: Nabu Press, 2010 (1821), vol. 6, 486 p.
  32. Selig M. La naissance des langues romanes. Avignon: Editions universitaires d'Avignon, 2008. URL.: <https://books.openedition.org/eua/2331> (дата обращения: 02.05.2023)
  33. Sörös A. Rapports génétiques et typologiques dans l'étude synchronique des langues romanespar // Revue Romane, 1995, Bd. 30, no 1. URL.: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29879/27367 (дата обращения: 02.05.2023)
  34. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976, 632 p.

References

1. Alisova T.B., Chelysheva I.I. Romanskiye yazyki [Romance languages]. *Yazyki mira. Romanskie yazyki* [Languages of the World. The Romance Languages]. Moscow: Academia Publ., 2001, pp. 15-55.
2. Burs'ye E. *Osnovy romanskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Romance Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1952, 672 p.
3. Gurycheva M.S. *Narodnaya latyn'* [Folk Latin]. Moscow: ILIYA, 1959, 190 p.
4. Dombrovskiy O.A. K voprosu o periodizatsii istorii vul'garnoy latyni [On the issue of periodization of the history of Vulgar Latin]. *Problemy*

- diakhronii i sinkhronii v izuchenii romanskikh yazykov. Materialy III Vsesoyuznogo soveshchaniya po romanskim yazykam (Minsk, 21–24 iyunya 1967 goda)* [Problems of Diachrony and Synchrony in the Study of Romance Languages. Materials of the III All-Union Conference on Romance Languages (Minsk, June 21-24, 1967)]. Minsk: VSU Publ., 1970, vol. 2, pp. 3-14.
5. Kirchanov M.V. *Relatinizatsiya romanskikh yazykov: Istoriya i sovremennost'* [Relatinization of the Romance languages: history and modernity]. Moscow: URSS Publ., 2018, 200 p.
  6. Korletyanu N.G. *Issledovaniye narodnoy latyni i yeye otnosheniy s romanskimi yazykami* [A study of vernacular Latin and its relationship with the Romance languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 304 p.
  7. Kosarik M.A. Aktual'nost' traditsionnykh problem izucheniya romanskikh yazykov [The relevance of traditional problems in the study of Romance languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2018, no 6, pp. 9-33.
  8. Narumov B.P. Sravnitel'nyi analiz printsipov chleneniya iberoromanskogo i balkanoromanskogo areala [Comparative analysis of the principles of division of the Ibero-Roman and Balkan-Romance areas]. *Vestnik PSTBI* [Bulletin of PSTBI], 2004, no 2, pp. 60-70.
  9. Sergiyevskiy M.V. Vvedeniye v romanskoye yazykoznanie [Introduction to Romance linguistics]. Moscow: ILIYA, 1954, 304 p.
  10. Sergiyevskiy M.V. Problema dialektnosti vul'garnoy latyni v svete dannykh romanskogo yazykoznanija [The problem of dialectality of Vulgar Latin in the light of data from Romance linguistics]. *Vestnik MGU* [Bulletin of MSU], 1946, no 1, pp. 25-36.
  11. Stepanov G.V. *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoy rechi* [Typology of linguistic states and situations in the countries of Romance speech]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 224 p.
  12. Tomashpol'skiy V.I. Itogi i perspektivy rekonstruktsii romanskogo prayazyka [Results and prospects for the reconstruction of the Romance proto-language]. *Izucheniye inostrannykh yazykov i literatur: teoriya, istoriya, praktika* [Study of Foreign Languages and Literatures: Theory, History, Practice]. Yekaterinburg: USU Publ., 2014, no. 3. pp. 106-111.

13. Tronskii I.M. *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka* [Historical grammar of the Latin language]. Moscow: ILIYA, 1960, 322 p.
14. Chernyak A.B. Latinskiy, romanskiy, rumynskiy [Latin, Romance, Romanian]. *Albanskaya filologiya, balkanistika, problemy yazykoznaninya. K stoletiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR A.V. Desnitskoy* [Albanian Philology, Balkan Studies, Problems of Linguistics. On the occasion of the centenary of the birth of member-correspondent USSR Academy of Sciences A.V. Desnitskaya]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 210-238.
15. Chernyak A.B. M. Bartoli, V. Mayer-Lyubke i rekonstruktsiya obshcheromanskogo sostoyaniya [M. Bartoli, W. Mayer-Lubke and the reconstruction of the general Romance state]. *Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2014, no 18, pp. 956-966.
16. Chernyak A.B. *Ot Yuka Faydita do Koseriu: ocherki istorii romanskoj filologii* [From Yuk Faidit to Coseriu: Essays on the history of Romance philology]. St. Petersburg: ILI RAN, 2018, 260 p.
17. Chernyak A.B. *Yazykovaya situatsiya v Rimskoy Imperii. Svidetel'stva drevnikh avtorov i ranneromanskikh glottonimov* [Language situation in the Roman Empire. Evidence from ancient authors and early Romance glottonyms]. St. Petersburg: Nestor–Istoriya Publ., 2015, 172 p.
18. Shirokova A.V. Problema dialektnogo chleneniya obshcheromanskogo prayazyka [The problem of dialectal articulation of the common Romance proto-language]. *Izvestiya YUFU. Filologicheskkiye nauki* [Izvestiya SFU. Philological Sciences], 2007, no 1-2, pp. 194-197.
19. Shirokova A.V. Territorial'naya i sotsial'naya differentsiatsiya narodnoy latyni [Territorial and social differentiation of folk Latin]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»* [Vestnik RUDN University. Series "Linguistics"], 2004, no 6, pp. 21-34.
20. Acker M. van. L'émergence des langues romanes: continuités et discontinuités. *Le Français et les langues d'Europe*, 2013, vol. 35, pp. 27-43. DOI: 10.3917/cdle.035.0267
21. Chaurand J. *Préhistoire, protohistoire et formation de l'ancien français*. Paris: PUF, 1968, 211 p.

22. Fuchs A. *Die romanischen Sprachen in ihren Verhältnisse zum lateinischen*. Halle: Schmidt, 1849, XVIII, 369 S.
23. Herman J. Les variétés du latin. *Lexikon der romanistischen Linguistik. Bd. II. Vol. 1. Latein und Romanisch. Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen. Le latin et le roman. Grammaire historico-comparative des langues romanes* / eds. G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Niemeyer, 1988, pp. 44-61.
24. Mańczak W. La langue romane commune: latin vulgaire ou latin classique? *Revue Romane*, 1974, no 2. URL.: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29090/25791 (accessed May 02, 2023)
25. Mańczak W. *Le latin classique – langue romane commune*. Wrocław: Polska Akademia Nauk – Komitet Neofilologiczny, 1977, 126 p.
26. McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no 6. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians> (accessed May 02, 2023)
27. Meyer-Lübke W. *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft*. Heidelberg: Winter Verlag, 1920, 301 S.
28. Müller H. *Chronology of vulgar Latin*. Halle: Niemeyer, 1929, IX, 172 p.
29. Petersmann H. Standardisation et déstandardisation du latin d'un point de vue diachronique. *La variation en langue. Vol. 2. Les quatre variations* / eds. R. van Deyck, R. Sornicola, J. Kabatek. Gent: Communication & Cognition, 2005, pp. 473-488.
30. Raymond F.-J.-M. *Choix des poésies originales des troubadours*. Paris: Nabu Press, 2012 (1816), vol. 1, 490 p.
31. Raymond F.-J.-M. *Choix des poésies originales des troubadours*. Paris: Nabu Press, 2010 (1821), vol. 6, 486 p.
32. Selig M. *La naissance des langues romanes*. Avignon: Editions universitaires d'Avignon, 2008. URL.: <https://books.openedition.org/eua/2331> (accessed May 02, 2023)
33. Sörös A. Rapports génétiques et typologiques dans l'étude synchronique des langues romanespar. *Revue Romane*. 1995, Bd. 30, no 1. URL.: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29879/27367 (accessed May 02, 2023)

34. Weber E. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976, 632 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty

*Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com*

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 12.05.2023

После рецензирования 25.05.2023

Принята 29.05.2023

Received 12.05.2023

Revised 25.05.2023

Accepted 29.05.2023

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-313-341

УДК 070

Обзорная статья

ОПЫТ ИММЕРСИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИЙСКИХ СМИ

А.А. Гаврилова, М.Г. Яковлева

Целью статьи является изучение опыта российских СМИ в области создания иммерсивного контента. Эмпирической базой исследования послужили 216 иммерсивных материалов телеканала *Russia Today* и 26 иммерсивных материалов РИА Новости. Исследование было реализовано методом контент-анализа. Также применялась техника экспертного интервью для сбора информации о деятельности Дирекции новых медиа МИА «Россия сегодня».

В результате проанализирован опыт российских СМИ – телеканала *Russia Today* и РИА Новости – в области использования инструментов виртуальной и дополненной реальности и технологии видео 360°; определены численность, хронометраж, жанрово-тематическая специфика иммерсивных материалов, их популярность среди аудитории; выявлены основные проблемы российских СМИ в области производства иммерсивного контента.

Полученные результаты будут полезны в исследовании трендов развития журналистики, а также могут пригодиться для редакций СМИ, заинтересованных в разработке новых форматов медиaproductов и привлечении новых аудиторных групп.

Ключевые слова: журналистика погружения; иммерсивная журналистика; иммерсивный контент СМИ; иммерсивные технологии; виртуальная/дополненная реальность

Для цитирования. Гаврилова А.А., Яковлева М.Г. Опыт иммерсивной журналистики в российских СМИ // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 313-341. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-313-341

Scientific Reviews

IMMERSIVE JOURNALISM EXPERIENCE IN THE RUSSIAN MEDIA

A.A. Gavrilova, M.G. Yakovleva

The purpose of the article is to study the experience of the Russian media in the field of creating immersive content. The empirical basis of the study was 216 immersive materials of the Russia Today TV channel and 26 immersive materials of RIA Novosti. The study was implemented by the content analysis method. The technique of expert interviews was also used to collect information about the activities of the Directorate of New Media of MIA “Russia Today”.

Results. *The article analyzes Russian media experience, i.e., Russia Today channel and RIA Novosti, in using of virtual reality and augmented reality tools and 360° video technology; number, timing, genre and theme specifics and their popularity among the audience are determined; primary issues of Russian media in immersive content production are identified.*

The results obtained will be useful in researching trends in the development of journalism, and may also be useful for media editorial offices interested in developing new media product formats and attracting new audience groups.

Keywords: *immersive journalism; immersive media content; immersive technologies; virtual reality; augmented reality*

For citation. *Gavrilova A.A., Yakovleva M.G. Immersive Journalism Experience in the Russian Media. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 313-341. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-313-341*

Введение

Журналистика как профессия и вид коммуникации трансформируется в условиях развития средств и технологий связи. Эффективность деятельности того или иного СМИ сегодня напрямую зависит от успешности освоения редакциями новых каналов, платформ, способов и форм взаимодействия с потенциальной аудиторией. Все увеличивающиеся объемы медиапотребления заставляют журналистов конкурировать не только с другими СМИ, но и с кино- и телепроизводителями, социальными сетями, разработчиками компьютерных игр, блогерами, информационными ресурсами сети и другими субъектами медиаполя, борющимися за такой ценный ресурс, как внимание аудитории. В данных условиях редакции начинают экспериментировать с контентом и способами его подачи аудитории, используя различные технологические новинки, в частности иммерсивные технологии. Эффект «иммерсии» (от лат. *immersio* – погружение) или эффект «погружения» в событийную среду медиакommunikации, достигаемый за счет использования в журналистике инструментов виртуальной и дополненной реальности, а также видео 360°, несомненно, служит одним из возможных способов привлечения и удержания потребителя, но требует новых компетенций, стратегий продвижения контента, технической оснащённости от редакций СМИ, а также изменения установок, пользовательских привычек и усовершенствования технических характеристик девайсов со стороны аудитории. В данной статье мы проанализируем опыт ведущих российских СМИ в области иммерсивной журналистики.

Обзор литературы

Иммерсивная журналистика в отечественных СМИ так и не оформилась в самостоятельный вид журналистской деятельности. Однако российские теоретики и представители медиаиндустрии заинтересованы в изучении её потенциала. За последнее десятилетие был опубликован ряд работ, посвященных исследованию развития иммерсивной журналистики в России.

Ю.В. Благов [2] изучил и систематизировал теоретические подходы отечественных и зарубежных авторов к технологии виртуализации как инструментальному объекту исследования. А.А. Гаврилов [8] описал медиареальность виртуальной коммуникации как естественный феномен долгосрочной эволюции традиционных машин медиации. А.В. Замков [12] предпринял попытку теоретического осмысления иммерсивной журналистики, а также провел анализ и обозначил риски развития новой отрасли индустрии современных СМИ. К вопросу иммерсии в журналистике обращались А.А. Новикова и И.В. Кирия. Исследователи проанализировали трансформацию журналистской деятельности в контексте культурных и коммуникативных практик и описали иммерсивность как набор приемов эстетического воздействия на аудиторию, позволяющих вовлекать ее в мультимедийную или трансмедийную среду экранного повествования [22]. Теоретики А.П. Суходолов и С.В. Тимофеев отметили одну из ключевых особенностей иммерсивной журналистики как нового медиаканала, который взаимодействует с реципиентом с помощью мультисенсорного опыта восприятия [29]. Е.А. Осиповская оценила степень релевантности и эффективности новостных сюжетов в иммерсивной среде с точки зрения их восприятия реципиентом [23].

К иммерсивным технологиям теоретики относят несколько видов медиареальности: AR (дополненная реальность), VR (виртуальная реальность), MR (смешанная реальность), DR (ограниченная реальность), XR (расширенная реальность) и видео 360°. Каждая из них обеспечивает имитацию присутствия на месте событий и позволяет увеличить вовлеченность пользователя [3]. Поскольку в журналистике активно используются лишь три из перечисленных видов медиареальности – виртуальная, дополненная и 360° – охарактеризуем их поподробнее.

VR (Virtual Reality, виртуальная реальность) представляет собой искусственно созданное вымышленное пространство для виртуального погружения. Инструменты виртуальной реальности работают в новых специально созданных компьютером средах и полностью замещают физический мир, отделяя от него субъекта

коммуникации. Все, с чем взаимодействует пользователь виртуальной реальности, является «нереальным». С технической стороны для потребления такого типа контента требуется серьезный процессор и дополнительные элементы: очки или шлем виртуальной реальности [11].

AR (Augmented Reality, дополненная реальность) совмещает в медиапродукте реальные и виртуальные объекты. Пользователь AR-технологии видит виртуальное и реальное одновременно с помощью специальных настроек и опций, которые внешними слоями дополняют, корректируют, усложняют окружающую среду. Необходимым условием совмещения реального и виртуального выступает знание пространственного положения наблюдателя, что позволяет формировать изображения виртуальных объектов с подходящими ракурсом и масштабом, а затем накладывать их на картину реального мира [17]. Использование технологий дополненной реальности возможно только при наличии мобильных устройств или планшетов, оснащенных видеокамерой с соответствующими техническими показателями, а также датчиками позиционирования. К.Б. Мухамдиева отмечает, что в дополненной реальности пользователи неразрывно связаны с физическим миром: «они полностью осознают свое окружение и могут воспринимать, осязать и взаимодействовать с реальным миром с помощью цифровой информации, предоставляемой приложением дополненной реальности» [20]. AR-технологии используют виртуальные, искусственно созданные элементы для обогащения реального мира и опыта пользователя, а не для его замены, как это происходит в случае с виртуальной реальностью.

Помимо описанных видов реальности существуют технологии 360°, которые чаще всего используются в формате панорамных видео и 3D-туров, когда с помощью специальной аппаратуры пользователю предоставляют круговой обзор определенной локации с целью визуального погружения в транслируемую среду. Поначалу исследователи теории иммерсивных медиа относили панорамные видео 360° к формату виртуальной реальности, так как их потребление подразумевало наличие у пользователя VR-шлемов. Однако

с появлением видеопроекторов, позволяющих воспроизводить подобный контент с минимальным техническим оснащением, отпала необходимость в наличии дополнительного оборудования. Кроме того, видео 360° не создают новой реальности, а лишь транслируют события, происходящие в существующей окружающей среде. Их основная цель – вызвать эффект присутствия, прямого включенного наблюдения за событием с помощью передачи трехмерного пространства. Поэтому мы бы не стали относить панорамные видео к инструментам виртуальной реальности. В нынешних условиях они вполне могут существовать как отдельный вид иммерсивных технологий. Такой же точки зрения придерживается заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня» Н.Г. Лосева. Наряду с перечисленными – виртуальной (VR) и дополненной реальностью (AR) – она отдельно выделяет такое направление развития отечественной иммерсивной журналистики, как видео 360° [3].

Разработки в области технологий дополненной и виртуальной реальности дали журналистике новые возможности для развития и конвергенции. Благодаря им, как отмечают исследователи, «интеракция пользователя с контентом выходит на качественно новый уровень» [23, с. 79]. При этом поиск уникальных форм коммуникации происходит в условиях доминирования визуального канала восприятия и с опорой на развитие технологий. В результате появляется гибридный информационно-развлекательный контент, что значительно повышает уровень конкурентоспособности журналистских способов подачи информации. Основанный на их использовании новый вид журналистики медиатеоретики называют иммерсивной или журналистикой погружения. Ее основное преимущество заключается в способности правдоподобно имитировать реальность и создавать интерактивное поле, вовлекающее зрителя в мультимедийную или трансмедийную среду экранного повествования [22, с. 276-288].

Результаты исследования и их обсуждение

Изучив определения иммерсивной журналистики различных авторов, мы приходим к выводу, что российские медиатеоретики

подразумевают под ней журналистскую деятельность с использованием инструментов виртуальной реальности, для создания сложных гибридных медиапродуктов мультимедийного формата, синтезирующих текстовые, визуальные и звуковые средства, для достижения интенсивного погружения/проживания актуальных тем, проблем аудиторий.

Если рассматривать практический потенциал иммерсивной журналистики, то первыми иммерсивные технологии опробовали зарубежные СМИ, со временем сделав их применение распространенной практикой медиапроизводства. Иностранные информационные агентства и качественные издания активно использовали возможности инструментов «погружения». Одними из первых, кто стал регулярно выпускать материалы в VR, были The New York Times. В конце 2015 г. издание запустило спецраздел NYT VR, а также подарило своим бумажным подписчикам более миллиона устройств Google Cardboard – шлемов VR, внося большой вклад в популяризацию виртуальной реальности среди населения. Затем эстафету журналистики «погружения» подхватили такие медиагиганты, как The Guardian с их VR-историями в духе социальной журналистики с познавательными элементами, Associated Press с их ставкой на 3D-моделирование, ABC News, CNN, BBC и другие.

В России лидерами в освоении иммерсивной журналистики стали телеканал Russia Today (RT) и РИА Новости (МИА «Россия сегодня»). Телеканал Russia Today производит иммерсивный контент в единственном формате – видео 360°. По мнению руководителя интернет-редакции RT К. Карнович-Валуа, для новостной индустрии 360 градусов – это идеальный формат, который дает зрителю ощущение присутствия «на совершенно новом уровне» [38]. Как отмечает руководство телеканала, за три года существования проекта RT стал первым из мировых информационных телеканалов, кто запустил собственное приложение для просмотра панорамного видео – «RT360», распространяемого через магазины Google Play и App Store [Там же]. RT также стал одним из первых

СМИ в мире, запустивших отдельную страницу в Facebook^{1*} (здесь и далее – Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) исключительно с панорамным видеоконтентом. Помимо специальной страницы в Facebook*, следить за новостями в формате 360° зрители могли на каналах RT на YouTube (как русском [6], так и английском [46]). В последний год, ввиду геополитической ситуации, произошла массовая блокировка аккаунтов телеканала Russia Today в зарубежных социальных сетях и магазинах приложений:

1. Европейский офис Google объявил о немедленной блокировке YouTube-каналов RT и Sputnik [44]. Ранее TikTok и Facebook^{2*} заблокировали аккаунты RT и Sputnik на территории ЕС [36].
2. Facebook* закрыл страницу «RT на русском» [35], она недоступна для подписчиков и пропала из поисковой выдачи, сообщается в Telegram-канале «RT на русском».
3. Google Play и AppStore удалили приложения RT из своих магазинов [37].

Телеканал не переносил контент в формате 360° на отечественный видеохостинг RuTube. Часть видео в формате 360° до сих пор представлена в аккаунте телеканала в социальной сети Facebook*. 4 марта 2022 г. Роскомнадзор принял решение о блокировке доступа к сети Facebook* (принадлежит компании Meta Platforms, Inc.) на территории Российской Федерации.

Первое видео 360° телеканал Russia Today снял в формате трансляции новостей в режиме реального времени из московской студии RT, а затем стал использовать эту технологию в производстве других своих материалов. Всего за период с марта 2016 г. по май 2019 г. редакция выпустила не менее 216 панорамных видео. В своем исследовании, проведенном методом контент-анализа, мы опирались на видеоконтент, представленный на странице RT 360° на платформе Facebook*. Мы проанализировали тематику, длительность, а также реакцию аудитории на данные видео.

*1 Признана экстремистской организацией, запрещена на территории России

*2 Признана экстремистской организацией, запрещена на территории России

Выявленная в ходе исследования тематическая дифференциация панорамных видео Russia Today относительно, поскольку некоторые видео могут быть причислены сразу к нескольким темам. В подобных случаях мы включали видео в одну, наиболее подходящую, на наш взгляд, тематическую группу. В результате в нашей классификации наибольшее количество панорамных видео вошли в группы «спорт» (43 из 216 видео), «культура» (34 из 216 видео), «политика» (33 из 216 видео), «празднование» и «космос» (по 23 из 216 видео). Достаточно многочисленными оказались группа «экстрим» (19 из 216 видео), трэвел-видео (12 из 216 видео), видео по теме «чрезвычайное происшествие» (8 из 216 видео). Часть видео была посвящена представителям различных профессий (6 видео), религиозной (5 видео) и научной (4 видео) тематикам, деятельности телеканала Russia Today (3 видео), социальной тематике (2 видео) и развлечениям (1 видео). Таким образом, журналисты телеканала Russia Today использовали технологию панорамной съемки преимущественно для трансляции значимых событий, чья дата известна заранее (праздничные мероприятия, концерты, религиозные службы и пр.); передачи уникального жизненного опыта, эмоций и переживаний (митинги, спортивные соревнования, экстремальные виды деятельности, трэвел-журналистика); продвижения отечественных достижений в научной и космической отраслях. Подготовка материалов по теме международной политики и освещение трагических событий показывает наличие новостного потенциала в использовании данной технологии.

Длительность исследуемых видео составила от 16 секунд до 3 часов 59 минут 59 секунд. При этом большая часть иммерсивных материалов – это короткометражные ролики до 10 минут (199 из 216 видео): 10 роликов длительностью до одной минуты, 110 роликов – от 1 до 3 минут, 49 роликов – от 3 до 5 минут, 30 роликов – от 5 до 10 минут. На объемные материалы длительностью свыше 30 минут приходится 12 видео: 4 ролика длительностью от 30 до 60 минут и 8 роликов длительностью свыше 60 минут.

В ходе исследования мы выяснили, что видео публикуются в жанрах репортажа, информационного сюжета, зарисовки, очерка,

видеотрансляции, обозрения, отчёта, документального фильма.

Для исследования популярности иммерсивных материалов Russia Today мы проанализировали количество просмотров, реакций, комментариев и реплаев со стороны аудитории. В результате мы выяснили, что наибольшей популярностью у аудитории пользовались видео тематики «космос»: они набрали наибольшее количество просмотров, лайков, реплаев и комментариев. Так, видео «Впервые во Вселенной: панорамный вид выхода в открытый космос» [43] набрало 4 млн. просмотров, 26 тыс. лайков, 21 тыс. реплаев и 6,8 тыс. комментариев. Видео «От сумерек к рассвету: панорамная съемка МКС на земной орбите» [45] насчитывает 1,2 млн просмотров, 18 тыс. лайков, 8,9 тыс. комментариев и 16 тыс. реплаев. Видео «Космос 360: вид на Землю из модуля «Купол» [47] набрало 800 тыс. просмотров, 14 тыс. лайков, 428 комментариев и 6,6 тыс. реплаев. Еще один популярный сюжет в формате 360° относится к теме «политика» – «Алеппо: Шрамы войны» [42]. Он насчитывает 1,9 млн просмотров, 17 тыс. лайков, 965 комментариев и 4,2 тыс. реплаев.

Большая часть иммерсивных видео Russia Today оказалась мало востребована аудиторией, имея до 50 тыс. просмотров (167 видео): 53 видео – до 10 тыс. просмотров и 114 видео – от 10 до 50 тыс. просмотров. Ещё 32 видео набрали от 50 до 100 тыс. просмотров; 12 видео – от 100 до 500 тыс. просмотров; 2 видео – от 500 до 1 млн просмотров и всего три обозначенных выше видео перешли порог в 1 млн просмотров. В числе видео, превысивших 100 тыс. просмотров (17 видео), преобладают темы космоса и культуры (по 5 видео каждая), но также встречаются темы политики (4 видео), экстрима (2 видео), путешествий (1 видео). Наш анализ показал, что среди наиболее востребованных аудиторией видео преобладают короткие ролики: 6 видео имели длительность до трех минут, 9 видео – от трёх до пяти минут, одно видео – от 5 до 10 минут и еще одно видео длится почти 4 часа.

Таким образом, за три года существования проекта «Видео 360°» телеканал Russia Today выпустил более 200 видео на 14 различных

тем – от спорта и экстрима до политики и культуры. Кроме того, за это время редакция повысила качество съемки – с одноплановой до разноплановой композиции видео, а также подняла их разрешение, начала использовать анимационные элементы, провела работу по звукорежиссуре: внедрила звуковое сопровождение, закадровый голос. Стоит отметить, что звуковое сопровождение, уровень съемки и монтажа за время работы с иммерсивным видео на канале Russia Today стали отличаться оригинальностью и качеством. Видеоконтент RT 360 имеет несомненные преимущества по сравнению с традиционным видео: позволяет наблюдать происходящее в разных перспективах и ракурсах, расширяет обзор зрителя и усиливает эффект погружения в событийную среду, транслирует зрителю атмосферу, эмоции и впечатления участников, а также развлекает пользователя благодаря интерактивным элементам: анимации, панели управления.

В российском медиапространстве лидером в освоении и применении VR/AR-технологий при создании иммерсивного журналистского контента является РИА Новости. В 2018 г. специалисты Дирекции новых медиа создали и развили первую в России платформу иммерсивной журналистики РИА.Lab. В специально разработанном приложении для AppStore и GooglePlay публикуются материалы, созданные и реализуемые с помощью инструментов дополненной и виртуальной реальности. Кроме того, с 2021 г. часть проектов доступна в формате так называемого «большого VR» на платформе Steam. За пять лет Дирекцией новых медиа было выпущено 26 материалов, созданных с помощью AR (14 проектов), VR-инструментов (10 проектов) и съемки видео в формате 360° (2 проекта). Часть проектов представлена на сайте агентства в разделе «Интерактивные проекты». Каждому иммерсивному материалу РИА Новости посвящена страница с текстовым описанием или полноценным материалом по теме в формате лонгрида с фотографиями, подкастами, видеонаонсами или демонстрационными видео.

Говоря о качестве иммерсивных проектов РИА Новости, стоит начать с того, что в их производстве участвуют команды специа-

листов из трех отделов: редакционного отдела, отдела разработки, отдела аудитории и маркетинга. Центр разработки экспериментальных проектов Дирекции новых медиа состоит из команды численностью до 10 человек, в которую входят руководитель Центра, менеджер проектов, гейм-дизайнер, 3D и 2D/ UI/ UX-художники, Unity developers (разработчики) и тестировщик. Кроме того, к работе привлекаются звукорежиссер и переводчики на английский и китайский языки. Посильную помощь, экспертную и информационную поддержку оказывают различные фонды, сообщества, движения, организации и ассоциации. Источниками информации выступают герои материалов, эксперты и консультанты по теме, международные и российские реестры, документы и архивы. На непосредственную разработку каждого проекта уходит от 3 до 6 месяцев в зависимости от сложности поставленной задачи. Как отмечают создатели [13], они готовят иммерсивные продукты к конкретным датам релиза.

Большинство иммерсивных проектов Дирекции новых медиа носят образовательно-просветительский характер, повествуя об исторических событиях [4; 5; 21], космосе [18; 28; 33; 34;], культуре [9; 10; 31; 39], реконструируя жизненный опыт отдельных категорий людей (инвалидов по зрению [40], аутистов [19], синестетов [27] и пр.). Встречаются материалы на социальные темы [25; 32], посвященные катастрофам [7; 30], праздникам [16], спецтехнике [14; 15] и экологии [24]. Как правило, это «долгоиграющие темы», касающиеся малодоступных персон и объектов (атомный ледокол, чёрная дыра, лунная станция, отшельница Агафья Лыкова, лесной пожар) и транслирующие уникальный эмоционально-телесный опыт (восприятие аутистов, синестетов или слепых; встреча Юрия Гагарина; переживание окончания войны в мае 1945 г.; дрессировка хищников и пр.).

Благодаря иммерсивным технологиям у журналистов появляется возможность создавать материалы, которые реконструируют конкретные события или воссоздают чувственно-эмоциональный опыт определенных практик, состояний, восприятий; позволяют

аудитории реализовать вариативность исследовательского поиска в изучении тех или иных вопросов; усиливают субъектную позицию пользователя, позволяя ему моделировать исследуемую ситуацию, детально погружаться в изучение малодоступных объектов. В результате возникают новые жанры журналистских материалов, заимствующие характерные черты других практик медиапотребления, а именно: компьютерно-игровых, визуально-зрелищных, виртуально-экспозиционных. Так, Дирекция новых медиа создает иммерсивные материалы в таких жанрах, как AR/VR-симулятор (5 материалов), AR-игра (4 материала), AR-выставка (5 материалов), AR/VR-реконструкция (9 материалов) и VR-квест (1 материал); модернизируют такой традиционный жанр журналистики, как репортаж – в видеорепортаж в формате 360° (2 материала).

Ввиду того, что проекты РИА Новости представляют собой различные виды материалов – от AR-фотовыставок до VR-реконструкций – большинство из них не имеют фиксированной длительности. Пользователю предоставляется мультимодальный контент, на потребление которого он тратит неопределенное количество времени. В таком случае задача производителя заключается в том, чтобы заинтересовать реципиента, привлечь его внимание и погрузить в событийную среду, где бы он провел как можно большее количество времени.

Иммерсивные проекты РИА Новости отличаются высоким качеством в плане уникальности идеи, проработки темы, программирования, графического дизайна, звука, сценарного мастерства. Два из них получили награды в международных конкурсах: проект «Механика аутизма. Почему они так реагируют» стал лауреатом юбилейного, 25-го ежегодного международного конкурса в сфере маркетинга, рекламы, корпоративных коммуникаций и пиара Communicator Awards и премии Всемирной газетной и новостной ассоциации (WAN-IFRA) European Digital Media Awards, а проект «Слепые в большом городе» стал победителем международной премии IPRA Golden World Awards 2019. Несмотря на подобные достижения, популярность материалов РИА Новости остается не-

достаточно высокой по оценкам самих создателей [13]. Согласно результатам нашего контент-анализа, максимальное количество просмотров за время существования набрали лишь первые два иммерсивных проекта РИА Новости: «VR-история. Механика аутизма: Почему они так реагируют?» (чуть более 102,2 тыс. просмотров) и «AR-история. Синестезия. Они чувствуют иначе. Они среди нас» (159 тыс. просмотров). Материал «Фотовыставка лауреатов конкурса Стенина с элементами дополненной реальности» стал антирекордсменом, набрав всего около 200 просмотров. Остальные публикации не достигли отметки в 60 тысяч просмотров.

По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что более проработанные иммерсивные материалы РИА Новости пользуются меньшей популярностью, чем панорамные видео телеканала Russia Today. При этом иммерсивный контент, несомненно, обладает высоким потенциалом роста аудиторных просмотров: так, за время проведения нашего исследования количество просмотров по разным иммерсивным проектам агентства увеличилось от нескольких десятков до нескольких тысяч посетителей. Подобный эффект достигается благодаря не теряющим своей актуальности темам: очевидно, что спустя достаточно длительный период времени эти публикации будут по-прежнему интересны и востребованы аудиторией. При этом технические ограничения роста популярности иммерсивного контента (устаревание графики, навигации, аудиовизуальных эффектов и прочее), несомненно, существуют. Причинами низкой заинтересованности аудитории в иммерсивном журналистском контенте могут быть недостаточная осведомленность пользователей, их низкая техническая оснащенность, а также отсутствие понимания функциональных особенностей подобного рода материалов.

Из нашего интервью с Н.Г. Лосевой следует, что изначально Дирекция новых медиа МИА «Россия сегодня» при производстве иммерсивного журналистского контента ориентировалась как на потребителей VR/AR-продуктов, так и на более широкую аудиторию. Но это оказалось «тупиковой веткой»: пробиваться в аудиторию, которая никогда не смотрела VR и еще долго не будет смотреть, – это

история затратная: «Поэтому сейчас мы ориентируемся в первую очередь на ту аудиторию, которая уже является пользователями VR: то есть у них дома есть шлем, или они ходят в VR-клубы, или у них в школе есть VR-класс, или в институте есть преподавание какого-то предмета через VR. Это аудитория молодежная» [13]. Помимо этого, по словам Н.Г. Лосевой, их интересует и взрослая аудитория, которая получила опыт общения с VR – на работе либо в игровой форме – и понимает, что есть такой инструмент со своими возможностями в развлекательной или познавательной областях. «В целом, если говорить в двух словах, это та аудитория, которая уже сегодня имеет более или менее регулярный опыт пользования VR» [13].

Таким образом, достаточно трудоёмкие и ресурсоёмкие в разработке материалы журналистики погружения менее доступны аудитории, поскольку зачастую требуют значительной вычислительной мощности устройства пользователя и дополнительных девайсов, таких как VR-шлем или очки виртуальной реальности. СМИ пытаются решить эту проблему, ориентируясь на усредненный уровень технической оснащённости пользователя – наличие смартфона, планшета или компьютера с доступом в Интернет. Однако это может привести как к снижению эффекта иммерсии, так и ухудшению качества самого продукта, что сводит на нет усилия журналистов по созданию иммерсивных материалов. Технические ограничения становятся препятствием не только для пользователя, но и для производителя.

Несомненно, что иммерсивные технологии имеют весьма ограниченную область применения в журналистике с точки зрения массовой практики: оперативная подача информации аудитории делает нецелесообразным и практически невозможным использование сложных эффектов – объемного звука, визуального погружения, интерактивного взаимодействия, – во всяком случае, на современном этапе развития средств коммуникации.

Заключение

1. Мониторинг российского медиаполя показал, что иммерсивные технологии в журналистике использовали лишь две редакции:

телеканал Russia Today и РИА Новости. При этом оба СМИ прекратили данную практику через 2-3 года после её начала (в 2018 и в 2021 гг. соответственно). За обозначенный период журналистами редакций было создано достаточно ограниченное количество иммерсивных материалов (216 и 26 соответственно).

2. Единственный формат иммерсивных материалов телеканала Russia Today – видео 360°, публикуемых преимущественно в жанрах репортажа, информационного сюжета, зарисовки, очерка, отчёта и видеотрансляции. Специалисты Дирекции новых медиа МИА «Россия сегодня» в основном использовали технологии виртуальной и дополненной реальности, представляя аудитории инновационную палитру жанров: AR/VR-симулятор (5 материалов), AR-игру (4 материала), AR-выставку (5 материалов), AR/VR-реконструкцию (9 материалов) и VR-квест (1 материал), видеорепортаж 360° (2 видео). Опыт редакций показывает, что технологии дополненной и виртуальной реальности значительно трансформируют традиционную палитру жанров журналистики, в отличие от технологии видео 360°.

3. Тематика иммерсивных материалов частично совпадает в двух изданиях по темам «космос», «праздники», «значимые исторические события», «профессиональные будни», «культура». При этом на телеканале Russia Today, в отличие от РИА Новости, активно освещались темы спорта, экстрима и путешествий. Здесь также актуализировалась потенциально новостная тематика – международная политика и резонансные трагические события. В иммерсивных материалах МИА «Россия сегодня» разрабатывалась такая оригинальная проблематика, как уникальные типы восприятия некоторых категорий людей: аутистов, синестетов, инвалидов по зрению.

4. Несмотря на значительно расширившиеся функциональные возможности иммерсивного контента, его востребованность аудиторией остаётся достаточно низкой. В первую очередь это касается тщательно проработанных VR- и AR-проектов журналистики погружения Дирекции новых медиа МИА «Россия сегодня»: количество просмотров лидера в данной группе достигает всего 159 тыс.,

абсолютное же большинство подобных проектов не собрало и 60 тыс. просмотров. Примерно такой же результат у «видео 360» телеканала Russia Today: более половины материалов не превысили 50 тыс. просмотров, хотя два видео космической тематики набрали 4 млн. и 1,2 млн. просмотров соответственно, а ещё одно политической направленности – 1,9 млн. просмотров. При этом наиболее привлекательны для аудитории, согласно нашему анализу, видеоролики длительностью до трёх минут.

5. Основным ограничением, препятствующим росту популярности иммерсивного контента у аудитории, является низкая техническая оснащённость для восприятия виртуальной и дополненной реальности: недостаточная мощность и объёмы памяти смартфона/планшета/компьютера, отсутствие шлемов или очков виртуальной реальности.

6. Существуют причины, ограничивающие журналистское производство иммерсивного контента: для его создания требуется команда специалистов – звукорежиссер, 3D-художник, программист, сценарист, дизайнер, тестировщик и пр., а также большее количество временных, финансовых, технических и технологических ресурсов редакции. Кроме того, применение иммерсивных технологий на современном этапе их развития может противоречить ряду стандартов журналистской деятельности: оперативности, объективности, доступности информации.

7. С коммерческой точки зрения выпуск AR/VR-контента в журналистике так же нецелесообразен: он требует повышенных расходов производства, мало востребован аудиторией, не приносит никаких доходов (ввиду отсутствия практики монетизации в российских СМИ). Не случайно, что подобный контент создавался в редакциях именно государственных СМИ: коммерчески ориентированные медиапроизводители не заинтересованы в подобных экспериментах. Что касается формата «видео 360», то он более доступен как для медиапроизводителей, так и для медиапотребителей.

8. Несомненно, что иммерсивный контент приносит свои бонусы для редакции: формирует имидж передового, креативного, техноло-

гичного СМИ; позволяет редакции диверсифицировать медиапродукт, осваивая новые информационные ниши: досугово-развлекательную, культурно-просветительскую, образовательную; помогает приобщить к своей аудитории малодоступные группы, в основном молодых людей до 20 лет.

Список литературы

1. Беленкова Т.В. Современный этап существования иммерсивной журналистики и перспективы ее развития // Век информации. 2018. № 2-2. С. 136-138.
2. Благов Ю.В. Иммерсивная журналистика в медиареальности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 3. Том 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnaya-zhurnalistika-v-mediarealnosti> (дата обращения: 11.03.2023).
3. Боброва А.В. Иммерсивные технологии в журналистике: современное состояние и перспективы развития: выпускная квалификационная работа. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/29612/2019_216_bobrovaav.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 11.03.2023).
4. В чем виновны лидеры Третьего рейха? Уникальное VR-расследование преступлений подсудимых Нюрнбергского процесса // РИА Новости. 2021. Окт., 12. URL: <https://ria.ru/20211012/nyurnberg-1753992957.html> (дата обращения: 17.02.2023).
5. Валерка встречает Гагарина. VR-история, случившаяся в Москве весной 61-го // РИА Новости. 2019. Апр., 12. URL: <https://ria.ru/20190412/1552414883.html> (дата обращения: 17.02.2023).
6. Видео 360. // RT на русском. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLJuzsrVaWjZbAVXKZ_0iz5HuPXjX_SL5 (дата обращения: 17.02.2023).
7. Внутри лесного пожара. Катастрофа в дополненной реальности // РИА Новости. 2019. Дек., 18. URL: <https://ria.ru/20191218/1562503708.html> (дата обращения: 17.02.2023).
8. Гаврилов А.А. Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013.

- № 11(37): в 2-х ч. Ч. I. С. 45-47. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_11-1_07.pdf (дата обращения: 11.03.2023).
9. Глядя в пасть. Изнанка дрессировки хищников в репортаже 360 // РИА Новости. 2020. Май, 20. URL: <https://ria.ru/20200520/1571490627.html> (дата обращения: 17.02.2023).
  10. Жизнь и смерть на арене: VR-репортаж об опасной работе цирковых артистов // РИА Новости. 2020. Дек., 23. URL: <https://ria.ru/20201223/akrobaty-1590546902.html> (дата обращения: 17.02.2023).
  11. Замков А.В. О виртуальном расширении медиареальности // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2351> (дата обращения: 11.03.2023).
  12. Замков А.В. Иммерсивная журналистика: подходы к теории и проблемам образования / Крашенинникова М.А., Лукина М.М., Цынарева Н.А. // Современные информационные технологии и ИТ-образование 2017. №1. Том 13. С. 166-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnaya-zhurnalistika-podhody-k-teorii-i-probleмам-obrazovaniya> (дата обращения: 11.03.2023).
  13. Интервью авторов исследования с заместителем главного редактора МИА «Россия сегодня» Н.Г. Лосевой. 2022. Май.
  14. Как на пожар! История и эволюция способов борьбы с огнем // РИА Новости. 2020. Окт., 22. URL: <https://ria.ru/20201022/spetstekhnika-1580928795.html> (дата обращения: 17.02.2023).
  15. Как это устроено: атомный ледокол «Арктика». AR-реконструкция // РИА Новости. 2020. Фев., 10. URL: <https://ria.ru/20200210/1564361815.html> (дата обращения: 17.02.2023).
  16. Кто твой Дед Мороз?! Поймай своего и узнай, что будет // РИА Новости. 2018. Дек., 20. URL: <https://ria.ru/20181220/1548086735.html> (дата обращения: 17.02.2023).
  17. Ларин М.С. Моделирование дополненной реальности // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. 2010. №2. Т. 53. С. 52-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-dopolnennou-realnosti> (дата обращения: 11.03.2023).
  18. Лунная станция 2038 года. Прогноз-реконструкция в виртуальной реальности // РИА Новости. 2019. Авг., 30. URL: <https://ria.ru/20190830/1558027531.html> (дата обращения: 17.02.2023).

19. Механика аутизма. Почему они так реагируют? VR-история о том, как «изнутри» устроен мир человека с аутизмом // РИА Новости. 2018. Ноябрь, 8. URL: <https://ria.ru/20181108/1532191512.html> (дата обращения: 17.02.2023).
20. Мухамадиева К.Б. Дополненная и виртуальная реальность в образовании // Образование и проблемы развития общества. 2021. №1 (14). С. 68-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnennaya-i-virtualnaya-realnost-v-obrazovanii> (дата обращения: 11.03.2023).
21. Неизвестный знаменосец VR-реконструкция // РИА Новости. 2020. Апрель, 7. URL: <https://ria.ru/20200407/1569234255.html> (дата обращения: 17.02.2023).
22. Новикова А.А., Кирия И.В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 276-288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-immersivnosti-osobennosti-tvorcheskoy-deyatelnosti-zhurnalista-v-multimedijnyh-i-transmedijnyh-proektah/viewer> (дата обращения: 11.03.2023).
23. Осиповская Е.А. Технологии виртуальной реальности как новый инструмент журналистики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6. С. 78-81. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-78-83>
24. РИА Новости и «Другое Дело» запустили AR-проект о сборе мусора // РИА Новости. 2022. Июнь, 28. URL: <https://ria.ru/20220628/proekt-1798662385.html> (дата обращения: 17.02.2023).
25. «Россия сегодня» представила фотографии о жизни таежной отшельницы // РИА Новости. 2019. Янв., 18. URL: <https://ria.ru/20190118/1549579366.html> (дата обращения: 17.02.2023).
26. Сидунова М.К. Точки роста иммерсивной журналистики в России // Медиасреда. 2020. №17. С. 53-57. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10112>
27. Синестеты. Они чувствуют иначе. Они среди нас // РИА Новости. 2018. Ноябрь, 15. URL: <https://ria.ru/20181115/1532746362.html> (дата обращения: 17.02.2023).

28. Спутник-мусорщик: как, зачем и от чего будут очищать орбиту. AR-игра // РИА Новости. 2021. Фев., 24. URL: <https://ria.ru/20210224/kosmosor-1598743936.html> (дата обращения: 17.02.2023).
29. Суходолов А.П., Тимофеев С.В. СМИ и виртуальная реальность: новые возможности и перспективы // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. №4. С. 567-580. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).567-580](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).567-580)
30. Тайна перевала Дятлова. AR-реконструкция основных версий // РИА Новости. 2019. Март, 26. URL: <https://ria.ru/20190326/1552000052.html> (дата обращения: 17.02.2023).
31. Фотовыставка лауреатов конкурса Стенина с элементами дополненной реальности // РИА Новости. 2019. Сент., 10. URL: <https://ria.ru/20190910/1558521308.html> (дата обращения: 17.02.2023).
32. Чудо на кукурузном поле VR-расследование год спустя // РИА Новости. 2020. Авг., 14. URL: <https://ria.ru/20200814/1575700384.html> (дата обращения: 17.02.2023).
33. AR-история: путешествие в центр черной дыры. Внутри загадки космоса // РИА Новости. 2020. Янв., 28. URL: <https://ria.ru/20190128/1549708746.html> (дата обращения: 17.02.2023).
34. AR-проект «Солнечное затмение и исчезновение Луны» // РИА Новости. 2019. Июль, 12. URL: <https://ria.ru/20190712/1556361293.html> (дата обращения: 17.02.2023).
35. Facebook*¹ закрыл страницу «РТ на русском» // РИА Новости. 2023. Янв., 16. URL: <https://ria.ru/20230116/stranitsa-1845318960.html> (дата обращения: 17.02.2023).
36. Google заблокировал YouTube-каналы RT и Sputnik // Ведомости. 2022. Март, 1. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2022/03/01/911442-youtube-kanali-rt-sputnik> (дата обращения: 17.02.2023).
37. Google убрала приложения RT и Sputnik из магазина в Европе // РБК. 2022. Март, 2. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2022/621f10ac9a79475594fe5ad7> (дата обращения: 17.02.2023).
38. RT внедряет панорамное видео в новости // RT на русском. 2016. Апр., 1. URL: <https://russian.rt.com/article/156615-rt-vnedryaet-panoramnoe-video-v-novosti> (дата обращения: 17.02.2023).

---

¹ Признана экстремистской организацией, запрещена на территории России

39. VR-музей исчезнувших картин: теперь вы сможете увидеть утраченные шедевры // РИА Новости. 2019. Окт., 25. URL: <https://ria.ru/20191025/1559657556.html> (дата обращения: 17.02.2023).
40. VR-проект «Слепые в большом городе» // РИА Новости. 2019. Янв., 30. URL: <https://ria.ru/20190130/1550092823.html> (дата обращения: 17.02.2023).
41. Admiral Kuznetsov 360: Spectacular panoramic views aboard Russian aircraft carrier operating off Syria // RT 360. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1320973207924120/> (дата обращения: 17.02.2023).
42. Aleppo: Scars of War (360 Video) // RT 360. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1349211148433659/> (дата обращения: 17.02.2023).
43. First time in the Universe: Spacewalk filmed in 360 // RT 360. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1649476458407125/> (дата обращения: 17.02.2023).
44. Google Europe, 2022. URL: https://twitter.com/googleeurope/status/1498572529409179648?cxt=HHwWgIC-2dLx_8spAAAA (дата обращения: 17.02.2023).
45. On Cosmonautics Day, RT360 takes you to space to witness sunrise and sunset as seen from the ISS // RT 360. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1845736618781107/> (дата обращения: 17.02.2023).
46. RT | 360 videos. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLPsz-yYHA9K0BbCV_1MnwhNRo5aea9GEN (дата обращения: 17.02.2023).
47. Space 360: View of Earth from Cupola module // RT 360. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1322762261078548/> (дата обращения: 17.02.2023).

References

1. Belenkova T.V. Sovremennyy jetap sushhestvovaniya immersivnoj zhurnalistiki i perspektivy ee razvitija [The current stage of existence of immersive journalism and the prospects for its development]. *Vek informatsii* [The Age of Information], 2018, no. 2-2, pp. 136-138.

2. Blagov Yu.V. Immersivnaja zhurnalistika v medireal'nosti [Immersive journalism in media reality]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga Tatishchev University], 2017, no. 3(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnaya-zhurnalistika-v-mediarealnosti> (accessed March 11, 2023).
3. Bobrova A.V. *Immersivnye tekhnologii v zhurnalistike: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Immersive technologies in journalism: current state and development prospects]. Cheljabinsk: SUSU, 2019. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/29612/2019_216_bobrovaav.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed March 11, 2023).
4. V chem vinovny lidery Tret'ego rejha? Unikal'noe VR-rassledovanie prestuplenij podsudimyh Nyurnbergskogo processa [What were the leaders of the Third Reich guilty of? A unique VR investigation into the crimes of the Nuremberg Trials' defendants]. *RIA Novosti*, 2021. URL: <https://ria.ru/20211012/nyurnberg-1753992957.html> (accessed February 17, 2023).
5. Valerka vstrechaet Gagarina. VR-istoriya, sluchivshayasya v Moskve vesnoj 61-go [Valerka meets Gagarin. A VR story that happened in Moscow in the spring of '61]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190412/1552414883.html> (accessed February 17, 2023).
6. Video 360. RT na russkom // YouTube. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLJuzsrVaWjZbAVXKZ_0iz5HuPXjX_SL5 (accessed February 17, 2023).
7. Vnutri lesnogo pozhara. Katastrofa v dopolnennoj real'nosti [Inside a forest fire. Disaster in augmented reality]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20191218/1562503708.html> (accessed February 17, 2023).
8. Gavrilov A.A. Mediareal'nost' kak tip virtual'noĭ real'nosti [Media reality as a type of virtual reality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice], 2013, no. 11 (37), pp. 45-47. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_11-1_07.pdf (accessed March 11, 2023).

9. Glyadya v past'. Iznanka dressirovki hishchnikov v reportazhe 360 [Looking into the muzzle: The ins and outs of predator training in the 360 report]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20200520/1571490627.html> (accessed February 17, 2023).
10. Zhizn' i smert' na arene: VR-reportazh ob opasnoj rabote cirkovyh artistov [Life and death in the arena: a VR report on the dangerous work of circus performers] *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20201223/akrobaty-1590546902.html> (accessed February 17, 2023).
11. Zamkov A.V. O virtual'nom rasshirenii mediareal'nosti [On the virtual expansion of media reality]. *Mediaskop* [Mediascope], 2017, Vyp. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2351> (accessed March 11, 2023).
12. Zamkov A.V. Immersivnaja zhurnalistika: podhody k teorii i problemam obrazovaniya [Immersive journalism: approaches to the theory and problems of education]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie* [Modern Information Technologies and IT Education], 2017, no. 1(13), pp. 166-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnaya-zhurnalistika-podhody-k-teorii-i-problemam-obrazovaniya> (accessed March 11, 2023).
13. Interv'yu avtora s zamestitelem glavnogo redaktora MIA «Rossiya segodnya». [Author's interview with the deputy editor-in-chief of the Rossiya Segodnya news agency], 2022, May.
14. Kak na pozhar! Istoriya i evolyuciya sposobov bor'by s ognem [Like to a fire! History and evolution of firefighting techniques]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20201022/spetstekhnika-1580928795.html> (accessed February 17, 2023).
15. Kak eto ustroeno: atomnyj ledokol "Arktika". AR-rekonstrukciya [How it works: the nuclear-powered icebreaker Arktika. AR reconstruction]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20200210/1564361815.html> (accessed February 17, 2023).
16. Kto tvoj Ded Moroz?! Pojmaj svoego i uznaj, chto budet [Who's your Father Christmas?! Catch yours and find out what happens]. *RIA Novosti*, 2018. URL: <https://ria.ru/20181220/1548086735.html> (accessed February 17, 2023).
17. Larin M.S. Modelirovanie dopolnennoj real'nosti [Augmented reality simulation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Priborostroe-*

- nie* [News of higher educational institutions. Instrumentation], 2010, no. 2(53), pp. 52-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-dopolnennoy-realnosti> (accessed March 11, 2023).
18. Lunnaya stanciya 2038 goda. Prognoz-rekonstrukciya v virtual'noj real'nosti [Moon base 2038. Forecast-reconstruction in virtual reality]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190830/1558027531.html> (accessed February 17, 2023).
19. Mekhanika autizma Pochemu oni tak reagiruyut? VR-istoriya o tom, kak «iznutri» ustroen mir cheloveka s autizmom [The mechanics of autism Why do they react this way? A VR story about how the world of a person with autism works 'from the inside']. *RIA Novosti*, 2018. URL: <https://ria.ru/20181108/1532191512.html> (accessed February 17, 2023).
20. Mukhamadieva K.B. Dopolnennaja i virtual'naja real'nost' v obrazovanii [Augmented and virtual reality in education]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva* [Education and the Problems of Society Development], 2021, no. 1 (14), pp. 68-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnennaya-i-virtualnaya-realnost-v-obrazovanii> (accessed March 11, 2023).
21. Neizvestnyj znamenosec VR-rekonstrukciya [Unknown flag bearer VR reconstruction]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20200407/1569234255.html> (accessed February 17, 2023).
22. Novikova A.A., Kiriya I.V. Jestetika immersivnosti: osobennosti tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista v mul'timedijnyh i transmedijnyh proektah [Aesthetics of immersiveness: features of the creative activity of a journalist in multimedia and transmedia projects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], 2018, vol. 15(2), pp. 276-288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-immersivnosti-osobennosti-tvorcheskoy-deyatelnosti-zhurnalista-v-multimedijnyh-i-transmedijnyh-proektah/viewer> (accessed March 11, 2023).
23. Osipovskaya E.A. Tehnologii virtual'noj real'nosti kak novyj instrument zhurnalistiki [Virtual reality technologies as a new tool for journalism]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya* [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology], 2018, no. 6(17), pp. 78-81. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-78-83>

24. RIA Novosti i “Drugoe Delo” zapustili AR-proekt o sbore musora [RIA Novosti and Drugoi Delo launch an AR project on waste collection]. RIA Novosti, 2022. URL: <https://ria.ru/20220628/proekt-1798662385.html> (accessed February 17, 2023).
25. “Rossiya segodnya” predstavilo fotografii o zhizni taezhnoj otshel’nicy [“Rossiya Segodnya” presented photos of the life of a hermit in the taida]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190118/1549579366.html> (accessed February 17, 2023).
26. Sidunova M.K. Tochki rosta immersivnoj zhurnalistiki v Rossii [Points of growth of immersive journalism in Russia]. *Mediasreda* [Media Environment], 2020, no. 17, pp. 53-57. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10112>
27. Sinestety. Oni chuvstvuyut inache. Oni sredi nas [Synesthetes. They feel differently. They are among us]. *RIA Novosti*, 2018. URL: <https://ria.ru/20181115/1532746362.html> (accessed February 17, 2023).
28. Sputnik-musorshchik: kak, zachem i ot chego budut ochishchat’ orbitu. AR-igra [Rubbish collecting satellite: how, why and what will be cleared from orbit. AR game]. *RIA Novosti*, 2021. URL: <https://ria.ru/20210224/kosmosor-1598743936.html> (accessed February 17, 2023).
29. Sukhodolov A.P., Timofeev S.V. SMI i virtual’naja real’nost’: novye vozmozhnosti i perspektivy [Media and virtual reality: new opportunities and perspectives]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of Theory and Practice of Journalism], 2018, no. 4(7), pp. 567-580. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).567-580](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).567-580)
30. Tajna perevala Dyatlova. AR–rekonstrukciya osnovnyh versij [The mystery of Dyatlov Pass. AR reconstruction of the main versions]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190326/1552000052.html> (accessed February 17, 2023).
31. Fotovystavka laureatov konkursa Stenina s elementami dopolnennoj real’nosti [Stenin photo exhibition with augmented reality elements]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190910/1558521308.html> (accessed February 17, 2023).
32. Chudo na kukuruznom pole VR-rassledovanie god spustya [A miracle in a cornfield VR investigation a year later]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20200814/1575700384.html> (accessed February 17, 2023).

33. AR-istoriya: puteshestvie v centr chernoj dyry. Vnutri zagadki kosmosa [AR story: a journey to the centre of a black hole. Inside the mysteries of space]. *RIA Novosti*, 2020. URL: <https://ria.ru/20190128/1549708746.html> (accessed February 17, 2023).
34. AR-proekt “Solnechnoe zatmenie i ischeznovenie Luny” [AR project ‘Solar eclipse and disappearance of the moon’]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190712/1556361293.html> (accessed February 17, 2023).
35. Facebook^{1*} zakryl stranicu “RT na russkom” [Facebook* has shut down RT in Russian]. *RIA Novosti*, 2023. URL: <https://ria.ru/20230116/stranitsa-1845318960.html> (accessed February 17, 2023).
36. Google zablokiroval YouTube-kanaly RT i Sputnik [Google blocks RT and Sputnik’s YouTube channels]. *Vedomosti*, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2022/03/01/911442-youtube-kanali-rt-sputnik> (accessed February 17, 2023).
37. Google ubrala prilozheniya RT i Sputnik iz magazina v Evrope [Google removes RT and Sputnik apps from the shop in Europe]. *RBK*, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2022/621f10ac9a-79475594fe5ad7> (accessed February 17, 2023).
38. RT vnedryaet panoramnoe video v novosti [RT introduces panoramic video in the news]. *RT na russkom*, 2016. URL: <https://russian.rt.com/article/156615-rt-vnedryaet-panoramnoe-video-v-novosti> (accessed February 17, 2023).
39. VR-muzej ischeznuvshih kartin: teper’ vy smozhete uvidet’ utrachennye shedevry [VR museum of disappeared paintings: now you can see lost masterpieces]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20191025/1559657556.html> (accessed February 17, 2023).
40. VR-proekt “Slepye v bol’shom gorode” [VR project ‘Blind People in the City’]. *RIA Novosti*, 2019. URL: <https://ria.ru/20190130/1550092823.html> (accessed February 17, 2023).
41. Admiral Kuznetsov 360: Spectacular panoramic views aboard Russian aircraft carrier operating off Syria. *RT 360*. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1320973207924120/> (accessed February 17, 2023).

---

^{1*} Признана экстремистской организацией, запрещена на территории России

42. Aleppo: Scars of War (360 Video). *RT 360*. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1349211148433659/> (accessed February 17, 2023).
43. First time in the Universe: Spacewalk filmed in 360. *RT 360*. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1649476458407125/> (accessed February 17, 2023).
44. Google Europe, 2022. URL: https://twitter.com/googleeurope/status/1498572529409179648?cxt=HHwWgIC-2dLx_8spAAAA (accessed February 17, 2023).
45. On Cosmonautics Day, RT360 takes you to space to witness sunrise and sunset as seen from the ISS. *RT 360*. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1845736618781107/> (accessed February 17, 2023).
46. RT | 360 videos. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLPszыgYHA9K0BbCV_1MnwHNRo5aea9GEN (accessed February 17, 2023) (blocked).
47. Space 360: View of Earth from Cupola module. *RT 360*. URL: <https://www.facebook.com/360RT/videos/1322762261078548/> (accessed February 17, 2023).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гаврилова Анна Александровна, магистрант

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета

1-я линия В.О., 26, г. Санкт-Петербург, 199004, Российская Федерация

anyagavrilova1612@gmail.com

Яковлева Марина Геннадьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

проспект Мира, 68/19, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация

marrayk@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Gavrilova, Master's student

*Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of St. Petersburg State University
1st Line V.O., 26, St. Petersburg, 199004, Russian Federation
anyagavrilova1612@gmail.com*

Marina G. Yakovleva, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19, Prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
marrayk@yandex.ru
SPIN-code: 6932-5457
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8801-9747>
ResearcherID: O-6303-2015*

Поступила 12.04.2023

После рецензирования 05.05.2023

Принята 15.05.2023

Received 12.04.2023

Revised 05.05.2023

Accepted 15.05.2023

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

REFEREE REPORTS

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-342-359

УДК 101.1:316

Профессиональные рецензии

ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИЙ
В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИГРЫ «SECOND LIFE»*Н.В. Шалютина*

Обоснование. В современной реальности цифровые технологии не только служат инструментом реализации социальных практик, в том числе, коммеморативных, но и заполняют социальные лакуны, предлагая альтернативные способы взаимодействия с прошлым в цифровом пространстве. Компьютерные игры, в этой связи, представляют собой ценное пространство для исследований взаимоотношений с прошлым, поскольку позволяют увидеть многообразие и изменчивость современной мемориальной культуры и практик коммемораций.

Цель. Статья представляет собой рецензию на книгу «Жизнь и смерть в виртуальном мире. Цифровые родственные связи, ностальгия и скорбь в «Second Life» Маргарет Гибсон и Клариссы Карден. Автор критически осмысливает представленные в книге результаты этнографического исследования, фокусируясь на специфике мемориальной культуры и коммеморативных практиках в пространстве компьютерной игры «Second Life».

Методы. Автор опирается на философско-культурологический подход, включающий в себя приемы и методы выделения, обобщения и типологизации, а также методологию *memory studies*.

Результаты. Выделяются три интересных наблюдения авторов рецензируемой книги, касающихся цифровой мемориальной культу-

ры: (1) автономность виртуальных норм в процессе переживания «бесправного горя»; (2) возможность реализации ностальгических переживаний с помощью виртуальных «путешествий во времени»; (3) формирование специфической мемориальной культуры в пространстве «виртуальных третьих мест», являющейся альтернативой легитимизированной мемориальной культуре. Автор рецензии типологизирует описываемые в книге цифровые коммеморативные практики с точки зрения объектов памяти. Выделяются коммеморации, связанные с виртуальной историей (реализующие ностальгию по прошлому самой игры); воображаемой историей (позволяющие «играть» в историю в пространстве симуляций) и реальной историей.

Области применения результатов. Полученные результаты могут быть применимы при изучении социокультурных трансформаций практик коммемораций в цифровой среде, в формировании исследовательских подходов к пониманию специфики социально-конструктивистского потенциала компьютерных игр.

Ключевые слова: компьютерные игры; мемориальная культура; цифровые коммеморативные практики; «виртуальное третье место»

Для цитирования. Шалютина Н.В. Практики коммемораций в виртуальном пространстве компьютерной игры «Second Life» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 342-359. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-342-359

Referee Reports

COMMEMORATIVE PRACTICES IN THE VIRTUAL SPACE OF THE COMPUTER GAME «SECOND LIFE»

N.V. Shalyutina

Background. In contemporary reality, digital technologies not only serve as a tool for the implementation of social practices, including commemorative practices, but also fill social gaps, offering alternative ways

of interaction with the past in the digital space. In this context, computer games offer a valuable research space for interactions with the past, as they allow us to see the diversity and fluidity of the contemporary commemorative culture and practices.

Purpose. *This article is a review of the book *Life and Death in the Virtual World. Digital Kinship, Nostalgia and Grief in Second Life*” by Margaret Gibson and Clarissa Carden. The author critically examines the ethnographic research presented in the book, focusing on the specifics of memorial culture and commemorative practices in the space of *Second Life* computer game.*

Methods. *The author relies on the philosophical-cultural approach, which includes methods of selection, generalization and typology, as well as the methodology of memory studies.*

Results. *Three interesting observations of the authors of the reviewed book on digital memorial culture are highlighted: (1) autonomy of virtual norms in the process of experience of «powerless grief»; (2) possibility of realization of nostalgic experiences through virtual «time travel»; (3) formation of specific memorial culture in the space of «virtual third places», which is an alternative to the legitimized memorial culture. The author of the review typologizes the digital commemorative practices described in the book in terms of memory objects. It distinguishes commemorations associated with virtual history (implementing the nostalgia for the past of the game itself); imagined history (allowing to «play» history in the space of simulations) and reallife history.*

Scope of results. *The results can be applied in the study of socio-cultural transformations of commemorative practices in the digital environment, as well as in the formation of research approaches to understanding the specific socio-constructivist potential of computer games.*

Keywords: *computer games; memorial culture; digital commemorative practices; «virtual third place»*

For citation. *Shalyutina N.V. Commemorative Practices in the Virtual Space of the Computer Game «Second Life». *Sovremennye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 342-359. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-342-359*

Введение

Дискуссии о роли компьютерных игр как новом способе социальных взаимодействий и конструирования реальности ведутся как в поле междисциплинарных исследований, так и в рамках перспективы *game studies* [2; 3]. Проникая в другие социальные институты, компьютерные игры становятся культурным феноменом, вызывающим интерес со стороны представителей разных дисциплин: поисковый запрос по словам «компьютерные игры» в заголовках, ключевых словах и аннотациях базы *eLibrary.ru* дает 19222 результатов из более чем 41 млн. статей (данный на конец марта 2023 г.)

Принимая во внимание потенциал компьютерных игр как элементов конструирования новых форм социальности, они представляют особый интерес с точки зрения *memory studies*. Компьютерные игры, создающие виртуальные миры, – не только развлечение, но специфическое пространство удовлетворения сложных эмоциональных потребностей и переживаний прошлого: горя, потери, привязанности, ностальгии. Впитывая биографические истории пользователей, виртуальные миры компьютерных игр создают места памяти, цифровых мемориалов и коммемораций, дают представление о многочисленных и разнообразных способах рефлексии над прошлым.

В этой связи интерес представляет монография «Жизнь и смерть в виртуальном мире. Цифровые родственные связи, ностальгия и скорбь в *Second Life*» [8], доцентов университета Гриффина (Австралия) Маргарет Гибсон и Клариссы Карден. Авторы предлагают этнографический анализ коммеморативных практик пользователей «*Second Life*» и их эмоциональных потребностей и переживаний, связанных с прошлым. Это игра, существующая с 2003-го года, и насчитывающая более 60-ти млн. пользователей, которой уже посвящено несколько исследований, самые известные – Тома Боелстрофа [6] и Шерри Туркле [11].

Игра является трехмерным виртуальным пространством с элементами социальной сети, в котором владельцы аккаунтов имеют возможность выбрать и модифицировать своего аватара, создавать

цифровые объекты (товары, предметы), общаться, работать, участвовать в сообществах, путешествовать, покупать и арендовать недвижимость. Пользователи сами выбирают образ жизни в «Second Life» и обустраивают свои пространства: в игре есть различные зоны, отвечающие потребностям пользователей: пространства для медитации, ролевых игр, виртуальных боевых действий, кладбища, магазины, сады. Учитывая долгий срок существования «Second Life», большое количество участников и технические возможности модификации пространств, эта игра стала популярной площадкой не только для досуга, но и для социального взаимодействия, бизнеса и обучения. Авторы называют пространство «Second Life» «зрелым виртуальным миром», со своей культурой, историей, ритуалами и конвертируемой валютой.

Цель и методология

Статья представляет собой рецензию на книгу М.Гибсон и К.Карден «Жизнь и смерть в виртуальном мире. Цифровые родственные связи, ностальгия и скорбь в «Second Life». Цель статьи – выделение специфических черт мемориальной культуры и типологизация цифровых практик коммеморации в пространстве компьютерной игры на основе этнографического исследования М.Гибсон и К.Карден. Рецензия подготовлена с опорой на философско-культурологический подход, включающий в себя приемы и методы выделения, обобщения и типологизации, а также методологию *memory studies*.

Результаты и их обсуждение

Рецензируемая книга представляет собой этнографическое исследование практик, связанных с горем, памятью, ностальгией и трауром в «Second Life» и основана на беседах с пользователями и на включенном наблюдении за повседневностью виртуальных сообществ. Книга состоит из 5-ти глав, каждая из которых демонстрирует возможности «Second Life» дублирования и вытеснения традиционных правил социальных взаимодействий. В первых двух главах авторы устанавливают связь и автономность «реальной» и

«второй» жизнью, демонстрируя, что жизнь аватара имеет ценность, так как он является частью социальной сети друзей и семьи. Авторы подвергают сомнению онтологические статусы первичности реальной и вторичности виртуальной жизни, демонстрируя, как некоторые ритуалы, имеющие культурные и исторические корни (например, траурные церемонии) переносятся, приживаются и реконструируются в онлайн-мире.

В первой главе авторы рассматривают семьи в «Second Life», их способы и цели формирования. С точки зрения авторов, эти виртуальные семьи одновременно подрывают и укрепляют традиционные формы родства, так как могут комбинировать «реальное» и «воображаемое» цифровое родство. Авторы подчеркивают, что семейные и романтические отношения в виртуальном мире не регулируются теми же нормами и моралью, что и в мире офлайн, так как пользователи формируют связи и привязанности, существующие вне их физического воплощения. В виртуальной среде становится возможным оспаривать правовые и социальные нормы заботы и родства.

Во второй главе авторы постулируют, что жизни, прожитые в «Second Life» - жизни аватаров – являются сами по себе значимыми и достойными скорби даже независимо от реальной жизни, необходимой для их функционирования. «Вторая жизнь» зависит от физического существования; однако, в соответствии с авторским стремлением проблематизировать понятия «первичности» и «вторичности», авторы утверждают, что виртуальная жизнь не сводится к продолжению «реальной жизни». Аватары развивают обширные сети отношений, играют определенные социальные роли в виртуальном пространстве, накапливают имущество и создают объекты, которые имеют экономическую ценность как в виртуальном мире, так и за его пределами.

В третьей главе авторы обращаются к мемориальной культуре «Second Life» и показывают, каким образом коммеморативные практики «Second Life» материализуют переживание скорби в ситуации потери близких в реальной жизни. В этой главе описывает-

ся феномен кладбищ «Second Life», на которых люди и животные, существующие как в виртуальном мире, так и за его пределами мемориализуются; а также характеризуется культура чествования общественно значимых персон и событий.

В четвертой главе рассматривается более персонализированная и приватная материальная культура скорби в «Second Life». Авторы обсуждают то, как предметы, создающиеся в игре могут служить напоминанием об умерших или потерянных близких. Жители «Second Life» осознанно воспроизводят значимые памятные объекты из реальной жизни, такие как предметы, относящиеся к дому, одежде и питомцам. Также рассматривается судьба виртуальных объектов, чьи владельцы «умерли» (виртуально или реально).

В пятой главе авторы обращаются к понятиям памяти и ностальгии в том виде, в каком они возникают в «Second Life». Первый раздел этой главы посвящен ностальгии по дому: описываются кейсы создания пользователями значимых пространств памяти для своих престарелых родителей. Авторы связывают обсуждение ностальгии по реальной истории с анализом проявлений ностальгии по виртуальной истории «Second Life». Несмотря на изменение виртуальных строительных практик за время существования игры, пользователи стараются поддерживать и сохранять доступ к «устаревшим» объектам мира «Second Life», вызывающим ностальгические переживания. Эта глава завершается обсуждением понятия «путешествия во времени» в пространстве «Second Life». Авторы рассматривают кейсы конструирования виртуальных аналогов реального прошлого: например, симуляции «Берлин 1920-х гг.» и «Радиорубка старого времени».

С точки зрения *memory studies*, отношений памяти и переживания прошлого в виртуальном пространстве особенно интересными, на наш взгляд, представляются три наблюдения авторов, связанные с практиками коммемораций в игре «Second Life».

Во-первых, идея автономности виртуальных норм. Эта мысль, обозначенная в первой главе относительно семейных и романтических отношений, развивается в последующих главах и переносится

сится на нормы, имеющие отношение к переживаниям горя. Авторы обращают внимание на возможность легитимизации горя для пользователей виртуальных миров, лишенных права на публичное выражение скорби в реальном мире. «Бесправное горе» возникает там, где потеря не признается обществом и не может быть публично выражена. Теория Кеннета Дока [7] о лишенном гражданских прав горе предоставляет важный концептуальный инструмент, с помощью которого можно понять переживания скорби жителей «Second Life», потерявших значимых близких, а также места памяти. Авторы развивают идеи Дока применительно к ситуациям, когда реальное окружение не признает законную причину скорби, например, в случаях реальных утрат людей, связь с которыми не легитимна с точки зрения социального окружения, и в случаях скорби по отношению к личностям (аватарам), ушедшим из виртуального мира. Очевидно, что для пользователей, скорбящих о потере тех, с кем они встречались только в «Second Life» (или даже вымышленных персонажей и медийных персон), возможность признания этого горя за пределами мира «Second Life» ограничена. Виртуальные коммеморативные практики, описываемые авторами (создание памятников и мемориальных мест, обозначение памятных дат) являются актами неприятия и преодоления «бесправного горя».

Во-вторых, большим эвристическим потенциалом, на наш взгляд, обладает идея ностальгии, воплощенной в виртуальных путешествиях во времени. В этом контексте обращение к прошлому, его идеализация и проявления ностальгии в виртуальном пространстве игры являются попыткой нивелировать противоречия настоящего и риски будущего. В терминологии Зигмунта Баумана подобная «ретропия» [1, 19] демонстрирует отказ от ожиданий относительно будущего и попытку найти стабильность и надежность в прошлом; а безопасность и успокоение - в гаджетах.

Пользователи игры конструируют виртуальные аналоги некоторых эпох и мест, имеющих для них культурное значение или вызывающих интерес. Это практика «Second Life», удовлетворяющая потребность в ностальгических переживаниях: ностальгии по дет-

ству и дому, ностальгии по собственной истории «Second Life» и ностальгии по утраченным реальным местам прошлого. Ностальгия, с точки зрения авторов, – это не обязательно буквальная память, но акт воспоминания и воображения прошлого. Относительно чувства ностальгии Эндрю Хигсон пишет, что «процесс воспоминания... тесно связан с желанием вернуться мысленно или фактически в то более раннее время – даже если ясно, что такое возвращение может быть только фантазией» [9, P.123]. Если традиционные медиа предлагали людям тексты как возможность погрузиться в пространство культурной памяти и ностальгических переживаний, то в компьютерных симуляциях окончательная реальность возникает в виде детальной цифровой реконструкций пространств объектов, которые могут быть использованы игроками для путешествий во времени через их аватары. Строители мира «Second Life», как любители, так и профессионалы выбирают аспекты периода, которые они хотят передать: архитектуру, декор, музыку, звуки, одежду (посредством введения дресс-кода для аватаров) и оставляют в стороне то, что нежелательно или слишком сложно. Таким образом, исторические симуляции в «Second Life» являются ностальгическими в смысле предоставления доступа в идеализированную и воображаемую версию прошлого.

Особенно интересен в этой связи кейс воссоздания пользователями «Second Life» Берлина 1920-х годов. Действие симулятора происходит в Веймарской республике; он характеризуется близкой к реалистичности того времени архитектурой, соответствующим дресс-кодом и регулярными тематическими мероприятиями. Этот мир, существует в мире «Second Life» более 7-ми лет, и если контекст этого места (здания и текстуры) имеют конкретных авторов, то контент (сообщества и социальные взаимодействия) являются результатом коллективных действий. Важным моментом является то, что пользователи, вступая в социальные взаимодействия, стараются придерживаться атмосферы эпохи; в этом смысле пространство Берлина из «Second Life» является формой цифровой коллективной исторической реконструкции. Образ прошлого, пред-

ставленный в «Second Life», не является точным отражением Берлина 1920-х годов, он основан на современных представлениях об истории данного периода в популярной культуре. Эту симуляцию можно трактовать и как площадку для исторического обучения и виртуального туризма, и как мир игры и фантазии, и как «место памяти» [4] - пространство ностальгии и интеракций с прошлым.

В-третьих, интерес представляет развитие авторами идеи «места» относительно виртуальных практик коммемораций. С точки зрения авторов, ключевой определяющей характеристикой виртуальных миров является то, что они представляют собой технологические среды, которые обеспечивают пользователям чувство места. Авторы не прибегают к концепции «третьего места» Рея Ольденбурга [5], но, в сущности, развивают её применительно к виртуальному миру «Second Life». Напомним, что Ольденбург использует понятие «третье место» применительно к реальному социальному пространству, не связанному с домом («первое место») и работой («второе место»). Это пространство неформальных социальных взаимодействий, место для коммуникации в условиях нейтральности, доступности, отсутствия социальной стратификации на каких-либо основаниях, кроме регулярности использования. Важный аспект существования «третьих мест» – наличие «завсегдатаев» - постоянных клиентов, поддерживающих определенную атмосферу, правила и традиции места. В физическом воплощении «третье место» играют важную интегрирующую роль для локальных сообществ. Для онлайн-сообществ, соответствующих этим характеристикам, Чарльз Соукап [10] предложил термин «виртуальное третье место», взаимодействия в которых происходят вне пространства и времени. Эти интеракции «через симуляцию изменяют идентичность и символические референции» [10, р. 432]. С этой точки зрения, «виртуальные третьи места» способны институализировать различные социальные практики, в том числе коммеморативные в пространстве компьютерной игры.

Авторы монографии отмечают, что в цифровом пространстве формируется специфическая мемориальная культура: поворот к

празднованию жизни, а не только оплакивание смерти (особенно по отношению к публичным персонам); использование культуры мемов и вирусных медиа; создание цифровых мемориалов; появление сообществ, основной функцией которых становится совместные воспоминания и обмен биографическими историями. «Second Life» является частью этой более широкой цифровой культуры совместной скорби. Это пространство, в котором проявляются тенденции к цифровой мемориализации, продолжению цифровых связей с близкими и публичными умершими людьми. Однако «Second Life» как «виртуальное третье место», обладающее опцией создания объектов и воплощения личностей, придает, по мнению авторов, ритуализированной скорби гибридную форму: креативность, процессуальность, открытость для случайностей.

Авторы используют понятие Майкла Уорнера «контрпублик» [12], то есть, оппозиционные общественные сферы, для описания специфики коммеморативных практик в «Second Life», так как игра предлагает пользователям альтернативы легитимизированной мемориальной культуре. Очевидно, что коммеморативные ритуалы имеют первостепенное значение в исторической памяти, особенно по отношению к событиям, имеющим сакральный статус на национальном и транснациональном уровнях. По мнению авторов, этот статус зачастую связан с «национализмом... и гегемонией маскулинности, которые замалчивают и делегитимизируют истории женщин и особенно истории травм, связанных с изнасилованиями и убийствами в контексте войны» [8, P.83]. В то время как санкционированная государством мемориальная культура остается значимым моральным фактором в культивировании националистических чувств и солидарности (через мифы, истории и ритуалы), общественная траурная и мемориальная культура становится все более мобильной и формируется под влиянием целого ряда источников идентичности, обстоятельств смерти и субъектов утраты.

Преобразующая способность «виртуальных третьих мест» заключается в том, что они обходят регулирующие возможности государств определять, кто или что будет частью общественной

мемориальной культуры. В сущности, «виртуальные третьи места» преодолевают отсутствие некоторых мемориальных практик в реальном физическом пространстве, становясь самостоятельным местом памяти. В «Second Life» культура памяти объединяется как вокруг цифровых мемориалов и кладбищ, так и вокруг сообществ, посвященных памяти конкретных событий.

Обобщая наблюдения авторов относительно реализации пользователями ностальгических переживаний, их взаимодействий с «сентиментальными объектами» [8, p.107] и ритуальными пространствами, можно типологизировать онлайн-практики коммемораций в пространстве игры.

Во-первых, это практики коммемораций, относящиеся к *виртуальной истории*. За время своего существования игра приобрела собственное прошлое и претерпела значительные трансформации (технически усложнились и детализировались элементы пространства, сами аватары и их функционал). Игровые сообщества «Second Life» стали характеризоваться ностальгией по собственной истории и пространствам (как частным, так и общественным). Это проявляется в сохранении исторических зданий и пространств в первоначальном виде; в существовании музеев истории игры и достопримечательностей; в декорировании жилищ фотографиями аватаров и мест, сделанными в самой игре; в сохранении пользователями устаревших объектов. Сообщества выделяют не только пространства и объекты, которые должны оставаться неизменными в периоды перестроек, но и временные маркеры, отмеряющие историю игры (регулярные праздники, фестивали и события). Все эти практики не имеют прагматических причин, а связаны с ностальгией и глубокой эмоциональной привязанностью многих игроков к этому миру и к другим пользователям, населяющим его. Как и в реальной жизни, ностальгический импульс, направленный на сокращение дистанции между прошлым и настоящим, проявляется в бережном сохранении значимых объектов и истории сообществ. Но в отличие от реальной жизни, виртуальное пространство игры позволяет не только возвращаться в прошлое, но и переживать его заново.

Во-вторых, в цифровом пространстве игры можно выделить коммеморативные практики, относящиеся к *воображаемой истории*. Речь идет об исторических симуляциях, играющих роль виртуальных туристических направлений. Не смотря на то, что эти симуляции репрезентуют конкретное место и время, они, в сущности, являются симулякрами, так как конструируются сообразно техническим возможностям детализации и социальным нормам «Second Life». Например, в описанном выше проекте «Берлин 1920-х» есть цензура, связанная с антисемитскими высказываниями, использованием лозунгов и атрибутов нацизма. Посетители этой симуляции не столько переживают, сколько «играют» в историю, подобно тому, как это происходит в офлайн-пространстве исторических игр и реконструкций.

В-третьих, можно выделить коммеморативные практики, относящиеся к *реальной истории*. Это сложный комплекс коммемораций, проявляющийся как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

На уровне проживания личного прошлого игра предоставляет возможность создавать пространства памяти (могилы, памятники) по ушедшим близким, войти в сообщества людей, потерявших близких при схожих обстоятельствах и разделить чувства скорби с другими. Выше мы писали о «бесправном горе», возможность пережить и разделить которое люди имеют только в онлайн-сообществах; таких много в пространстве «Second Life» (это и сообщества ЛГБТ, и сообщества людей, чьи ролевые позиции по отношению к умершему не поддерживаются в рамках традиционных социальных отношений). Кроме того, учитывая 20-тилетнее существование мира «Second Life», эмоциональные связи, установившиеся между аватарами (не знакомыми в реальной жизни), так же легитимизируются: есть места «захоронения» и поминовения значимых для других пользователей аватаров.

Вместе с тем, игра дает возможность «путешествовать» по личному прошлому. Игроки конструируют разного рода «сентиментальные» объекты – аналоги значимых предметов из личного прошлого: утраченные семейные реликвии, игрушки и предметы из детства,

репликации умерших домашних животных. Пользователи воссоздают по памяти и фотографиям дома из детства, которые используются для встречи и общения со своими реальными родственниками. Ностальгические семейные пространства являются уникальной формой коммемораций для современных обществ с высокой мобильностью, в которых утрата «отчего дома» - распространенное явление. Эти места становятся площадкой для семейного общения, обладают высокой эмоциональной окраской и особой темпоральностью.

На социальном уровне «Second Life» также позволяет реализовывать коммеморации, которые по разным причинам невозможно осуществить офлайн: есть общественные мемориалы, посвященные различным значимым событиям, трагедиям и потерям; группы поминовения умерших общественно значимых людей (музыкантов, политиков и т.д.), вымышленных персонажей популярной культуры. Виртуальный мир, в сущности, признает реальность всех форм эмоциональных переживаний и обстоятельств утраты, замещает лакуны в реальных социальных институтах, легитимизирует различные переживания скорби.

Заключение

Выделенные три формы онлайн-коммемораций в пространстве компьютерной игры дают возможность возвращаться, проживать и представлять прошлое, используя разнообразные способы. Дискурс прошлого и переживания потери в мире «Second Life» сформировался благодаря длительности существования игры и техническим возможностям этого виртуального пространства, позволяющего альтернативно воспроизводить и переосмысливать социальные практики, в том числе, ритуалы скорби, коммемораций, ностальгии. Цифровое пространство заполняет лакуны реального социального пространства, позволяя пользователям совместно переживать различные формы «бесправного горя», создавать «виртуальные третьи места» памяти и реализовывать ностальгические переживания. Ностальгия как реакция на мобильность и изменчивость окружающего мира, характеризующих современность, особенно ярко наблюдает-

ся в онлайн-пространстве, где устанавливаются особые отношения темпоральности; приватности и публичности; индивидуальной и социальной истории; автономности и связанности с реальностью; геймификации отношений с прошлым.

В целом, рецензируемая книга интересна как с методологической, так и с содержательной точек зрения: с одной стороны, представленное исследование развивает опыт цифровой этнографии, размывая границу между онлайн и офлайн практиками этнографии. С другой – вносит вклад в понимание цифрового образа жизни и того, каким образом практики, связанные с утратой и переживанием прошлого, адаптируются к цифровой среде, осуществляются и трансформируются в ней.

Информация о спонсорстве. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

Funding. This article was prepared with the financial support of grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00311 “Mediatization as a Factor in the Transformation of Commemorative Practices of Youth”.

Список литературы

1. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Белов С.И. Историческая символика видеоигр как фактор коррекции социальной памяти населения (на материалах Assassin’s Creed) // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 242-248.
3. Галанина Е. Время в видеоиграх // Новое литературное обозрение. 2019. № 4. С. 344-350.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
5. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

6. Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. New Jersey: Princeton University Press. 2008. 336 p.
7. Doka K.J. *Living with Grief: Loss in Later Life*. Washington, DC: The Hospice Foundation of America. 2002. 363 p.
8. Gibson M., Carden, C. *Living and Dying in a Virtual World. Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life*. Palgrave Macmillan. 2018. 154 p.
9. Higson A. *Nostalgia is not what it Used to Be: Heritage Films, Nostalgia Websites and Contemporary Consumers // Consumption Markets & Culture, 2013, Vol. 17(2), pp. 120–142. <https://doi.org/10.1080/10253866.2013.776305>*
10. Soukup C. *Computer-Mediated Communication as a Virtual Third Place: Building Oldenburg’s Great Good Places on the World Wide Web // New Media & Society, 2006, Vol 8(3), pp.421-440. <https://doi.org/10.1177/1461444806061953>*
11. Turkle S. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. Cambridge: The MIT Press, 2005. 372 p.
12. Warner M. *Publics and Counter-Publics*. New York: Zone Books. 2005. 334 p.

References

1. Bauman Z. *Retrotopiya* [Retropy]. M.: VCIOM, 2019, 160 p.
2. Belov S.I. *Istoricheskaya simbolika videoigr kak faktor korrekcii social'noj pamyati naseleniya (na materialah Assassin's Creed)* [Historical Symbolism of Video Games as a Factor of Social Memory Correction (Based on Assassin's Creed)] *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2022, no 81, pp. 242-248.
3. Galanina E. *Vremya v videoigrah* [Time in video games]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2019, no. 4, pp. 344-350.
4. Nora P. *Problematika mest pamyati* [The Problematics of Memory Sites]. *Franciya-pamyat'* [France-Memory]. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1999. pp. 17-50.

5. Ol'denburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The Third Place: Cafés, Coffee Shops, Bookshops, Bars, Beauty Salons and other Places to «Hang out» as the Foundation of the Community] M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 456 p.
6. Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. New Jersey: Princeton University Press, 2008, 336 p.
7. Doka K.J. *Living with Grief: Loss in Later Life*. Washington, DC: The Hospice Foundation of America, 2002, 363 p.
8. Gibson M., Carden, C. *Living and Dying in a Virtual World. Digital Kinships, Nostalgia, and Mourning in Second Life*. Palgrave Macmillan, 2018, 154 p.
9. Higson A. Nostalgia is not what it Used to Be: Heritage Films, Nostalgia Websites and Contemporary Consumers. *Consumption Markets & Culture*, 2013, vol. 17(2), pp. 120–142. <https://doi.org/10.1080/10253866.2013.776305>
10. Soukup C. Computer-Mediated Communication as a Virtual Third Place: Building Oldenburg's Great Good Places on the World Wide Web. *New Media & Society*, 2006, vol 8(3), pp. 421-440. <https://doi.org/10.1177/1461444806061953>
11. Turkle S. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. Cambridge: The MIT Press, 2005, 372 p.
12. Warner M. *Publics and Counter-Publics*. New York: Zone Books, 2005, 334 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шалютина Надежда Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Университетский переулок, 7, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603000, Российская Федерация
shalyutina@fsn.unn.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Shalyutina, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Branch and Applied Sociology Department

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

7, Universitetsky lane, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603000, Russian Federation

shalyutina@fsn.unn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-4551>

SPIN-code: 7904-4155

Поступила 28.04.2023

После рецензирования 05.05.2023

Принята 10.05.2023

Received 28.04.2023

Revised 05.05.2023

Accepted 10.05.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАДИМИРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К.О. Кудряшов 14

БЮРОКРАТИЗМ И БОРЬБА С НИМ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КИРОВСКАЯ ПРАВДА»

Д.И. Лобанов 28

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖСКОГО
ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ

**И.В. Малимонов, Л.Г. Король, И.Г. Синьковская,
Д.В. Рахинский, Ю.С. Шепелева** 44

ТРИ ТИПА НОСТАЛЬГИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

К.В. Игаева 64

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ
В УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Лапшина В.С. 76

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О СИНОНИМАХ В ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ
ОХОТСКИХ ЭВЕНОВ

Е.В. Нестерова 93

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА В АНГЛЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ	
Ю.С. Гаврикова, А.Е. Голукович, А.С. Трущинская	106
ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ	
А.Е. Воробьева, А.Н. Доборович, Е.В. Кузнецова	119
ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
Д.М. Костина, Е.Н. Сидорова, Е.Н. Ширлина	135
АНОМАЛИИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	
Ю.В. Массальская, А.В. Николаева	151
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПРИ ОПИСАНИИ НЕДУГОВ ЮНЫХ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ ЕВЫ НЕМЕШ «ВЫКЛЮЧИТЕ ОРФОГРАФИЮ»	
Э.И. Ахметзянова, Э.Р. Ибрагимова	168
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛЕНГИЗМОВ В РОМАНЕ АННЫ ТОДД «ПОСЛЕ»	
Т.В. Сапух, Д.А. Броцман	188
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОГО ЯВЛЕНИЯ BABY TALK	
Т.В. Сапух, А.С. Кустова	204
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИТИВНОСТИ В ПЕРСониФИЦИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ / CREATION – РАЗРУШЕНИЕ / DESTRUCTION)	
Л.Б. Здановская	219

АЛЛЮЗИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПЕРСОНАЖЕЙ ТЕЛЕСЕРИАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ
ИСПАНСКОГО СЕРИАЛА “EL PUEBLO”)

Ю.А. Акипова 235

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗОБРЕТЕНИЕ «РИМСКОГО», ВООБРАЖЕНИЕ
«ВАРВАРСКОГО»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РИМА В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ ОВИДИЯ

М.В. Кирчанов 255

«ОБЩЕРОМАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ» КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

М.В. Кирчанов 288

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

ОПЫТ ИММЕРСИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИЙСКИХ СМИ

А.А. Гаврилова, М.Г. Яковлева 313

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «SECOND LIFE»

Н.В. Шалютина 342

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 365

CONTENTS

HISTORY STUDIES

- INTERACTION OF THE VLADIMIR GOVERNORS
AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE LAST QUARTER
OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES
K.O. Kudryashov 14
- BUREAUCRATISM AND THE FIGHT AGAINST
IT IN THE YEARS OF PERESTROIKA ON THE PAGES
OF THE NEWSPAPER “KIROVSKAYA PRAVDA”
D.I. Lobanov 28

PHILOSOPHICAL STUDIES

- HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL REPRESENTATION
OF THE MALE GENDER REGIME IN THE PROCESS OF WOMAN’S
SOCIAL STATUS TRANSFORMATION
**I.V. Malimonov, L.G. Korol’, I.G. Sin’kovskaya,
D.V. Rakhinskiy, Yu.S. Shepeleva** 44
- THREE TYPES OF NOSTALGIA IN COMPUTER GAMES
K.V. Igaeva 64
- PHILOSOPHY OF HUMAN EXISTENCE IN THE URBANIZED
ENVIRONMENT
V.S. Lapshina 76

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

- ON SYNONYMS IN THE EPIC TALES OF THE OKHOTSK EVENS
E.V. Nesterova 93

PRAGMATIC ASPECTS OF THE QUESTION IN THE ENGLISH ADVERTISING TOURIST NARRATIVE Yu.S. Gavrikova, A.E. Golukovich, A.S. Trushinskaya	106
ECOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF MODERN ELECTRONIC BUSINESS COMMUNICATION A.E. Vorobyova, A.N. Doborovich, E.V. Kuznetsova	119
FEATURES OF THE AUSTRIAN VARIETY OF GERMAN IN ACADEMIC DISCOURSE D.M. Kostina, E.N. Sidorova, E.N. Shirlina	135
ANOMALIES IN AN ADVERTISING TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE) Yu.V. Massalskaya, A.V. Nikolaeva	151
SYNTACTIC EXPRESSIVENESS IN DESCRIBING THE AILMENTS OF YOUNG CHARACTERS IN THE NOVEL TURN OFF SPELLING BY EVA NEMESH'S E.I. Akhmetzyanova, E.R. Ibragimova	168
PECULIARITIES OF SLANGISMS TRANSLATION IN ANNA TODD'S NOVEL «AFTER» T.V. Sapukh, D.A. Brotsman	188
TRANSLATION FEATURES OF THE BABY TALK LANGUAGE PHENOMENON T.V. Sapukh, A.S. Kustova	204
REPRESENTATION OF CONCEPTUAL OPPOSITION IN A PERSONALIZED MODEL OF LANGUAGE PERSONALITY (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY) L.B. Zdanovskaya	219

ALLUSION AS ONE OF THE FORMS OF SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERS OF THE SERIES (BASED ON THE CONTENT OF THE SPANISH TELEVISION SERIES EL PUEBLO)	
Y.A. Akipova	235

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

INVENTION OF “ROMAN”, IMAGINATION OF “BARBARIAN”: THE CONSTRUCTION OF THE IMPERIAL IDENTITY OF ROME IN THE LATER TEXTS OF OVID	
M.W. Kyrchanoff	255

“THE PAN-ROMANCE STATE” AS AN INVENTED HISTORIOGRAPHICAL TRADITION IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF ROMANCE PHILOLOGY	
M.W. Kyrchanoff	288

SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

IMMERSIVE JOURNALISM EXPERIENCE IN THE RUSSIAN MEDIA	
A.A. Gavrilova, M.G. Yakovleva	313

REFeree REPORTS

COMMEMORATIVE PRACTICES IN THE VIRTUAL SPACE OF THE COMPUTER GAME «SECOND LIFE»	
N.V. Shalyutina	342
RULES FOR AUTHORS	365

Подписано в печать 30.06.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 26,36. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SIS152/023. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.